This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

S. Slav 41 Confined to Library

PG3447.25.A1.1878 (3)
= Rep. Slav. 376

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1831—1846 ГОДОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. И. ГЛАЗУНОВА.

1878.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
28 JUN 1943
OF OXFORD

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ 3-го ТОМА.

1831—1846.

		стр.
1831.	Сидъ [отрывокъ изъ Гердерова перевода]	1
	Неожиданное свиданіе, быль [изъ Гебеля]	20
	Двѣ загадки	23
	Двѣ были и еще одна	24
	Замокъ на берегу моря [изъ Уланда]	35
	Сраженіе съ змѣемъ, повѣсть [подражаніе Шиллеру]	—
	Островъ	40
	Судъ Божій, повѣсть [подражаніе Шиллеру]	41
	Спящая царевна, сказка	46
	Война мышей и лягушекъ, сказка	57
	Сказка о царѣ Берендеѣ	67
	Появленіе весны	81
	Дѣтскій островъ	—
	Признаніе	82
	Явленіе [отрывокъ изъ Шиллера]	—
	Къ равнодушной красавицѣ	83
	Утро на горѣ	—
	Старая пѣсня на новый ладъ	84
	Къ И. И. Дмитріеву	86
	Русская слава	88
1832.	Судъ въ подземельѣ, отрывокъ изъ повѣсти [Вальтеръ-Скотта]	91
	Роландъ оруженосецъ, баллада [изъ Уланда]	110
	Нормандскій обычай, драматическая повѣсть [изъ Уланда]	118
	Рыцарь Роллонъ, баллада [изъ Уланда]	127
	Старый рыцарь, баллада	130
1833.	Уллинъ и его дочь, баллада	131
	Плаваніе Карла Великаго, баллада [изъ Уланда]	133
	Братоубійца, баллада [изъ Уланда]	135

		стр.
	Элевзинскій праздникъ, баллада [изъ Шиллера]	138
	Орелъ и голубка, басня [изъ Гёте]	145
	Князю Д. В. Голицыну	147
1834.	Пѣснь на присягу государя наслѣдника	148
	Народныя пѣсни [«Боже, царя храни!» и «Слава на небѣ солнцу высокому»]	149
	Многолѣтіе	150
1835.	Д. В. Давыдову, при посылкѣ изданія: «Для немногихъ».	151
1836.	«Бывали дни восторженныхъ видѣній»	152
	Ундина, старинная повѣсть [изъ Ламоттъ-Фуке]	154
	Ночной смотръ [изъ Зейдлица]	232
	Воскресное утро въ деревнѣ [изъ Гебеля]	234
1837.	Роза	475
	Лавръ	476
	Надгробіе юношѣ	—
	Голосъ младенца изъ гроба	—
	Младость и старость	—
	Фидій	—
	Судьба	—
	Завистникъ	477
	Покойнику	—
	Stabat mater	235
	А. П. Ермолову	237
1839.	Камоэнсъ, драматическая поэма [подражаніе Фр. Гальму].	—
	Въ сардамскомъ домикѣ	271
	Поэту Ленепсу	—
	Сельское кладбище, элегія [второй переводъ изъ Грея]	273
	Молитвой нашей Богъ смягчился	277
	Бородинская годовщина	279
1841.	Наль и Дамаянти, индѣйская повѣсть [подражаніе Рюккерту]	289
1842.	1-е іюля 1842	364
1843.	Великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ	285
	Маттео Фальконе, корсиканская повѣсть [изъ Мериме]	371
	Капитанъ Боппъ, повѣсть	377
1844.	Двѣ повѣсти, подарокъ на новый годъ издателю Москвитянина [изъ Шамиссо и Рюккерта]	387
	Выборъ креста, повѣсть [изъ Шамиссо]	400
1845.	Тюльпанное дерево, сказка	402
	Котъ въ сапогахъ, сказка	412
	Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ	419

		стр.
1846.	Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой.....	455
	Въ альбомъ Е. А. Алябьевой.....	—
	Египетская тьма [изъ премудр. Соломона].....	456
	Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ	458
	Чаша слезъ [отрывокъ].....	469

Дополненія ко 2-му тому:

1817.	Къ портрету великой княгини.....	483
1819.	Нарышкину. Объясненіе.....	484
	Будьте, о духи лѣсовъ.....	485
	Платокъ. Графинѣ Самойловой	—
	В. П. Ушаковой, графинямъ Самойловой и Шуваловой и княжнамъ Козловской и Волконской.....	490
1823.	9 марта 1823 [Ты предо мною стояла тихо]	491

	Библіографическія примѣчанія.....	471
	Дополненіе ко 2-му тому	483

1831

СИДЪ.

[ОТРЫВОКЪ, ИЗЪ ГЕРДЕРОВА ПЕРЕВОДА].

Горные испанцы, вмѣстѣ съ религіею, законами, честью и свободою предковъ своихъ визиготѳовъ, сохранили и употребленіе языка романскаго.

То были необразованные люди, характера дикаго, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

Въ сихъ долинахъ властвовали графы, коимъ короли визиготѳскіе ввѣряли наблюденіе правосудія въ мирные дни и предводительство народнаго войска во дни военные.

Когда пала монархія, сіи графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народъ сей былъ составленъ бо́льшею частію изъ переселенцевъ, покинувшихъ свою родину, дабы, среди безплодныхъ утесовъ, спасти религію и законы отцевъ своихъ. Тамъ не было отдаваемо никакихъ отличныхъ почестей фортунѣ: подъ кровлею бѣдной хижины часто находили человѣка, побѣдившаго въ сраженіи. Вѣроятно, что въ сіи времена вошла въ испанскіе нравы сія кастильская спѣсь, замѣчаемая нынѣ въ самихъ нищихъ.

Санхо Великій, король кастильскій, въ началѣ XI вѣка соединилъ подъ державу свою почти всѣ христіанскія области полуострова; отъ него зависѣли Астурія, Наварра и Аррагонія; онъ первый принялъ титулъ короля Кастиліи и можетъ быть почитаемъ родоначальникомъ королевскихъ домовъ Испаніи.

При семъ королѣ родился Донъ-Родриго Діацъ [сынъ Діэга], прозванный Саидомъ или Сидомъ [господиномъ] отъ побѣжденныхъ имъ мавровъ. Наименованный главнымъ военачальникомъ арміи отъ короля кастильскаго, онъ получилъ еще прозваніе Кампеадора [воителя].

Замокъ Биваръ, недалеко отъ Бургоса, завоеванный отцемъ его Донъ-Діэгомъ, былъ мѣстомъ его рожденія. Съ женской стороны происходилъ онъ отъ древнихъ графовъ кастильскихъ. Знаменитый породою, онъ пріобрѣлъ богатство мужествомъ и оружіемъ. Подвиги его сохранились въ народныхъ пѣсняхъ или романсахъ, изъ которыхъ здѣсь предлагается извлеченіе.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ФЕРДИНАНДА.

I.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ-Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.
«Ошибаетесь, друзья!
Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ.
«Не ко мнѣ посольство ваше;
Неприлично господиномъ
Называть меня въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ господствуетъ Великій
Фердинандъ, мой повелитель:
Все его здѣсь, не мое.»

И король, такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: «скажите
Вы царямъ своимъ, что, если
Господинъ ихъ Донъ-Родриго
Не король, то здѣсь по праву
Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,
И что все, чѣмъ я владѣю,
Завоевано мнѣ Сидомъ.»
Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Полныхъ семь лѣтъ безъ успѣха
Неприступную Коимбру
Осаждалъ Донъ-Фердинандъ.
Никогда бъ не одолѣлъ онъ
Неприступныя Коимбры,
Крѣпкой башнями, стѣнами....
Но является Санъ-Яго,
Рыцарь Господа Христа:
На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,
Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ
Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.
«Симъ ключемъ, который блещетъ
У меня въ рукахъ [сказалъ онъ],
Завтра утромъ на разсвѣтѣ
Отопру я Фердинанду
Неприступную Коимбру.»
И король вступилъ въ Коимбру;
И мечеть ея назвали
Церковью Маріи Дѣвы.
Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ

Донъ-Родриго, графъ Биварскій.
Самъ король своей рукою
Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
Далъ ему лобзанье мира;
Только не далъ акколады,
Ибо то ужъ для другаго
Было сдѣлано имъ прежде;
И, въ особенную почесть,
Конь въ блестящей збруѣ Сиду
Подведенъ былъ королевой,
А инфанта золотыя
На него надѣла шпоры.

III.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діэго....
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ.
Посрамленъ на вѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ,
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко

Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
«Что ты дѣлаешь, родитель?
Умертвить ли насъ замыслилъ?»
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему Родригу,
Въ немъ опять она воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
«Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
Развяжи! когда бъ ты не былъ
Мой отецъ, я не словами
Далъ себѣ тогда бъ управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнулъ;
Мнѣ мечемъ или кинжаломъ
Были пальцы бы мои!»
— Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее. —
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

IV.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.

Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ гидальга благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ — одной управы,
Отъ земли — простора битвѣ,
А отъ чести — подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
«Знаю, добрый мечъ, сказалъ онъ,
Что тебѣ еще постыдно
Быть въ рукѣ не знаменитой;
Но когда я поклянуся
Не нанесть тебѣ обиды,
Ни на шагъ въ минуту боя
Не попятиться... пойдемъ!

V.

Тамъ, на площади дворцовой
Сидъ увидѣлъ Донъ-Гормаса
Одного, безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
«Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
Ты о сынѣ Донъ-Діэга,
Оскорбивъ рукою дерзкой
Святость старцева лица?

Зналъ ли ты, что Донъ-Діэго
Есть потомокъ Ляйна Кальва,
Что нѣтъ крови благороднѣй,
Нѣтъ щита его честнѣй?
Зналъ ли, что пока дышу я,
Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ
[Развѣ Богъ одинъ Всевышній]
Сдѣлать то безъ наказанья,
Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?»
— Самъ едва ли ты, младенецъ
[Отвѣчалъ Гормасъ надменно],
Знаешь жизни половину.
«Знаю твердо! половина
Жизни: почесть благороднымъ
Воздавать, какъ то прилично;
А другая половина:
Быть грозою горделивыхъ,
И послѣдней каплей крови
Омывать обиду чести.»
— Что жъ? Чего, младенецъ, хочешь?
«Головы твоей хочу я.»
— Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ;
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа. —
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

VI.

Слезы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діэга:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ;
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,

О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой;
Но, цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный,
Донъ-Діэго не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечемъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: «ѣшь, родитель!»
Говоритъ, придвинувъ пищу;
Но сильнѣе плачетъ старецъ.
— Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?
«Я, родитель! смѣло можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо.»
— Спасена ли наша слава?
«Мой родитель, онъ убитъ.»
— Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой. —
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,

Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діэго,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

VII.

На престолѣ королевскомъ
Возсѣдалъ король-владыка,
Внемля жалобамъ народа,
И давая всѣмъ управу.
Твердый, кроткій, правосудный,
Награждалъ онъ добрыхъ щедро,
И казнилъ виновныхъ строго:
Наказаніе и милость
Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
Въ черной траурной одеждѣ
Входитъ юная Химена,
Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
Триста пажей благородныхъ.
Дворъ въ безмолвномъ изумленьи.
Преклонивъ свои колѣна
На послѣднюю ступеню
Королевскаго престола,
Такъ Химена говоритъ:
«Государь, прошло полгода
Съ той поры, какъ мой родитель
Подъ ударами младаго
Сопротивника погибъ.
И уже я приносила
Передъ тронъ твой королевскій
Умиленную молитву.
Были мнѣ даны тобою
Обѣщанья; но управы
Не дано мнѣ и по нынѣ.

Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
Издѣвается Родриго
Надъ законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты самъ.
Государь правдолюбивый
На землѣ есть образъ Бога;
Государь неправосудный,
Поощряющій строптивость,
Сердцу добрыхъ не любезенъ,
Не ужасенъ и для злыхъ.
Государь, внемли безъ гнѣва
Симъ словамъ моей печали:
Въ сердцѣ женщины почтенье
Превращается отъ скорби
Часто въ горестный упрекъ.»
И король на то Хименѣ
Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
«Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
Ни желѣза, ни гранита.
Если я сберегъ Родрига,
То сберегъ его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будетъ время — будешь плакать
Ты отъ радости по немъ.»

VIII.

Въ часъ полупочи спокойной,
Тихій голосъ, нѣжный голосъ
Унывающей Хименѣ
Говорилъ: «отри, Химена,
Слезы грусти одинокой.»
— Отвѣчай, откройся, кто ты?
«Сирота, меня ты знаешь.»
— Такъ! тебя, Родриго, знаю;

Ты, жестокій, ты, лишившій
Домъ мой твердыя подпоры....
«Честь то сдѣлала, не я.»

IX.

Въ храмѣ Божіемъ Родриго
Такъ сказалъ своей Хименѣ:
«Благородная Химена,
Твой отецъ убитъ былъ мною,
Не по злобѣ, не измѣной,
Но въ отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и мечъ на мечъ.
Я тебѣ за мужа чести
Мужа чести возвращаю;
Я тебѣ въ живомъ супругѣ
Все даю, что прежде въ мертвомъ
Ты отцѣ своемъ имѣла:
Друга, спутника, отца.»
Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
Остріе къ святому небу,
Произноситъ громогласно:
«Пусть меня сей мечъ накажетъ,
Если разъ нарушу въ жизни
Мой обѣтъ: любить Химену,
И за все моей любовью
Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
Обѣщаюсь и клянуся!»
Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
Славный Сидъ Кампеадоръ.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
Битвахъ былъ побѣдоносенъ.

Наконецъ для Фердинанда
Часъ послѣдній наступаетъ:
На своей постелѣ смертной
Онъ лежитъ лицомъ къ востоку;
Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,
Держитъ свѣчу гробовую;
Въ головахъ стоятъ прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
«Есть ли гдѣ законъ, родитель,
Человѣческій иль Божій,
Позволяющій наслѣдство,
Дочерей позабывая,
Сыновьямъ лишь оставлять?»
Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
«Я даю тебѣ Замору,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
Кто когда нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору.»
Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ДОНЪ-САНХА КАСТИЛЬСКАГО.

I.

Только что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Какъ уже онъ на конѣ,
И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галиціи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсій;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною кастильцевъ.
Вдругъ явился Донъ-Родриго.
— Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ, сказалъ ему Донъ-Санхо,
Во-время ко мнѣ поспѣлъ ты.
«Но ты самъ, король Донъ-Санхо,
Здѣсь не во время [сурово
Отвѣчалъ ему Родриго]:
Лучше было бы, съ молитвой
Руки сжавъ, стоять смиренно
У родителева гроба.
Я исполню долгъ вассала;
Стыдъ же примешь ты одинъ.»
И Донъ-Гарсій побѣжденный
Скоро въ плѣнъ достался Сиду.
— Что ты дѣлаешь, достойный

Сидъ? Сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ.
«Если бъ я теперь вассаломъ
Былъ твоимъ, я то же бъ сдѣлалъ,
Государь, и для тебя.»
Заключенъ по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсій.
За него король леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду, къ мужу чести,
Подымающему руку
На безчестно-злое дѣло.
— Ополчись, мой благородный
Сидъ, Донъ-Санхо восклицаетъ.
Ополчись, мой Сидъ могучій,
Перлъ имперіи священной,
Цвѣтъ Испаніи, зерцало
Чести рыцарской; леонцы
Идутъ противъ насъ войною;
Вѣютъ львы на ихъ знаменахъ;
Но у насъ въ землѣ Кастильской
Много замковъ укрѣпленныхъ:
Будетъ, гдѣ ихъ запереть.
«Государь, святое право
За Альфонса; лишь фортуной
Онъ неправъ!» такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санху Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ:
Онъ бѣжитъ къ толедскимъ маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ — алча
Новой пищи послѣ первой,
Имъ отвѣданной добычи —
Когти острые вонзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,

Безпомощную насильно
Запираетъ въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ.
Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣть Донъ-Санхо мыслитъ.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другаго:
Въ твердомъ выбитый утесѣ,
Имъ покрытый, какъ бронею
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуэра,
Онъ стоитъ — и замки, башни
[Въ цѣлый день не перечесть ихъ],
Какъ вѣнецъ, его вѣнчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:
— Добрый Сидъ, совѣтникъ мудрый,
Дома нашего подпора,
Отъ меня къ сестрѣ Уракѣ
Ты посломъ иди въ Замору.
Предложи мѣну Уракѣ;
Пусть свою назначитъ цѣну;
Но скажи ей въ осторожность:
Если нынѣ отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра самъ возьму я силой
То, о чемъ теперь прошу.
«Что за стѣны!» Донъ-Родриго
Мыслитъ, глядя на Замору;
«Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй

Мнѣ являются онѣ.»
— Что за стѣны! повторяетъ
Про себя король Донъ-Санхо;
Это первыя, которыхъ
Не заставилъ содрогнуться
Приближающійся Сидъ.
— Что за стѣны! размышляетъ
Конь могучій Бабіэка,
Замедляя ходъ, и гриву
Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
Онъ печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
Церкви города Заморы
Въ ткани черныя одѣты,
И на нихъ печальный трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И Урака, затворившись
Въ замкѣ города Заморы,
О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
И печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И она вздыхала тяжко
Въ ту минуту, какъ явился
Передъ городомъ Заморой
Донъ-Родриго, вождь кастильскій.
Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до замка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ.... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.

Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На безславную дорогу;
Благородный Сидъ, назадъ!»
И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасные Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На безславную дорогу;
Благородный Сидъ, назадъ!»
Бодрый Сидъ остановился.
Онъ впервые Бабіэку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: назадъ! поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.
Но разгнѣванный Донъ-Санхо
Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
— Безразсудны государи,
Осыпающіе честью
Неумѣренной вассаловъ!
Лишь мятежниковъ надменныхъ
Для себя они готовятъ.
Ты съ Заморой непокорной

Заодно теперь, Родриго;
Нынѣ умъ твой дерзновенный
Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
Съ глазъ моихъ пойди, Родриго;
Изъ кастильскихъ выйдь предѣловъ;
Всѣ мои покинь владѣнья.
«Но которыя владѣнья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванныя ль мною,
Сохраненныя ли мною
Для тебя?» — Тѣ и другія. —
Сидъ минуту былъ задумчивъ;
Но потомъ онъ улыбнулся,
Вкругъ себя спокойный бросилъ
Взоръ, и сѣлъ на Бабіэку.
Удалился Сидъ.... молчанье
Въ станѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

Длится трудная осада;
Много было поединковъ;
Много рыцарей кастильскихъ,
Къ утѣшенью дамъ Заморы,
Было сброшено съ сѣдла.
Не возьмутъ они Заморы.
Тутъ являются къ Донъ-Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай намъ Сида!
[Говорятъ они]: безъ Сида
Не бывать ни въ чемъ удачи.»
И король послалъ за Сидомъ;
Но съ домашними своими
Напередъ о томъ, что дѣлать,
Посовѣтовался Сидъ.

Возвратиться, былъ совѣтъ ихъ,
Если самъ король Донъ-Санхо
Признаетъ себя виновнымъ. —
Сидъ покорствуетъ призванью;
Самъ король къ нему на встрѣчу
Выѣзжаетъ; съ Бабіэки
Сходитъ Сидъ, его увидя,
И его цѣлуетъ руку.
Съ той поры на поединки
Вызывать гораздо рѣже
Стали рыцари Заморы
Смѣлыхъ рыцарей кастильскихъ:
Каждый былъ готовъ сразиться
Хоть съ пятью одинъ, хоть съ чортомъ,
Лишь бы только не съ Родригомъ.
Вдругъ изъ города Заморы
Вышелъ витязь неизвѣстный.
Къ пышной ставкѣ королевской
Подошедши, такъ сказалъ онъ:
«За совѣтъ мой: покориться,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю вѣрный
Способъ сдать тебѣ Замору.»
Но съ высокія ограды
Въ то же время старый рыцарь
Прокричалъ: «король Донъ-Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что изъ города Заморы
Вышелъ къ вамъ предатель хитрый
Если сбудется злодѣйство,
Насъ ни въ чемъ не обвиняйте.»
Но съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,

Видя, что король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,
Острый свой кинжалъ предатель
Весь вонзилъ въ него — и скрылся.
И король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И ни кто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: «помысли
О душѣ своей и Богѣ;
Остальное все забудь.»
И уже король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Болѣ всѣхъ скорбитъ и плачетъ
Благородный Донъ-Родриго.
«О король мой, о Донъ-Санхо!
[Восклицаетъ онъ]: да будетъ
Проклятъ день тотъ ненавистный,
День, въ который ты замыслилъ
Приступить къ стѣнамъ Заморы.
Не боялся тотъ ни Бога,
Ни людей, кто беззаконно
Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
Честный рыцарства законъ.»

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

БЫЛЬ, ИЗЪ ГЕБЕЛЯ.

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ,
Утромъ однимъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: черезъ мѣсяцъ

[Мѣсяцъ не дологъ] мы будемъ мужъ и жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ. «И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся!» сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: кто законное браку препятствіе знаетъ,
Пусть объявитъ объ немъ, тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню,
Въ черномъ платьѣ своемъ [рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья], женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: доброе утро!
но добрый
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни
послѣ...
Рано по утру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уничтоженъ былъ страш-
нымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кончилась; умеръ
Францъ императоръ; былъ езуитскій орденъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія; умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна; въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ Второй; революціи пламя
Вспыхнуло; добрый король Людовикъ, возведенный на плаху,
Умеръ святымъ; на русскомъ престолѣ не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанникомъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,

Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось, что умеръ
Съ часъ не болѣ; иль только прилегъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя утробы
Вынесенъ былъ — отецъ, и мать, и друзья и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось ни кого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бы помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, пошелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая старушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоявшимъ сказала:
Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы, пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался. — У всѣхъ разгорѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла, и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ!»

ДВѢ ЗАГАДКИ.

1.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ.
Идешь къ нему — онъ прочь стремится
И въ тоже время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

[Радуга].

2.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ незная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая,
И умирать имъ не дано;
Онѣ одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.

У нихъ есть вождь — овенъ прекрасный
Ихъ сторожитъ огромный песъ;
Есть левъ межъ ними неопасный,
И дѣва — чудо изъ чудесъ.

[Звѣзды].

ДВѢ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;
Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали и тонкой
Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ, а Енни,
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.
Всѣ молчали: какъ будто ангелъ тихій провѣялъ.
Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ
Слушать. — Сказку? старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки
Пепелъ: все бы вамъ сказки; не лучше ль послушать вамъ были?
Быль разскажу вамъ и быль не одну, а двѣ. — Опроставши
Трубку и снова набивъ ее табакомъ, изъ мошонки
Дѣдушка вынулъ огниво и, трутъ на кремень положивши,
Крѣпко ударилъ сталью въ кремень, посыпались искры,
Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись
Съ мыслями, дѣдушка такъ разсказывать съ важностью началъ:
Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно, какъ солнце,
Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами;
Реинъ золотомъ льется; жатва какъ тихое море;

Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горятъ; по дорогамъ
Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженныя барки
Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь...
Окна ея какъ огни межъ темными липами блещутъ,
Вкругъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькаютъ;
Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ... прекрасенъ
Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ
Быть несчастью? Анъ нѣтъ! и не только несчастье — злодѣйство
Мѣсто находитъ въ немъ. Видите ль тамъ на высокомъ пригоркѣ
Замокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ расцвѣтаетъ зеленый
Плющъ, и солнце его золотитъ, и звонкую пѣсню безпечно,
Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейнѣ
Видите ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ
Роща на немъ разцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный
Рай. Ну, слушайте жъ: очень недавно, тамъ на пригоркѣ
Близко развалинъ замка, стояла гостинница: чистый,
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской чернаго вепря.
Въ этой гостинницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно бѣдная! дико потупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалобъ ни кто отъ нея не слыхалъ, но, Боже мой! всякій,
Разъ поглядѣвши ей бѣдной въ лицо, узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки
Были покрыты; глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали
Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи
Черные кудри по голымъ плечамъ раскиданы были.

Вѣчно молчала она и была тиха, какъ младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что-то глаза уцирала, и пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ.
Бѣдная Эми! такою ль видали ее? Беззаботно
Жизнью бывало она веселилась, какъ вольная пташка.
Помню и я, и старинные гости чернаго вепря,
Какъ насъ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала
Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми.
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто, шумя какъ ребенокъ
Рѣзвый на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ какъ дитя? Все Эми, все Эми.
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые
Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми недобрыми знался;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами, кто былъ
Первый? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ онъ понравился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье,
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ страданьяхъ очистившись, прямо
Въ рай перешла — не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда и всѣ жалѣли объ ней. Ну, послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостинницѣ чернаго вепря
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ.
«Что за погода! сказалъ одинъ. Не раздолье ль въ такую

Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
Рвется въ оконницы?» — Правда, другой отвѣчалъ: ни за что бы
Я теперь отсюда не вышелъ; ужасъ, не буря!
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто въ дорогѣ. «Желалъ бы
Знать я, найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ тотъ старинный
Замокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ три сотни не болѣ;
Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
Время пойти туда, гдѣ, быть можетъ, въ потемкахъ
Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя — извините; съ живыми
Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣлость не въ пользу; храбрися
Сколько угодно душѣ, а что ты сдѣлаешь, если
Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный, сухой, съ костяными
Пальцами станетъ, и два ужасные глаза упрутся
Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста, какъ камень? А въ этомъ
Замкѣ, всѣ знаютъ, нечисто; и въ тихую ночь тамъ не тихо;
Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?» —
— Страшно, правда; а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не струситъ и въ замокъ-одна одинешенька сходитъ.
«Бейся, пробьешь.» — Изволь, по рукамъ; ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ замокъ и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ растетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли, Эми? «Согласна!
Эми сказала съ усмѣшкой. Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури; а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва.»
Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ;

Кленъ недалеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту; и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не мертвый; ей стало
Страшно... слушаетъ... вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ и снова послышалось ей что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи и мѣсяцъ очистился. Что же
Эми увидѣла? Два человѣка — двѣ черныя тѣни —
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.
Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ и все опять потемнѣло.
Стой! [послышался голосъ] шляпу вѣтромъ умчало!
«Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
Кладъ свой!» другой отвѣчалъ, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостинницѣ Эми. Блѣднѣе
Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ разсказала
То, что ей въ замкѣ привидѣлось. «Вотъ обличитель убійцамъ!»
Шляпу поднявши, громко примолвила Эми; но тутъ же
Въ шляпу всмотрѣлась... «Ахъ!» и упала на полъ безъ чувства:
Брандово имя стояло на шляпѣ. Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми; Господь милосердый недолго страдать ей
Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ близъ замка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь, и гостинницы нѣтъ; лишь могилка
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.—
Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбище, гдѣ Эми давно покоилась въ гробѣ.
— Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять разкуривши

Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ. Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ.
Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспàръ. На злодѣйство
Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось: Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется
Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ ли
Кто нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ и густые
Клены, глядясь въ ней, стояли тихо, какъ черныя тѣни;
Все покоилось... волны изрѣдка въ берегъ плескали,
Въ листьяхъ журчало и пѣлъ соловей. Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ ничего: онъ иное
Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ, и недолго
Длилась борьба между ними: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный. Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись подъ трупомъ, и снова слились
Въ гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей
Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ по прежному. Годы прошли; о убійствѣ
Кромѣ Бога ни кто не провѣдалъ; но слушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендарь Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду

Было о чемъ призадуматься: денно и ночно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ; а все понапрасну: тяжелый
Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми.... а чѣмъ? И въ добавокъ
Новое горе постигло его: жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель и деньги пошли на лекарство;
Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже да хуже; и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ, какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ, и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостинницѣ встрѣтилъ.
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола; опершись на колѣно
Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ онъ какъ мертвый.
«Что съ тобой, Веньяминъ? спросилъ Каспаръ. Ты какъ будто
Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ, не распить ли намъ
вмѣстѣ
Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ; отвѣдай.»
Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ.—Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынѣче постелю. А дѣти — Господи Боже мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ нынѣшней ночью
Въ замокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ.... а я, воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ? У него ли
Мало добра?.... Пускай же Всевышній Господь на судилищѣ
страшномъ
Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ, какъ онъ былъ со мною!—
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился, какъ злой искуситель;
Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ, и скоро зажегъ въ немъ
Кровь, и потомъ изъ гостинницы вышелъ съ нимъ вмѣстѣ.
Ужъ было
Поздно. «Сосѣдъ, Веньямину онъ тихо шепнулъ, господинъ твой

Нынѣшней ночью одинъ въ свой замокъ поѣдетъ; дорога
Близко; она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко.»
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ; но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ.... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны лилися,
Все покоилось сладко и пѣлъ соловей. Душа Веньямина
Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась и онъ содрогнулся.
—Нечего ждать, онъ сказалъ; ужъ поздно; уйдемъ; не придетъ онъ.
«Будь терпѣливъ, злодѣй возразилъ, подождемъ и дождемся.
Долѣ за то дожидаться его возвращенья придется
Въ замкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея нетерпѣнье.»
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ: теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу оставаться!
«Что ты? воскликнулъ Каспаръ. Послушался совѣсти; бредишь.
Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто глухое;
Кто насъ увидитъ?» Морозъ подралъ Веньямина по кожѣ.
— Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ?
«Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной темнотѣ не примѣтитъ
Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель.» Тутъ неоглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучемъ раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала; на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ, было какъ въ ясный
Полдень свѣтло. И вотъ предъ глазами его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во мракѣ глубокой
Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ упавшаго въ воду

Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ освѣщенныхъ увидѣлъ;
Волны разинулись, трупъ нырнулъ въ нихъ и все потемнѣло....
Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ сумасшедшій. Не вѣдалъ онъ крови;
Былъ безобразенъ: лицо какъ кора, глаза какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ все жался къ утесу,
Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ, и на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: онъ видитъ, онъ видитъ!
Дѣдушка, быль досказавъ, посмотрѣлъ усмѣхаясь на внучекъ.
Что же вы такъ присмирѣли? спросилъ онъ. Видно разсказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте жъ, я кое что вспомнилъ,
Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ. Слушайте. Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какаго не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зарка̀льныя окна, воро̀та
Съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ
спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: «чей это домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но видно
прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то есть, не зналъ ни полслова;
Какъ бы то ни было, каннитферштанъ! отвѣчалъ онъ. А это

Каннитферштанъ — есть голландское слово, иль лучше
четыре
Слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный
Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. «Видно богатъ не на шутку
Этотъ Каннитферштанъ», сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ; и
свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они? У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: «какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало!» Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимо-
ходомъ:
Каннитферштанъ. «Опять! смотри пожалуй! Какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ, и разставить въ горшкахъ зо-
лоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?» По-
шелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только, что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ передъ нимъ
погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ

Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу на вѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣдних
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «конечно покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?»
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такаго богатства
Что осталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ.» И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ—и тѣсной могилѣ.

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

«Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
Надъ моремъ клубился холодный туманъ.»

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

«Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.»

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

«Царя и царицу я видѣлъ.... Вдвоемъ
Безгласны, печальны сидѣли они;
Но милой ихъ дочери не было тамъ.»

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

ПОВѢСТЬ, ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ; Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ Мертваго змѣя съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ

Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!» говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выдти
Въ бой.... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель;
Слава ему!» И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, раззоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить.» Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность—рыцарю честь; но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый
Рыцарскій долгъ есть покорность. «И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить.»—Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою.
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;

Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнувшихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дѣрзкою силой искусство,
Мужествомъ мудрость должны управлять.» И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенье, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою: на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику

Зубы вонзать съ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ, и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, ни кому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и раздавъ приказанья
Спутникамъ [имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни],
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ

Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся
на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено всталъ на дыбы: раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сра-
женье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой на-
прасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъ-
ярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной, и уже растворилъ онъ
огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться.... на-
прасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ. —
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,

Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали —
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго: змѣй отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность.
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: свою обуздывать волю;
Суетной славой ты былъ обольщенъ — удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ.»
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью.»

ОСТРОВЪ.

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы,
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ радость,
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша младость
Играетъ съ нами тамъ.

СУДЪ БОЖІЙ.

ПОВѢСТЬ, ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савернской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна

Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе: «счастьемъ завиднымъ
Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ супругѣ
Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангелъ
Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:
Мыслью ни кто не посмѣетъ приблизиться къ ней.» Заблистали
Грозно у графа глаза.—Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ;
Женская вѣрность слово пустое; на ней опираться
Тоже, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ хочешь:
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Савернскаго графа?
«Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ; подобная дерзость
Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья
Стоптъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
Въ сердцѣ развратномъ желанья таить.» — Что слышу! воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И живъ онъ?

«Всѣ объ немъ говорятъ, государь; а я изъ почтенья
Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ: что самимъ вамъ
Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной
Тайной.» — Злодѣй, говори! въ изступленьи ужасномъ воскликнулъ
Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ
Дерзкій? «Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицомъ миловиденъ
[Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало
Въ холодъ и жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ]. Возможно ль, чтобъ сами
Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
Все, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью преступной.
Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается
Въ нѣжной любви.» — Признается! «И даже молить о взаимномъ
Чувствѣ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости сердца,
Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое, и самъ я
Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ: чего вамъ страшиться?»
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало;
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивалися вихрями искры; свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою средь брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя неумолкно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: «исполните въ точность
Волю мою; того, кто первый придетъ къ вамъ и спроситъ:

Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось.» Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову;
Души ихъ были суровѣй желѣза; рвенье удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ Фридолина.
Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ, не медля ни мало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ: все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ? — Исполнено будетъ,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ идти, но подумавъ:
Можетъ быть дастъ ему и она порученье какое —
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ, чего приказать? — Ему съ благосклоннымъ
Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ: сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.—
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ христіанъ на молитву. Отъ встрѣчи Господней
Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ и въ церковь съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо:
Жатва была, и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился,
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ.—Господу Богу
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину. Съ такою
Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы,
Стóлу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно

Долгъ исправлять министранта; и тамъ и тутъ на колѣна,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было великое sanctus; когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и
смиренно
Палъ на колѣна предъ Господомъ, въ грудь себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ окончивши службу святую,
Громко священникъ восклинулъ: vobiscum Dominus; вѣр-
ныхъ
Благословилъ; и церковь совсѣмъ опустѣла; тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ
горномъ,
Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратяся,
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? онъ спросилъ. И,
оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. «Онъ тамъ! [прошепталъ сиповатый ихъ голосъ] какъ
должно
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ.» Съ такимъ ихъ отвѣ-
томъ обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ.—Несчастный! откуда идешь ты?
«Изъ лѣсу прямо.» — Возможно ль? Ты вѣрно промѣшкалъ
въ дорогѣ?
«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; по-
велѣнье
Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?

Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.»
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ? «Непонятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ! [сказали] какъ должно
Прибранъ и графъ насъ похвалитъ!» — А Робертъ? спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ. «Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни гдѣ я не встрѣтилъ
Роберта.» Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И, съ кроткой
Ласкою за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей [хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла] сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела на небѣ чище;
Врагъ коваренъ; но съ нимъ Господь и всевышнія силы.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

СКАЗКА.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.

Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.
«Благодарствуй, добрый ракъ;
Не ждала тебя никакъ....»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ конечно былъ пророкъ,
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ!
[Кѣмъ украдено оно,

Знать объ этомъ не дано].
«Что жъ тутъ дѣлать? Царь сказалъ;
Такъ и быть!» И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собрался пировать
Гостьи, званыя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всѣмъ на радость ты
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца жениха
Я тебѣ, мое дитя;
Жизнь твоя пройдетъ, шутя,
Межъ знакомыхъ и родныхъ....»
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова — глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
«На пиру я не была,
Но подарокъ принесла:
На шестнадцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду;
Въ этомъ возрастѣ своемъ
Руку ты веретеномъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ,
И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»

Проворчавши такъ, тотчасъ,
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: «не дамъ
Безъ пути ругаться ей
Надъ царевною моей;
Будетъ то не смерть, а сонъ;
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдетъ,
И царевна оживетъ;
Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земнаго ихъ конца.»
Скрылась гостья. Царь груститъ;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
«Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
Духу не было въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ.»
Царь издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растетъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ:
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ....
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;

Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
«Дай, сказала наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ.»
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Всходитъ вверхъ, и видитъ тамъ:
Старушеночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушеночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
«Веретенце, не лѣнись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будетъ въ добрый часъ
Гостья жданая у насъ.»
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла и вмигъ оно
Укололо руку ей....
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихнуло кругомъ.
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ

Пошатнулся и зѣвнулъ,
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ:
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ на вѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Ни кому туда слѣда —
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.

Вотъ ужъ полный вѣкъ протекъ;
Словно не жилъ царь Матвѣй —
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
[По сказанью стариковъ],
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили — но назадъ
Не пришелъ ни кто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ,
Ни старикъ; ни молодой,
За царевной ни ногой.
Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ,
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
«Разскажи про этотъ боръ
Мнѣ, старинушка честной?»
Покачавши головой,

Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ, да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ. —
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;

Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ наконецъ
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопаный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ волшебный овладѣлъ
Прежде сна простаго имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.

Путь наверхъ загороженъ.
Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?
Но рѣшился наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно все, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ
Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенные косой,
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь, какъ свѣжій снѣгъ бѣла;
На воздушный, тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ;
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распаленъ,

Неподвижно смотритъ онъ;
Неподвижно спитъ она.
Что жъ разрушитъ силу сна?
Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицомъ:
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися, ведетъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ песъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.

Онъ съ царевной наконецъ
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

[ОТРЫВОКЪ].

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.

Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушачьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;

Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: «какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!»
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно. — Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
«Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.»
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши

Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: «здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.» Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода: а платы не требуемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.—
Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: «царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго.» Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ, ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая-шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,

Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось. —
Бѣлая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ
Кто ты, кто твой отецъ, кто мать, и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами. —
«Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая-шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ разширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискупью бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Опуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы;
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,

Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся [конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ] и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ — добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги, но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налились;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой, и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я Хватомъ, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцею голодный
Волкъ, собака съ волкомъ; съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ

Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.»
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали? —
«Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не псчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ,
какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ
платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ

Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, и друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попàдали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко накрѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ

Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ—пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ. —
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска —
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.

Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но
лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикосну-
лись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжа-
лись
Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не
дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ-мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы [у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела], берегитесь: Мурлыка

Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ ѣослѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поустав̀ши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ,
Радуйся наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать.... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

. . . . . .

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ былъ царь Берендей, до колѣнъ бо́рода. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ царицей и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно́ стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно....
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходить; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье
Гдѣ нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только что дразнитъ царя и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва —
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность

Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Постой же!
[подумалъ
Царь Берендей] я напьюсь безъ тебя, и недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ.... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою —
Держатъ его да и только. «Кто тамъ? Пустите!» кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: «не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь.»
Царь подумалъ: чего жъ я не знаю? я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
«Ладно! опять сиповатый послышался голосъ; смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа.»
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко столицы; навстрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ пала-
тамъ —
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный какъ
свѣтлый

Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.
«Вотъ оно то, чего я но зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку, и горе
Скрывъ про себя, по-прежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ — по часамъ, и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ наконецъ и царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ.... но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иванъ царевичъ, сказалъ онъ,
Долго тебя дожидался мы; пора бы насъ вспомнить.»
Кто ты? царевичъ спросилъ. «Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья.» И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
Батюшка царь-государь, говоритъ онъ; со мною случилось

Чудо. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. «Бѣда мой сердечный
Другъ, Иванъ царевичъ! воскликнулъ онъ, горько заплакавъ,
Видно, пришло намъ разстаться!....» И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня матушка. Если жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня. — Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня воронаго; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали.... съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго — солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наровнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ — и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ: рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ.

Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ....
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ....
Жалко стало Ивану царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и краснѣя,
Руку ему подаетъ, и потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: благодарствуй,
Добрый Иванъ царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея царя, упади на колѣна,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ — не пугайся;
Станетъ ругаться — не слушай; ползи да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ. — И Марья царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась

Тотчасъ земля, и они въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣна
Сталъ Иванъ царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ царевичъ къ престолу;
Царь шумитъ, а царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало царю и смѣшно: «добро ты, проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое ослушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужъ поздно; поди.» Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ руки взяли Ивана царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постель, и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана царевича кликнулъ:
«Ну, Иванъ царевичъ, сказалъ онъ, теперь мы посмотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не пенять.... головы не удержишь!»
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ царевичъ подумалъ,

Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! — Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла — и слышитъ онъ голосъ: впусти! Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей царевной. Здравствуй, Иванъ царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался? «Нехотя будешъ задумчивъ, сказалъ онъ:
Батюшка твой до моей головы добирается.» — Что же
Сдѣлать рѣшился ты? «Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь.»
Нѣтъ, мой милый Иванъ царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встать; ужъ дворецъ твой построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ царевичъ.... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не на шутку,
Такъ онъ сказалъ Ивану царевичу; вижу ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ?
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью царевну, узнать; не узнаешь—
Съ плечъ голова! Поди.»—Ужъ выдумалъ, чучела, мудрость,
Думалъ Иванъ царевичъ, сидя подъ окномъ. Не узнать мнѣ
Марью царевну.... какая жъ тутъ трудность?—А трудность такая,

Молвила Марья царевна, пчелкой влетѣвши, что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью
Можетъ насъ различать. «Ну что же мнѣ дѣлать?» — А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинаковомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. «Ну, искусникъ,
Молвилъ Кощей, изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ
Марью царевну. «Пошелъ Иванъ царевичъ; глядитъ онъ
Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ
Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ другой разъ—все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—крадется мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
«Вотъ она, Марья царевна!» сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой. — Э! Э! да тутъ, примѣчаю,
Что-то нечисто, Кощей проворчалъ, на царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость;
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только
Знай напередъ: не сошьешь—долой голова; до свиданья. —
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ царевичъ, а пчелка

Марья царевна ужъ тамъ.—Отчего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ царевичъ? спросила она. «По неволѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку: шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ.»—Иванъ царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать? «Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ съ собакой! какая мнѣ
нужда!»
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другаго
Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко Марья царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключемъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялися и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ
Конь Ивана царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался
Прямо къ нему, и примчавшись, какъ вкопанный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, царевна за нимъ и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ
Слугъ доложить Ивану царевичу: что-де такъ долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается. — Слуги приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ царевичъ, отвѣтствуютъ: буду.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею;
Ждать подождать, царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ жеословъ разсерженный Кощей, и та же все пѣсня:

Буду, а нѣтъ никого. — Взбѣсился Кощей. «Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!» Бросились слуги....
Двери разломаны.... вотъ тебѣ разъ; никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.
«Ахъ онъ, воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.... я всѣхъ перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!»... Помчалась погоня.... Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ Ивану царевичу Марья царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня, и припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: скачутъ и близко. — Такъ медлить
Нечего, Марья царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика видѣнъ;
Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дороги.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.
«Чертп! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!»... Опять помчалась погоня.... Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ опять Ивану царевичу Марья царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла, и припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
Скачутъ и близко.—И въ ту же минуту Марья царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ, числа нѣтъ;
По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется.

Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ догонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну только бъ схватить; анъ нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей. «Вотъ я жъ его плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!»
Снова Ивану царевичу Марья царевна тихонько
Шепчетъ: мнѣ слышится топотъ; и снова онъ ей отвѣчаетъ:
Скачутъ и близко.—Бѣда намъ! вѣдь это Кощей мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его государства;
Далѣе жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами. — Послушавшись Марьи царевны, снимаетъ
Съ шеи своей крестъ золотой Иванъ царевичъ, и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню, и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. «Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной?» онъ спросилъ у монаха.—Сейчасъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ царевичъ съ Марьей царевной; входили
Въ церковь они—святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь. «Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!»
Крикнулъ Кощей, и коня повернувъ, какъ безумный помчался
Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же царевичъ съ своею
Марьей царевной поѣхали далѣ, уже не бояся
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось

Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать.—Иванъ царевичъ, сказала
Марья царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. «Чего ты боишься,
Марья царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ.»—Заѣхать не трудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна
Выйдутъ на встрѣчу тебѣ и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру; и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій
День не придешь.... но прости, поѣзжай. — И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій—
Нѣтъ Ивана царевича. Бѣдная Марья царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и царь и царица и дочь ихъ царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать: и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ царевнѣ.
Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ.» И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
«Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто нибудь въ землю меня,» сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время

Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ — а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано. Нѣтъ нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой — а обѣдъ ужъ состряпанъ и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. А вотъ что ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь.
Цѣлую ночь на пролетъ старикъ пролежалъ на постели,
Глазъ не смыкая. Заря занялася и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточикъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ царевичъ прекрасный
Бросилъ меня, и я имъ забыта. «Иванъ твой царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ и гости
Съѣхались всѣ.» Заплакала горько Марья царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;

Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ, и сладкимъ,
какъ флейта,
Голосомъ молвила: поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана царевича. — Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:
Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану царевичу самъ поднесу я пирогъ твой.
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ царевичъ — новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ царевичъ забылъ о Марьѣ царевнѣ!
Ахнулъ Иванъ царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за
дверью
Марья царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный,
пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своею
Марьей царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такаго веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать, честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съѣхались гости;
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ и медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

ПОЯВЛЕНІЕ ВЕСНЫ.

Зелень нивы, рощи лепетъ,
Въ небѣ жаворонка трепетъ,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Васъ назвавши, что прибавить?
Чѣмъ инымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ.

Какъ весело, весело!
Опять собралися мы
Подъ свѣтлыми сѣнями
Завѣтнаго острова!
Вкругъ свѣта оплавайте,
Нигдѣ не найдете вы
Подобнаго острова.
Не море широкое,
Шумя разливается
Вкругъ нашего острова;
Не бездной глубокою
Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
Береговъ матерой земли.
Къ ней крѣпко привязанный
Канатомъ хранительнымъ,
Всегда намъ доступенъ онъ;
И плотикъ съ перилами,
Безъ вѣтра попутнаго,
Безъ паруса-кормщика,
На островъ привозитъ насъ,
Увозитъ насъ съ острова.
У нашего острова

О бурѣ не слыхано,
И воды окружныя
При вѣтрѣ порывистомъ
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Какъ будто ласкаяся
Къ зеленому берегу.

ПРИЗНАНІЕ.

Я на тебя съ тоской гляжу,
Въ груди огонь, въ душѣ молчанье.
Хочу сказать.... Но что скажу?
О другъ, пойми мое признанье.
Тиха любовь къ тебѣ моя;
Она всѣхъ чувствъ успокоенье,
Хранитель-геній бытія,
Души надежда и спасенье.

ЯВЛЕНІЕ.

[ОТРЫВОКЪ, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
Являлась каждою весной,
При первомъ жаворонковъ пѣньи,
Младая дѣва-красота.
Откуда гостья прилетала
И кто была? Не знали тамъ.
Она какъ милый сонъ являлась,
Какъ милый пропадала сонъ!
Одушевительная благость
Ея счастливила сердца,
Но видъ небесно-величавый

Благоговѣнье пробуждалъ.
И всѣмъ она цвѣты дарила,
Не обдѣляя никого;
Сѣдой старикъ и отрокъ юный
Всѣ милый получали даръ....

КЪ РАВНОДУШНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тронься, тронься, пробудись!
Милый мраморъ, оживись!
Образъ сладостный, спѣши
Пламенѣть огнемъ души.

УТРО НА ГОРѢ.

Взошла заря. Дыханіемъ пріятнымъ
Сманила сонъ она съ моихъ очей.
Изъ хижины, за гостемъ благодатнымъ,
Я восходилъ на верхъ горы моей;
Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
Уже блисталъ младымъ огнемъ лучей,
И день взлетѣлъ, какъ геній свѣтлокрылой,
И жизнью все живому сердцу было!

Я восходилъ.... Вдругъ тихо закурился
Туманный дымъ съ долины надъ рѣкой,
Густѣлъ, рѣдѣлъ, тянулся и клубился,
И вдругъ взлетѣлъ крылатый надо мной,
И яркій день съ нимъ въ блѣдный сумракъ слился.
Задернулась окрестность пеленой,
И влажною пустыней окруженный
Я въ облакахъ исчезъ уединенный.

СТАРАЯ ПѢСНЯ

НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

[НА ГОЛОСЪ «ГРОМЪ ПОБѢДЫ РАЗДАВАЙСЯ»].

Раздавайся громъ побѣды!
Пойте пѣсню старины:
Бились храбро наши дѣды,
Бьются храбро ихъ сыны.

Разжигай, вражда, измѣну;
Поднимай знамена, бунтъ;
Не прорвать имъ нашу стѣну,
Нашъ желѣзный русскій фрунтъ.

Мы подъ старыми орлами;
Тѣ же съ нами знамена;
Ляхъ, бунтующій предъ нами,
Помнитъ русскихъ имена.

Гдѣ вы, гдѣ вы? Строемъ станьте;
Проситъ боя русскій крикъ;
Въ стѣну слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штыкъ на штыкъ.

Нѣтъ врага.... но здѣсь Варшава!
Развернися, русскій станъ!
Братья, слышите ли? — слава!
Бьетъ на приступъ барабанъ.

Съ Богомъ! Часъ ударилъ рока,
Часъ ожиданный давно;
Сборъ гремитъ.... а издалека
Русь кричитъ: Бородино!

Чу! какъ пламенныя тромбы
Поднялися, и летятъ
Наши мстительныя бомбы
На кипящій бунтомъ градъ.

Что намъ ваши полисады?
Здѣсь не нужно лѣстницъ намъ:
Мы штыки вонзимъ въ ограды
И взберемся по штыкамъ.

Спи во гробѣ, Забалканскій!
Честь тебѣ — Стамбулъ дрожалъ!
Путь твой кончилъ Эриванскій,
И на грудь Варшавы сталъ.

«Эриванскій! князь Варшавы!»
Кликъ одинъ во всѣхъ устахъ.
О, какъ много русской славы
Въ сихъ волшебныхъ именахъ.

За Араксомъ наши грани;
Араратъ, чудесный плѣнъ
Арзерума, Эривани;
И разгромъ Варшавскихъ стѣнъ.

Споръ рѣшенъ; дана управа;
Пала бунта голова;
И святая наша слава,
Слава русская жива.

Преклоните же знамена,
Братья, долгъ свой сотворя,
Передъ новой славой трона
И поздравьте съ ней царя.

На него надёжна вѣра:
Въ мирный часъ онъ въ душу льетъ
Пламень чистаго примѣра,
Въ часъ бѣды онъ самъ впередъ!

Славу, взятую отцами,
Сбережетъ онъ царски намъ,
И съ своими сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ.

5 сентября 1831 г.

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ. *

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ воспѣлъ: «какъ буйные титаны,
Смутившіе Астреи нашей дни,
Ея орломъ низринуты, попраны;
Въ прахъ! въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?»

---

* * Въ отвѣтъ на «посланіе», написанное имъ по полученіи предыдущаго стихотворенія.

И нынѣ то жъ, пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы руку подаешь.

Я помню дни—магически мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ —
Тогда, явясь, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
«Наступитъ ли и мнѣ чреда?»

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ....

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ты цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младой душой подъ снѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ....
Но вышелъ Святославовъ сынъ
И поднялъ знамя благодати.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
Отъ русскихъ—русскихъ кровь текла;
Губилъ половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха,
И Русь бѣдою поросла....
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій.
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ....
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула Донская!

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца;
Заграбилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ,
Въ цари позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла русская земля;
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля....
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра....
Но дало русское ура
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;

Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права....
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на пиръ кровавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ....
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамили;
Явился царь: ихъ облилъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ онъ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они воззрѣть и пали въ прахъ?....
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ онъ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ангелы слетѣли.

Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности почія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
Отецъ твой будетъ честь царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

1832

СУДЪ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

I.

Ужъ день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алѣлъ;
На немъ сверкали облака;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Былъ воздухъ сладко растворенъ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ
Пурпурно-блещущій заливъ;
И, бѣлый парусъ распустивъ,
Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
Изъ Витби инокинь несла,
По легкимъ прыгая зыбямъ,
Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
Летитъ веселая ладья;
Покрыта палуба ея
Большимъ узорчатымъ ковромъ;
Рѣзной, высокій стулъ на немъ
Съ подушкой бархатной стоитъ:
И мать игуменья сидитъ
На стулѣ въ помыслахъ святыхъ;
Съ ней пять монахинь молодыхъ.

II.

Впервòй покинувъ душный плѣнъ
Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
Какъ птички въ вольной вышинѣ,
По гладкой палубѣ онѣ
Играютъ, рѣзвятся, шалятъ....
Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
Той шаткій парусъ страшенъ былъ,
Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
И онъ, надувшися, гремѣлъ;
Крестилась та, когда бѣлѣлъ,
Катясь къ ладьѣ, кипучій валъ,
Ее ловилъ и подымалъ
На свой изгибистый хребетъ;
Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
Морской чудесной глубины;
Когда жъ изъ пѣнистой волны,
Какъ черная незапно тѣнь,
Предъ ней выскакивалъ тюлень,
Бросалась съ крикомъ прочь она,
И долго, трепетна, блѣдна,
Читала шепотомъ псаломъ;
У той былъ рѣзвымъ вѣтеркомъ
Покровъ развѣянъ головной,
Густою, шелковой струей
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко межъ власовъ,
И дѣвственный поймать покровъ
Ея заботилась рука,
А взоръ стерегъ исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
Вкушала съ важностью покой,
Въ подушкахъ нѣжась пуховыхъ,
И на монахинь молодыхъ
Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
Она вступила въ Божій домъ
Во цвѣтѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Не оглянулася на свѣтъ,
И, жизнь навѣки затворя
Въ безмолвіи монастыря,
По слуху знала издали
О треволненіяхъ земли,
О томъ, что радость, что любовь
Смущаютъ умъ, волнуютъ кровь,
И съ непроснувшейся душой,
Достигла старости святой,
Сердечныхъ смутъ не испытавъ.
Тяжелый инокинь уставъ
Смиренно, строго сохранять,
Души спасенія искать
Блаженной Гильды по слѣдамъ,
Служить ея честнымъ мощамъ,
И день и ночь въ молитвѣ быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампадъ, горящихъ у иконъ:
Въ такихъ заботахъ проведенъ
Былъ вѣкъ ея. Богатый вкладъ
На обновленіе оградъ
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу отъ нее:
Сіяло пышное шитье
Тамъ на покровѣ гробовомъ,

И обложенный жемчугомъ
Былъ вылитъ гробъ изъ серебра;
И много дѣлала добра
Она убогимъ и больнымъ,
И возвращался пилигримъ
Отъ стѣнъ ея монастыря,
Хваля Нѐбеснаго Царя.
Имѣла важный видъ она,
Была худа, была блѣдна;
Былъ величавъ высокій ростъ;
Лицо являло строгій постъ,
И покаянье тмило взоръ.
Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
Была лишь къ иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
Въ монастырѣ она блюла,
Но для смиренныхъ сестръ была
Она лишь ласковая мать;
Свободно было имъ дышать
Въ своей келейной тишинѣ,
И мать игуменью онѣ
Любили дѣтски всей душой.
Куда жъ той позднею порой
Черезъ заливъ плыла она?
Была въ Линдфарнъ приглашена
Она съ игуменьей другой;
И тамъ ихъ ждалъ аббатъ святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, соборомъ сотворя
Кровавый судъ, проклятье дать
Отступницѣ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летитъ,
И берегъ весь назадъ бѣжитъ;
Мелькаютъ мимо ихъ очей
Въ сіяньи западныхъ лучей:
Тамъ замокъ на скалѣ крутой
И бездна пѣны подъ скалой
Отъ расшибаемыхъ валовъ;
Тамъ башня, сторожъ береговъ,
Густымъ одѣтая плющемъ;
Тамъ холмъ, увѣнчанный селомъ;
Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
Тамъ зеленѣющій заливъ
Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
Тамъ Божій храмъ, среди деревъ
Блестящій яркой бѣлизной;
И островъ наконецъ святой
Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
Облитый вечера огнемъ,
Громадою багряныхъ скалъ
Изъ водъ вдали предъ ними всталъ,
И, приближаясь, тихо росъ,
И вдругъ надъ ихъ главой вознесъ
Свой брегъ крутой со всѣхъ сторонъ.
И островъ, и не островъ онъ:
Два раза въ день морской отливъ,
Песокъ подводный обнаживъ,
Противный брегъ сливаетъ съ нимъ;
Тогда поклонникъ пилигримъ
На богомолье по пескамъ
Пѣшкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
Два раза въ день морской приливъ,
Его отъ тверди отдѣливъ,

Стираетъ силою воды
Съ песка поклонниковъ слѣды. —
Несъ вѣтеръ къ берегу ладью;
На самомъ берега краю
Стоялъ Кутбертовъ древній домъ,
И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
Саксоновъ памятникъ, оно
Межъ скалъ крутыхъ крутой скалой
Восходитъ грозно надъ водой;
Всѣ стѣны страшной толщины
Изъ грубыхъ камней сложены;
Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
На низкихъ тягостныхъ столбахъ
Лежитъ огромный храма сводъ;
Кругомъ идетъ широкій ходъ,
Являя безконечный рядъ
Сплетенныхъ вѣтвями аркадъ;
И крѣпки башни на углахъ
Стоятъ, какъ стражи на часахъ.
Вотще ихъ крѣпость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестокихъ нехристей датчанъ;
Вотще волнами океанъ
Всечасно ихъ разитъ, дробитъ;
Святое зданіе стоитъ
Недвижимо съ давнишнихъ поръ;
Морскихъ разбойниковъ напоръ,
Набѣги хлада, бурь, валовъ,
И силу грозную годовъ
Перетерпѣвъ, какъ встарину,
Оно морскую глубину

Своей громадою гнететъ;
Лишь кое-гдѣ растреснулъ сводъ,
Да въ нишѣ ликъ разбитъ святой,
Да мохъ растетъ вездѣ сѣдой,
Да стѣнъ углы оточены
Упорнымъ треніемъ волны.

VI.

Въ ладьѣ монахини плывутъ;
Приблизясь къ берегу, поютъ
Святую Гильды пѣснь онѣ;
Ихъ голосъ въ поздней тишинѣ,
Какъ бы сходящій съ вышины,
Сліясь съ гармоніей волны,
По небу звонко пробѣжалъ;
И съ брега хоръ имъ отвѣчалъ,
И вышелъ изъ святыхъ воротъ
Съ хоругвями, крестами ходъ
На встрѣчу инокинь честныхъ;
И возвѣстилъ явленье ихъ
Колоколовъ согласный звонъ,
И былъ онъ звучно повторенъ
Отзывомъ ближнихъ, дальныхъ скалъ,
И весь народъ на брегъ созвалъ.
Съ ладьи игуменья сошла,
Благословенье всѣмъ дала,
И, подпираясь костылемъ,
Пошла въ святой Кутбертовъ домъ
Во слѣдъ хоругвей и крестовъ.

VII.

Имъ столъ въ трапезницѣ готовъ;
Садятся ужинать; потомъ
Обширный монастырскій домъ
Толпой осматривать идутъ;

Смѣются, рѣзвятся, поютъ;
Заходятъ въ кельи, въ древній храмъ,
Творятъ поклоны образамъ,
И молятся мощамъ святымъ....
Но вечеръ холодомъ сырымъ
И рѣзкій съ моря вѣтерокъ
Собраться нудятъ всѣхъ въ кружокъ
Къ огню, хозяекъ и гостей;
Жужжатъ, лепечутъ; какъ ручей
Веселый льется разговоръ;
И наконецъ межъ ними споръ
О томъ заходитъ, чей святой
Своею жизнію земной
И болѣ славы заслужилъ,
И болѣ небу угодилъ?

VIII.

«Святая Гильда [говорятъ
Монахини изъ Витби] врядъ
Отдастъ ли первенство кому?
Извѣстна жъ болѣ потому
Ея обитель съ давнихъ дней,
Что три барона знатныхъ ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
И Перси; судъ сей былъ простертъ
На ихъ потомство до конца
Всего ихъ рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходить
Три старшихъ въ родѣ каждый годъ,
Въ день Вознесенья, и народъ
Тутъ видитъ, какъ игуменъ ихъ
Становитъ рядомъ у честныхъ

Мощей угодницы святой,
Какъ надъ склоненной ихъ главой
Прочтетъ псаломъ, какъ наконецъ
Съ словами: все простилъ чернецъ!
Имъ разрѣшеніе даетъ;
Тогда аминь! гласитъ народъ.
Къ намъ повѣсть древняя дошла
О томъ, какъ нѣкогда жила
У насъ саксонская княжна,
Какъ наша вся была полна
Округа ядовитыхъ змѣй,
Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
Любимицы святой княжны,
Явилась, какъ превращены
Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ поръ
Находятъ въ нѣдрѣ нашихъ горъ
Окаменѣлыхъ много змѣй.
Еще же древность намъ объ ней
Сказаніе передала:
Какъ разъ во гнѣвѣ прокляла
Она пролетныхъ журавлей,
И какъ съ тѣхъ поръ до нашихъ дней
Едва на Витби налетитъ
Журавль, застонетъ, закричитъ,
Перевернется, упадетъ,
И чудной смертью отдаетъ
Угодницѣ блаженной честь.»

IX.

— А нашъ Кутбертъ? Не перечесть
Его чудесъ. Теперь покой
Нашелъ ужъ гробъ его святой;
Но прежде.... что онъ претерпѣлъ!

Отъ датскихъ хищниковъ сгорѣлъ
Линдфарнъ, пріютъ съ давнишнихъ дней
Честныхъ угодника мощей;
Монахи гробъ его спасли,
И съ гробомъ странствовать пошли,
Изъ зѣмли въ землю, по полямъ,
Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;
Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
Они скиталися; въ Мельросъ
Ихъ напослѣдокъ Богъ принесъ;
Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
Но мертвый въ немъ не разсудилъ
Онъ для себя избрать пріютъ,
И чудо совершилось тутъ:
Хоть тяжкій гробъ изъ камня былъ,
Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
По Твиду онъ, какъ легкій челнъ.
На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
Его помчало; миновавъ
Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,
Препонъ не встрѣтя, наконецъ
Привелъ свой гробъ святой пловецъ;
И выбралъ онъ въ жилище тамъ
Святой, готическій Дургамъ;
Но гдѣ святаго погребли,
Ту тайну знаютъ на земли
Лишь только трое; и когда
Которому изъ нихъ чреда
Разстаться съ жизнію придетъ,
Онъ на духу передаетъ
Ее другому; тотъ молчитъ
Дотоль, пока не разрѣшитъ
Его молчанья смертный часъ.
И мало ль чудесами насъ

Святой угодникъ изумлялъ?
На нашу Англію напалъ
Король шотландскій, злой тиранъ;
Пришла съ нимъ рать гальвегіанъ,
Неистовыхъ, какъ море ихъ;
Онъ рыцарей привелъ своихъ,
Разбойниковъ залитыхъ въ сталь;
Онъ весь подвигнулъ Тевьотдаль;
Но рать его костьми легла:
Для насъ Кутбертова была
Хоругвь спасеніемъ отъ бѣдъ.
Имъ ободренъ былъ и Альфредъ
На пораженіе датчанъ;
Предъ нимъ впервой и самъ норманъ
Завоеватель страхъ узналъ,
И изъ Нортумбріи бѣжалъ. —

X.

Монахини изъ Витби тутъ
Сестрамъ линдфарнскимъ задаютъ
Съ усмѣшкою вопросъ такой:
«А правда ли, что вашъ святой
По свѣту бродитъ кузнецомъ?
Что онъ огромнымъ молоткомъ
По тяжкой наковальнѣ бьетъ
И имъ жемчужины куетъ?
Что на работу ходитъ онъ,
Туманной рясой облаченъ?
Что на приморской онъ скалѣ,
Чернѣе мглы, стоитъ во мглѣ?
И что, покуда молотъ бьетъ,
Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
И что въ то время рыбаки
Уводятъ въ пристань челноки,

Боясь, чтобъ бурею ночной
Не утопилъ ихъ вашъ святой?»
Сестеръ линдфарнскихъ оскорбилъ
Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
— Пустаго много бредитъ свѣтъ;
Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
Честной угодникъ, не кузнецъ. —

XI.

Такъ весело передъ огнемъ
Шелъ о житейскомъ, о святомъ,
Между монахинь разговоръ.
А близко былъ иной соборъ,
И судъ иной происходилъ.
Подъ зданьемъ монастырскимъ былъ
Тайникъ — страшнѣй темницы нѣтъ;
Король Кольвульфъ, покинувъ свѣтъ,
Жилъ произвольнымъ мертвецомъ
Въ глубокомъ подземельѣ томъ.
Сперва въ монастырѣ оно
Смиренья кельей названо;
Потомъ въ ужасной кельѣ той,
Куда ни разу лучъ дневной,
Ни воздухъ Божій не входилъ,
Прелатъ Сексгельмъ опредѣлилъ
Кладбищу осужденныхъ быть;
Но наконецъ тамъ хоронить
Не мертвыхъ стали, а живыхъ;
О бѣдственной судьбинѣ ихъ
Молчалъ невѣдомый тайникъ;
И судъ, и казнь, и жертвы крикъ —
Все жадно поглощалось имъ;
А если случаемъ какимъ

Невнятный стонъ изъ глубины
И доходилъ до вышины,
Никто изъ внемлющихъ не зналъ,
Кто, гдѣ, и отчего стенялъ.
Шептали только межъ собой,
Что тамъ глубоко подъ землей,
Во гробѣ мучится мертвецъ,
Свершившій дней своихъ конецъ
Безъ покаянія во злѣ,
И не прощенный на землѣ.

XII.

Хотя въ монастырѣ о томъ
Заклепѣ казни роковомъ
И сохранилася молва,
Но гдѣ онъ былъ? Одинъ иль два
Монаха знали то, да самъ
Отецъ аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
Ему лишь съ ними доступъ былъ;
Съ повязкой на глазахъ входилъ
За жертвой самъ палачъ туда,
Въ часъ совершенія суда.
Тамъ зрѣлся тѣсный, тяжкій сводъ;
Глубоко, ниже внѣшнихъ водъ
Былъ выдолбленъ въ утесѣ онъ;
Весь гробовыми замощенъ
Плитами полъ неровный былъ;
И рядъ покинутыхъ могилъ
Съ полуистертою рѣзьбой,
Полузатоптанныхъ землей,
Являлся тамъ; отъ мокроты
Скопляясь, капли съ высоты
На камни падали; ихъ звукъ
Однообразно тихъ, какъ стукъ

Ночнаго маятника, былъ;
И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
Пуская дымъ, борясь со мглой,
Огонь въ лампадѣ гробовой,
Висѣвшей тяжко на цѣпяхъ;
И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
Покрытыхъ плѣснью какъ корой,
Свѣтъ, поглощенный темнотой,
Туманнымъ отблескомъ лежалъ.
Онъ въ подземельѣ озарялъ
Явленье страшное тогда.

XIII.

Три совершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ;
Предъ ними разложенъ на немъ
Уставъ бенедиктинцевъ былъ;
И, чуть во мглѣ сіяя, лилъ
Мерцанье блѣдное ночникъ
На ихъ со мглой сліянный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
Игуменья изъ Витби тамъ
Являлась; и была сперва
Ея открыта голова,
Но скоро скорбь втѣснилась ей
Во грудь, и слезы изъ очей
Невольно жалость извлекла,
И покрываломъ облекла
Тогда лицо свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ блѣдна,
Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтшая въ постѣ, въ мольбахъ
Безстрастье хладное одно
[Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святость уморя],

Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса, черная какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изсохнувшій полумертвецъ
И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
Межъ ними сгорбившись сидѣлъ;
Потухшій взоръ его глядѣлъ
Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
И грозной думой омраченъ,
Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
Какъ каменный надгробный ликъ,
Во храмѣ зримый въ часъ ночной,
Нѣмаго праха стражъ нѣмой,
Предъ ними жертва ихъ стоитъ:
На головѣ ея лежитъ
Лицо скрывающій покровъ;
Видна на бѣлой рясѣ кровь;
И на столѣ положены
Свидѣтели ея вины:
Лампада, четки и кинжалъ.
По знаку данному, сорвалъ
Монахъ съ лица ея покровъ;
И кудри черныхъ волосовъ
Упали тучей по плечамъ.
Пріорши строгія очамъ
Былъ узницы противенъ видъ;
Съ насмѣшкой злобною глядитъ
Въ лицо преступницы она,
И казнь ея ужъ рѣшена.

XIV.

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись какъ пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдругъ замолчала; погася
Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
Всѣ затворились; пустъ и тихъ
Сталъ монастырь; лишь главный входъ
Святыхъ обители воротъ
Не запертъ и свободенъ былъ.
На колокольнѣ часъ пробилъ.
Лампаду и кинжалъ беретъ,
И въ платьѣ мертвеца идетъ.
Матильда смѣло въ ворота;
Предъ нею ночь и пустота;
Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
Надъ церковью луна стоитъ
И сыплетъ на дорогу свѣтъ;
И видѣнъ на дорогѣ слѣдъ
Въ густой пыли копытъ и ногъ;
И слышенъ ей далекій скокъ....
Она съ волненьемъ въ даль глядитъ;
Но тамъ ночной туманъ лежитъ;
Все тише, тише слышенъ скокъ;
Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
Полночный ходитъ, да луна
Сіяетъ съ неба. Вотъ она
Минуты двѣ подождала,
Потомъ съ молитвою пошла
Впередъ—не встрѣтится ли съ нимъ?
И долго шла путемъ пустымъ;
Но все желанной встрѣчи нѣтъ.

Вотъ наконецъ и дневный свѣтъ,
И на небѣ зажглась заря....
И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
Послышался набатный звонъ;
Всю огласилъ окрестность онъ.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытаго пути,
Окаменѣвъ, она стоитъ;
И страшно колоколъ гудитъ;
И вотъ за ней погоня вслѣдъ;
И ей нигдѣ пріюта нѣтъ;
И вотъ настигнута она,
И въ монастырь увлечена,
И скрыта заживо подъ спудъ;
И ждетъ ее кровавый судъ.

XV.

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертвая лица
Была виднѣй, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Облившихъ ликъ ея младой.
Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
Глава на грудь наклонена;
И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный восковой
Могла бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ

Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей.
И казни страхъ ей весь открытъ:
Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ
Глубокій, низкій, тѣсный входъ;
Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
Назадъ не выдти никогда;
Коренья, въ черепкѣ вода,
Краюшка хлѣба съ ночникомъ
Уже готовы въ гробѣ томъ;
И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
На заступъ опершись, монахъ,
Палачъ подземный, передъ нимъ,
Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
И грудой на полу лежитъ
Гробокопательный снарядъ:
Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.
Слѣпой игуменъ съ мѣста всталъ,
И руку тощую поднялъ,
И узницу благословилъ....
И въ землю факелъ свой вонзилъ,
И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
И ужъ она въ его рукахъ
Трепещетъ, борется, кричитъ,
И, сладивъ съ ней, уже тащитъ,
Безчувственный на крикъ и плачъ,
Ее живую въ гробъ палачъ....

XVI.

Сто ступеней на верхъ вели;
Изъ тайника судьи пошли,
И видъ ихъ былъ свирѣпо дикъ;
И глухо жалкій, томный крикъ,
Изъ глубины ихъ провожалъ;
И страхъ шаги ихъ ускорялъ;

И глуше становился стонъ,
И наконецъ.... умолкнулъ онъ.
И скоро вольный воздухъ имъ
Своимъ дыханіемъ живымъ
Стѣснённы груди оживилъ.
Ужъ часъ ночнаго бдѣнья былъ,
И въ храмѣ пѣли. И во храмъ
Они пошли; но имъ и тамъ
Сквозь набожный поющихъ ликъ
Все слышался подземный крикъ.
Когда жъ во храмѣ хоръ отпѣлъ,
Ударить въ колоколъ велѣлъ
Аббатъ душѣ на упокой....
Протяжный гласъ въ тиши ночной
Раздался — изъ глубокой мглы
Ему Нортумбріи скалы
Откликнулись; услыша звонъ,
Въ Брамбургѣ селянинъ сквозь сонъ
Съ подушки голову поднялъ,
Молиться объ умершемъ сталъ,
Недомолился и заснулъ;
Имъ пробужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;
Въ шевьотскую залегшій сѣнь,
Вскочилъ испуганный олень,
По вѣтру ноздри распустилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ,
И снова легъ.... и снова тамъ
Все, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокій погрузилось сонъ.

Верне. На берегу Женевскаго озера.
1832.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ,
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершить намъ должно подвигъ трудный,
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ.»

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ сказалъ: «возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.

Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ
Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою.»

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ,
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ.

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучемъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслитъ: что же ты за диво?

Будить мнѣ для тебя отца,
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелой:
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился,
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый
«Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится.»

— Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ,
За то за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я — мой конь ученъ;
Пускай я слабъ — мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу. —

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый;
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по ногамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ,
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
[Осьмое чудо красотою],
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
«Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана.»

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ —
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ видѣнъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагаго;
Слѣдовъ не видно остальнаго.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такаго чуда:
Чей это трупъ?... Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу.»

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?... Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ; и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ копья передъ крыльцомъ,
И Карлу такъ сказалъ: «плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.»

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
«Со мною талисмана нѣтъ,
Но вотъ вамъ дорогія мощи.»
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
Не знаю я; но великанъ
Меня оставилъ въ часъ кончины
Наслѣдникомъ своей дубины.»

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечемъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
«Все это съ мертвеца я снялъ;
Мнѣ отъ побѣды мало чести;
О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти.»

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
«Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ;
Но обманулся я въ надеждѣ:
Былъ талисманъ украденъ прежде.»

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи,

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ....
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: «ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.»

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ....
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

Верне. На берегу Женевскаго озера.
31 октября 1832.

НОРМАНДСКІЙ ОБЫЧАЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ, ИЗЪ УЛАНДА.

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

ВАЛЬДЕРЪ, мореходецъ. | ТОРИЛЬДА.
РИХАРДЪ, рыбакъ. |

БАЛЬДЕРЪ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый.
Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:
Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ,
У свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

РИХАРДЪ.

Въ добрый часъ!
Доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный
Гость, объявить, что есть у насъ обычай,
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
За угощенье платитъ.

БАЛЬДЕРЪ.

Радъ исполнить
Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

РИХАРДЪ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный;
Нормандскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины,
Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

БАЛЬДЕРЪ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плѣняетъ
Нашъ слухъ: и такъ не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти не много у меня
Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

РИХАРДЪ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ [пьютъ]. Начинай.

БАЛЬДЕРЪ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много бурь они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на югѣ и востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ, были
Повѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

РИХАРДЪ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

БАЛЬДЕРЪ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечемъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ замки
И области наслѣдственныя предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ замка
Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камешки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты, и отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,

Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,
И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

РИХАРДЪ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель ангелъ твой!

БАЛЬДЕРЪ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;

А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ
Исканіи, нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

РИХАРДЪ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышешь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

БАЛЬДЕРЪ.

Нѣтъ. Послушай далѣ:
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю,
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился.... на землѣ его надежды
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный
Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

РИХАРДЪ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

БАЛЬДЕРЪ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Не мало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли;
Не мало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ; когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечемъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
Пропали мы! Женихъ морской, помилуй! —
Я кончилъ свой разсказъ.

РИХАРДЪ.

Благодарю;
Мнѣ старику расшевелилъ онъ душу.
Но, кажется не достаетъ конца
Разсказу, твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ на встрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

БАЛЬДЕРЪ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

РИХАРДЪ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ нормандскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ Безстрашный,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно:
И такъ не взыщешь ты, когда, на мѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

ТОРИЛЬДА [поетъ].

Тихой утренней порою,
Надъ прозрачною водою,
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.

Ждетъ.... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасной

Съ камнемъ алымъ перстенекъ.
На приманчивый крючокъ.

Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгаго перстенька
Бѣлоснѣжная рука;

И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжной,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.

Дѣва очи опустила:
«Не тебя въ волнахъ ловила
Я, красавецъ молодой;
Возврати мнѣ перстень мой.»

— Дѣва съ ясными очами!
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя.

БАЛЬДЕРЪ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лицо,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,
Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ,
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе, младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я.... я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

РИХАРДЪ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

Верне. На берегу Женевскаго озера.
8 ноября 1832 г.

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу, на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

«Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну!»—и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: «скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней.»

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
«Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

«Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой.»
Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
«Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить,»

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: «на!
Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ.»
Слышу; прости, до свиданья, отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ воронаго коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
Кто воронаго коня твоего господинъ?
«Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

«Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ.»
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
«Горе мнѣ!» въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй;
Только молись о душѣ осужденной моей.»

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору сказалъ:
«Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще недостоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть.»

Вижу, ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ.—
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ;
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ моиастырь молодаго коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ, и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злаго коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

Верне. На берегу Женевскаго моря.
5 декабря 1832 г.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой.
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную;
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ, уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душею погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

Vernex. 8 декабря.

1833

УЛЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

БАЛЛАДА.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино горный вождь
Примчался съ дочерью Уллина.

«Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Уллинъ съ дружиной недалекъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони.»

— Ты видишь ли, какъ зла вода?
Ты слышишь ли, какъ волны громки?

Пускаться плыть теперь — бѣда:
Мой челнъ не крѣпокъ, весла ломки.

«Рыбакъ, рыбакъ, подай свой челнъ;
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ —
Ея не будетъ отъ Уллина!»

Гроза сильнѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погони;
Имъ слышенъ тяжкій храпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

«Садитесь, въ добрый часъ; плывемъ.»
И Рино сѣлъ, съ нимъ дѣва сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвсюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За ними съ берега грозитъ
Уллинъ, какъ буря безпощадный.

Уллинъ ко брегу прискакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца пропалъ,
И онъ воскликнулъ, страха полный:

«Мое дитя, назадъ, назадъ!
Прощенье! возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь отвѣтъ шумятъ
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветъ гроза, черна какъ ночь;
Летаетъ челнъ между волнами;

Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челнъ пожравъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.

Верне. 1833, 10—22 января.

ПЛАВАНІЕ
КАРЛА ВЕЛИКАГО.

БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ
И съ нимъ двѣнадцать перовъ плыло,
Ихъ путь въ Святую землю былъ;
Но море злилося и выло.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
«Деруся я на сушѣ смѣло;
Но въ злую бурю по волнамъ
Хлестать мечемъ плохое дѣло.»

Датчанинъ Гольгеръ молвилъ: «радъ
Я веселить друзей струнами;
Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
Между ревущими волнами?»

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
«Мнѣ жалко новаго меча:
Здѣсь утонуть ему безъ пробы.»

Нахмурясь Ганелонъ шепнулъ:
«Какая адская тревога!
Но только бъ я не утонулъ!...
Они жъ?... туда имъ и дорога!

«Мы всѣ плывемъ къ святымъ мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь, Тюрпинъ-Святитель:
Явись, и въ пристань по волнамъ
Насъ грѣшныхъ нроведи, Спаситель!»

«Вы, бѣсы! графъ Ричардъ вскричалъ:
Мою вы вѣдаете службу;
Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ —
Явите вы теперь мнѣ дружбу.»

«Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
Не говорилъ: нажить намъ горе!
Но слово умное глухимъ
Есть капля масла въ бурномъ морѣ.»

«Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
Но если море не уймется,
То мнѣ на старости въ сырой
Постели нынче спать придется.»

А графъ Гюи вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
«Когда бъ отсюда полетѣть
Я птичкой могъ къ своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вамъ? Ей, ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
Чѣмъ горькая вода морская.»

Ламбертъ прибавилъ: «что за честь
Съ морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу ѣсть,
Чѣмъ рыбѣ на обѣдъ достаться.»

«Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
Я радъ добро и зло дѣлить;
Его святая власть надъ нами.»

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

БРАТОУБІЙЦА.

БАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный, хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,

И на палубѣ читаетъ
«Ave Maria» пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ;
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убрался вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредетъ одинъ:
Щеки впалы; тускло око;
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый

Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудь угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорогой терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями:
Дѣвы ликъ сквозь ѳиміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна,

И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей Дѣвы слѣдъ,
И она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ во слѣдъ; передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ;
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ;

Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ....
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ,
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?

«Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ

Ихъ не вырветъ? Знать къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

«Чтобъ изъ низости душею
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.»

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: «богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.»

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;

И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: «прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя.»

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Церерой:
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.

Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ;
Богъ, ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнемъ;
Учитъ ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:
Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;

Цѣпью смѣрена равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся нимфы, ореады
[За Діаной по лѣсамъ,
Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ,
Съ звонкимъ скачущія лукомъ];
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ,
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И, сіяя, низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земнаго онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;

И веселыя камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:
Держатъ петли ихъ дебелы.
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты;
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ.
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмѣ Зевсовомъ царица
Мать Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

«Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
Правитъ всѣмъ свободно Богъ,
Ихъ законъ — законъ природы.
Человѣкъ, пріявъ въ залогъ

Зоркій умъ — звено межъ ними —
Для гражданства сотворенъ:
Здѣсь лишь нравами одними
Можетъ быть свободенъ онъ.»

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

1833. Верне.
На берегу Женевскаго озера.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

БАСНЯ, ИЗЪ ГЕТЕ.

Съ утеса молодой Орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты упалъ
Онъ въ масличную рощу.
Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,
Три долгихъ ночи,
И содрогался
Отъ боли; наконецъ
Былъ исцѣленъ
Живительнымъ бальзамомъ
Всеисцѣляющей природы.
Влекомый хищничествомъ смѣлымъ,
Пріютъ покинувъ свой,
Онъ хочетъ крылья испытать....

Увы! они едва
Его подъемлютъ отъ земли,
И онъ въ унынiи глубокомъ
Садится отдохнуть
На камнѣ у ручья.
Онъ смотритъ на вершину дуба,
На солнце, на далекiй
Небесный сводъ,
И въ пламенныхъ его глазахъ
Сверкаютъ слезы.

По близости, между оливъ,
Крылами тихо вѣя,
Летали Голубь и Голубка.
Они къ ручью спустились,
И тамъ по золотому
Песку гуляли вмѣстѣ.
Водя кругомъ
Пурпурными глазами,
Голубка наконецъ
Примѣтила сидящаго въ безмолвномъ
Унынiи Орла.
Она товарища тихонько
Крыломъ толкнула;
Потомъ, съ участiемъ сердечнымъ
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
«Ты унываешь, другъ;
О чемъ же? Оглянись, не все ли,
Что намъ для счастья
Простаго нужно,
Ты здѣсь имѣешь?
Не дышатъ ли вокругъ тебя
Благоуханiемъ оливы?
Не защищаютъ ли зеленой

Прозрачной сѣнію своей
Онѣ тебя отъ зноя?
И не прекрасно ль блещетъ
Здѣсь вечеръ золотой
На муравѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росою;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студеныхъ утолять.
О другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.»
— О мудрость! прошепталъ Орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ Голубка.

КН. ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Другъ человѣчества и твердый другъ закона,
Смиренный въ почестяхъ и скромный средь похвалъ,
Предстатель ревностный за древній градъ у трона,
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
Самозабвеніе и непрерывный трудъ,
Въ день брани — мужество, въ дни мира — правый судъ,
И чистоту души, и жизнь безъ укоризны....
Вельможа-гражданинъ, тебѣ въ потомствѣ мзда!
И зависти на зло уже сіяетъ снова
Знакомая Москвѣ безсмертія звѣзда
Еропкина и Чернышова.

---

*

1834

ПѢСНЬ НА ПРИСЯГУ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля
Въ великій праздникъ Воскресенья,
Узрѣла русская земля
Прекрасный день его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ,
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ нимъ отецъ и властелинъ;
Присягу сына царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочитъ благостью отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, царя храни!

II.

Слава на небѣ солнцу высокому —
На землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному —
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу —
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи —
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ —
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному —
Слава русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное —
Многи лѣта царю благовѣрному!

III.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю —
Все ниспошли!

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское «ура»
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородилъ,
И за нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И кагульскія дружины,
И суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: «многи лѣта,
Православный русскій царь!»

1835

Д. В. ДАВЫДОВУ.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ИЗДАНІЯ: «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ».

Мой другъ, усастый воинъ,
Вотъ рукопись твоя;
Промедлилъ правда я,
Но право я достоинъ,
Чтобъ ты меня простилъ.
Я такъ заваленъ былъ
Бездѣльными дѣлами,
Что дни во слѣдъ за днями
Бѣжали на рысяхъ;
А я и знать не знаю,
Что дѣлалъ въ этихъ дняхъ.
Все кончивъ, посылаю

Тебѣ твою тетрадь;
Сердитый лобъ разгладь
И выговоровъ строгихъ
Не шли ко мнѣ, Денисъ!
Терпѣньемъ ополчись
Для чтенья риемъ убогихъ
Въ журналѣ «Для немногихъ».
Въ немъ много пустоты;
Но, другъ, суди не строго,
Вѣдь изъ немногихъ ты
Таковъ, какихъ немного.
Спи, ѣшь и объѣзжай
Коней четвероногихъ,
Какъ хочешь, только знай,
Что я, другъ, какъ немногихъ
Люблю тебя. — Прощай.

1833—1836

УНДИНА.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ, ИЗЪ ЛАМОТТЪ-ФУКЕ. *

* * *

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснею была.

---

* Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ русскими стихами Ундину. Въ 1833 г., находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевскаго озера [въ деревенькѣ Вернѐ, близъ Монтрѐ], написалъ я первыя три главы

Оно прошло то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть одна — жива какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода —
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда....

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
«Кто обреченъ святому новоселью
Тобой въ жильцы?» Судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ.

Года прошли — и мой расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другаго рода на долго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда, и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы Ундины написаны въ сельскомъ уединеніи близъ Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ по прежнему посвятить досугъ свой поэзіи.—Ж.—Элистферъ. 26 іюля 1836.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подъ часъ, забывшись, и пою.

[1836].

ГЛАВА I.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРІѢХАЛЪ ВЪ ХИЖИНУ РЫБАКА.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря; можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою — и только; дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ: тамъ было нечисто;
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ

Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ приближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо жъ одинъ великанскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.
Вспомнивъ, однако, что все никакой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ,
Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ беретѣ вилися
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ, и, сгибая красивую шею, какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ, и снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приблизясь,
Рыцарь сказалъ: могу ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище? — Милости просимъ, гость благородный!
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый

Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ.—Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, избави Боже! — Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ озираясь
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ
Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается. — Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка; вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна. —
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ. — Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости.—При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шепотъ, какъ будто бы кто потихоньку смѣялся.—Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще ты увидишь, но злаго
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней. — Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говорить ты волёнъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы; но съ утра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.—
Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ не часто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ

Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли?—Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. «Гдѣ же
Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ?» Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести; онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ какъ младенецъ;
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣна и, цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ?—Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу.—Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку, и сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
Вотъ гдѣ я буду работать.—Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда ирiѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?—
Изъ лѣсу прямо прiѣхалъ я, прелесть моя.—Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?—
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно

Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: недоброе время теперь намъ объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра.—Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.
Нынче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавна, мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердцѣ, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:
Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ.—Съ сими словами
Прыгнула въ двери она и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКЪ УНДИНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно: Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать?—Ужъ это не въ первый

Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто
Насъ забавляетъ она, теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь на пролетъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь мало ль, что можетъ
Встрѣтиться ночью! — Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе
Сами за нею.—Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ; куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась?—Будемъ, по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина?—Старикъ покачалъ головою. Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица.—Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка! милая!
гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: никакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они наконецъ возвра-
тились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ.—Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость?—Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дру-
желюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ

Шорохѣ—стукнетъ ли чго въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха — вдругъ умолкали
Оба, и палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто, и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ. — Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? — А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда; а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось: а съ нимъ и опасный
Путь не опасенъ.—При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы, и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка! — Она у того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ

Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
Духу; итакъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились — и что же мы видимъ? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточекъ весенній,
Утромъ проснулась; когда жъ мы разспрашивать стали, откуда
Родомъ она, и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакаго; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося

Вывѣдать только одно, что катаясь по морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась.... Въ сомнѣньи
Тяжкомъ остался мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но не знали
Мы, крещена ли она или нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя «даръ Божій», она же была милосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!» — Но было ли то христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился прійти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святаго
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что̀ съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, не мало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ.... Но

рыцарь

Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! послушай!
Что тамъ?—Не разъ ужъ во время разсказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились къ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и было все небо,
Также какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой вздымало, и какъ, скрыпя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья. — Ундина!....
Царь мой небесный!.... Ундина! старикъ закричалъ, но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

ГЛАВА III.

О ТОМЪ КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ, и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ наконецъ очутился
Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ разливѣ

Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь подумалъ,
Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровѣнъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою — но самый сей ужасъ
Только что съ бо̀льшею силою влекъ его въ лѣсъ: тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ ступилъ
онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: «не ходи, не ходи, берегися
Злаго потока; старикъ сердитъ и обманчивъ.» Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ: но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ черезъ силу держася,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: оглянися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздив-
шись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было не трудно

Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила, и его поневолѣ
Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты разскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля
Стѣнъ ихъ хижины дымной.—Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега. Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и оставилъ
Въ страхѣ меня старика одного по пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ.—Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею.—Тѣмъ лучше; скорѣе жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:
«Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется.»
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его какъ будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,

Кротко сказала потомъ: когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна.—И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все также утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другаго же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ ВЪ ЛѢСУ.

Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —
Мнѣ сказали—питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
Бодрость: усердно бился я прежде, но съ этой минуты

Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Дни турнира.—Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки, и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;
Но черезъ чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился. —
Развѣ тебя не любила она? спросила Ундина.
Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ казалось. —
О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто жъ не безумный
Съ милымъ себя разлучитъ и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести. — Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонныя листья такъ сладко шептались,

Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я поневолѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало по малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ; посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и что же
Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ,
Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шерахнувшись, бросился мимо
Въ скачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
Дьяволъ.—При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились: Ундина жъ тихонько шепнула: всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ, мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе.—Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не
имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнув-
шись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся — что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. — Благодарствую, милый,
Добрый ручей! закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина.
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчекъ

Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что, казалось,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ, и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь [ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень]; но карликъ,
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, исковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ, но съ боку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся! — И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылась
Область подземная гномовъ: они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотаго другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти въ пропасть со звономъ

Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозлился всѣ, и, толпяся, толкаясь, полезли
Кверху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе....
Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ.... и не знаю, долго ль скакалъ; но очнувшись
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли, прохладно
Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ, не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ; но навстрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей я бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку;
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду—онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣднотуманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ—съ головой, что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
Всякій разъ голова, какъ будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ

Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ. —
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей:
Ундина,
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься? —
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть — верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ.... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюся.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними
Вслѣдъ и она. И подлинно все опрокинуто было
Бурей изъ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ
Былъ поневолѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюся? — Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА ВЪ ХИЖИНѢ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ

Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви, на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется такъ сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнималъ безъименное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившися въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ, онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ по-прежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душею Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,

Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчивость струйки....
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилася Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней
Все осталось по-прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила—любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться.
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? иль, если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣпкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи—дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ

Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. Итакъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ, другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ недостало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.
Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сердилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ первый
Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ навстрѣчу явилась сама. За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море;
Бочка, и вѣрно съ виномъ, лежитъ на пескѣ. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ нимп Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя
Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали
Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку, и, пальчикъ поднявши, сердито

Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
За сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Съ скрыпомъ деревья, и море дико завыло. Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ, и, волнами
Брошенный Богъ вѣсть куда, лишенъ погребенья.—При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь
За руку взялъ старика и воскликнулъ: я честью клянуся,
Если бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣщаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался.—
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бо́льшимъ вкусомъ онъ допилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть.... вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,

Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь останешься?—Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ. — Признайся жъ, что глупо сказалъ ты; вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?.... Старушка, услышавъ
Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у турокъ, у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница?—Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь?—Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я.—Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:
Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи земные,

Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.—
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ, христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла, и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить; престарѣлый священникъ стоялъ тамъ:
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсов-
скимъ
Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и Пречистая Дѣва!—
Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина; не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.—
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился: пріятенъ
Былъ онъ лицомъ, веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли; его промочило дождемъ. Въ боковую коморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ и снова
Всѣ за столъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе: и я съ гребцами надежными лодку

Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче жъ по утру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря — и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку
Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи
Этотъ берегъ: ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть.... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ. — Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ за одно?—И самъ я подумалъ
Что-то подобное, патеръ сказалъ: когда я тащился
Берегомъ вашимъ въ потьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повернулъ я.
Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужъ отнынѣ
Кромѣ васъ никого на землѣ не встрѣчать мнѣ; отнынѣ
Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ.—Почему же?
Рыцарь спросилъ.—Да кто жъ, отвѣтствовалъ Патеръ, узнаетъ
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій?
Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да случиться
Можетъ и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напослѣдокъ

Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и порывистъ,
Такъ широкъ, что крѣпкому судну не будетъ возможно
Силы его одолѣть. — Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка. — Чего же хозяйка
Такъ испугалась? рыбакъ возразилъ. Не то же ли будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не все одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.
Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ позабудутъ,
Намъ же прибыль.—Что правда, то правда, сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ то страшно подумать, что вѣчно
Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ навсегда мы чужіе.—
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, нараспѣвъ прошептала:
«Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами!»
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ-то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ рядомъ;
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ; а островъ цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все пріютнѣй
Сердцу его становился — невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ расцвѣла; и къ нимъ какъ будто бы свыше былъ посланъ
Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви,

Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:
Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди.—Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
Оно на свадьбѣ ея зажжены; а рыцарь изъ звѣньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу.—Ундина, какъ будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь? А я въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили.—Спаси насъ
Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала старушка;

Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и скрылось. Отецъ мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда,
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной
Сплой какой, что ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять, какъ бывало; но рыцарь
Съ значущимъ взглядомъ назвалъ ее своею женою;
Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, рученкой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала
На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первою взбалмошной мыслію то жъ начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу.—Душу? смѣясь, закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,

Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня?—Оскорбленный глубоко, священникъ
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;
Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она, и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?.... Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а до нынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно. — Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо, и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ; Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдай
Душу свою передъ нами, и если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, онъ помилуетъ.—Тихимъ покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣна, и руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и имя

Божіе славя, твердила, что не было зла никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ: душею она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте.—Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣнахъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.
Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата? —
Руки ея такъ призывно́, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженством
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?

Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.... Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой раз
Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча; на лицахъ ихъ видно
Было что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней на встрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной.
Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло

Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ: радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обоимъ!
Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку....
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь. —
Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.

Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душею твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
Было бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди.—И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
— Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ саламандры,
Чудные, рѣзвые, легкіе; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцемъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.

Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь ундину. — Гульбрандъ содрогнулся:
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разскащицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы тоже, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми: покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ;
Веселы мы и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Спльный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
[Всѣхъ одаренныхъ душею удѣлъ] меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душею навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что будетъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты

Знаешь все, и если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ — онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.—
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ и стало

Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь.—Съ каким-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему, и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.—
Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще и не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ
Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они, какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобы имъ моя не открылася тайна? —
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собрался въ дорогу:
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялись, разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно

Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ....—Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ.—А ты кто? когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на разспросы, сказалъ незнакомецъ.
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской Пустыни. — Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;

Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе!
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь. — О! о! да какая жъ
Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами роднею
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла? — Оставь
насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею. —
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю; и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлестнулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и
все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ, и какъ будто

Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну.... и волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ полѣ они: тамъ имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ИМПЕРСКОМЪ ГОРОДѢ.

Въ этомъ имперскомъ городѣ всѣ почитали погибшимъ
Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатлѣнъ былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежданнымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье: прелесть Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу изъ-подъ власти
Злаго волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; Патеръ же былъ на разсказы
Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ,
Мало по малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она по неволѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его своимъ называла.
Скоро однако она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было

Вѣрнымъ лекарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ болѣ и болѣ
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы вѣрно съ тобою, Бертальда,
Какъ нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной,
Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда.—И въ сердцѣ Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштеттенъ, къ истокамъ Дуная
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ Рингштеттенъ
Могутъ они увезти, что на то герцогиня и герцогъ
Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей, наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоніемъ лишь, вокругъ городскаго фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шумной толпы въ отдаленьи,
Близъ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миротворной

Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштеттенъ. Но въ ту минуту, когда назначали
День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то
На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Былъ какъ въ чаду, и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ
Здѣсь говорилъ? спросила Бертальда. Съ таинственнымъ видомъ
Ей головкой кивнула Ундина. «Въ твои именины,
Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ.» Другаго отвѣта не было. Скоро
Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.
Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ герцогскимъ домомъ.
Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,
Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.
Если велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,
Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундинѣ большая
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ.

*

Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь
Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой шептала:
Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!

ГЛАВА XI.

О ТОМЪ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЕНИНАХЪ БЕРТАЛЬДЫ.

Гости ужъ были давно за столомъ, и Бертальда, царица
Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, подаренныхъ друзьями
Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ, Ундина
Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужъ кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣснилось
Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ старинный
Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда почитался
Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ господами.
Кубки съ виномъ и закуски носили межъ зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бертальда
Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ нетерпѣньемъ
Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, озаренныхъ
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но [какъ ребенокъ, любимый кусокъ свой къ концу берегущій]
Все молчала она, чтобъ продлить для себя наслажденье.
Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чувствомъ; Ундина
Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ добродушіемъ прелесть
Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости
Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню. Сверкнули
Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила
Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла:
«Солнце сіяетъ; море спокойно; къ брегу съ любовью
Воды тѣснятся. Что на душистой зелени брега
Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный, посланный небомъ

Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младенецъ
Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты, откуда,
Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чужбинѣ?
Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ коварнымъ.
Бѣдный, чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью ищешь?
Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ не услышитъ
Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной.
Лучшаго въ жизни рано лишенъ ты, бѣдный младенецъ.
Мимо проѣхалъ съ свитою герцогъ; въ пышный свой замокъ
Взялъ онъ сиротку; тамъ герцогиня благостнымъ сердцемъ
Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка
Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взоровъ;
Милую дѣву промыселъ Божій щедро осыпалъ
Всѣмъ.... но отдастъ ли лучшее въ жизни, мать и отца ей?»
Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Пѣсня ея растрогала всѣхъ, а герцогъ съ женою
Плакали. Герцогъ сказалъ: такъ точно случилось въ то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Богъ наградилъ насъ тобою; но права пѣвица, не можемъ,
Лучшаго блага земнаго тебѣ возвратить мы, родную
Мать и роднаго отца. — Ундина снова запѣла:
«Мать тоскуетъ, бродитъ, кличетъ.... нѣтъ ей отвѣта:
Ищетъ, ищетъ, что жъ находитъ? домъ опустѣлый.
О какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ опустѣлый,
Гдѣ дотолѣ днемъ и ночью, мать въ упоеньи
Цѣловала, миловала дочку родную!
Будетъ снова заниматься ярко денница;
Придутъ снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны,
Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;
Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей отрады;
Невозвратно все пропало съ дочкой родною.»
О Ундина! ради Бога, открой мнѣ! ты знаешь,
Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ подарокъ
Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ, Ундина.

Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью; межъ знатныхъ,
Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но Ундина
Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась, рукою
Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы? явитесь;
Найденной дочери вашей, отецъ и мать! — Разступилась
Съ шумомъ толпа; изъ средины ея рыбакъ и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину;
Вотъ она, ваша родная дочь! закричала Ундина,
Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ на шею
Бросились къ ней старики; но Бертальда съ пронзительнымъ крикомъ
Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье, досада
Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкій ударъ для ея надменной души, ожидавшей
Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищіе!.... Въ эту минуту
Въ мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ. Злая
Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бертальда,
Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундину.
Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое жъ
Злое созданье стала она! а все таки сердце
Чуетъ мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не каралъ ихъ,ославъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ ангелъ, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ незапномъ, не вѣдая, что̀ съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь
Доброе чувство въ ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ напослѣдокъ Ундина,

Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ невинности мирной,
Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!
Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы
Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ, Боже! донынѣ
Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ
Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать мнѣ.
Вижу, что все безразсудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышитъ
Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бертальдѣ
Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія
Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый
Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ герцогъ.
«Слышите ль? громко вскричала Бертальда. Она чародѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она.» — О нѣтъ, Ундина воскликнула съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чародѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло. «Такъ безстыдно
Лжетъ и клевещетъ она. Ничѣмъ нельзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая—мать. О! покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла
Столько стыда.» Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ герцогъ, отсюда
Я дотолѣ не выйду, пока не рѣшится сомнѣнье
Наше вполнѣ.—То слыша, старушка приблизилась робко
Къ герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
Вы, государь, своимъ высокимъ герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что если
Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно, чтобъ были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ, подъ правой
Мышкой ея и точно такія же три на подошвѣ
Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я вышла.—Отъ этихъ

Словъ поблѣднѣла Бертальда, а герцогъ велѣлъ герцогинѣ
Выйти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.
Скоро назадъ возвратились они; герцогиня сказала:
Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина; эти добрые люди
Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды. —
Съ этимъ словомъ герцогъ съ женой и съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ герцога, старый рыбакъ и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

ГЛАВА XII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И УНДИНА УѢХАЛИ ИЗЪ ИМПЕРСКАГО ГОРОДА.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ на Ундину.
Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа или нѣтъ, но прекраснѣй
Этой души не бывало на свѣтѣ: она какъ небесный
Ангелъ.—И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.
Городъ имперскій, который ей сталъ ненавистенъ, покинуть
Онъ рѣшился немедля, все велѣлъ приготовить
Къ скорому въ замокъ Рингштеттенъ отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано по утру была подана къ крыльцу ихъ повозка;
Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужъ рыцарь
Вышелъ съ своей молодою женой, и готовъ былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но въ эту минуту
Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. Намъ товаръ твой не нуженъ, мы ѣдемъ,
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина: поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратилися въ домъ, и Бертальда

Имъ разсказала, какъ герцогъ, вчерашнимъ ея поведеньемъ
Былъ раздраженъ, какъ ее отъ себя отослалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,
Также богато имъ одаренные, городъ того же
Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти я,
Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ, о которомъ
Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ.... Онъ отецъ твой, Бертальда,
Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человѣкъ, твой смотритель фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ, чтобъ въ замокъ
Нашъ Рингштеттенъ тебя не брала я съ собой, и невольно
Тайна съ его языка сорвалась....» Ну, отецъ мой, когда ужъ
Долженъ онъ быть мнѣ отцемъ, продолжала Бертальда, сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ, пока не исправишь
Гордаго сердца; осмѣлься одна чрезъ этотъ дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыбаковой
Дочерью къ намъ явися.... И я на все ужъ рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ: меня несчастную цѣлый
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру тамъ
Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ загладить вчерашній
Свой проступокъ признаньемъ вины. О! забудьте, простите!
Я и такъ ужъ несчастна безмѣрно; вспомните, что я
Утромъ вчерашнимъ была, что была еще при началѣ
Вашего пира, и что я теперь.... Опустивши въ ладони
Голову, плакала горько она, и межъ пальцевъ бѣжали
Слезы. Вся также въ слезахъ, къ ней на шею упала Ундина;

Долго безгласна была, напослѣдокъ сказала: ты съ нами
Въ замокъ Рингштеттенъ поѣдешь; что положили мы прежде,
То и сдѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ привыкла
Быть; говори мнѣ по-прежнему — ты. Вотъ видишь ли? Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую: тогда ужъ мы были
Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ нашъ сами
Такъ, чтобъ уже никогда никакой человѣческой силѣ
Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь
Съ нами прямо въ Рингштеттенъ; что жъ послѣ, какъ сестры родныя,
Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, пріѣхавъ
Въ замокъ, условиться.—То услышавъ, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ онъ:
Ввѣрьте себя беззаботно сердцу Ундины. А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ замокъ, отправимъ
Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось съ вами.—
Подъ руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ повозку,
Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними
Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро имперскій
Городъ пропалъ далеко назади; съ нимъ вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной
Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли, долго ли, длился
Путь ихъ, но вотъ напослѣдокъ въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они пріѣхали въ замокъ Рингштеттенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; молодая жъ хозяйка
Вмѣстѣ съ гостьей пошли осматривать замокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ, посреди равнинъ благодатной
Швабіи: видъ изъ него былъ роскошный; и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ

Шагомъ тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ за кустами,
Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской ихъ знакомецъ
Былъ, смотритель фонтановъ. Не бойся, Бертальда, сказала
Ей Ундина, ужъ въ этотъ разъ твой несносный фонтанщикъ
Зла никакого не сдѣлаетъ намъ.—Тогда разсказала
Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ Бертальду
Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ попала Ундина
Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все. И сначала
Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такаго разсказа; на сонный
Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣдилась, что было
Все то правда и только дивилась тому, что въ волшебной
Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказанной ей, очутилась
Вдругъ на яву, живая, сама; все ей въ Ундинѣ
Стало чуждо; какъ будто бы духъ безтѣлесный межъ ними
Вдругъ протѣснился; ей сдѣлалось страшно. Когда жъ возвратяся,
Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то было понять ей
Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ такому созданью, въ которомъ
[Послѣ того, что Бертальдѣ сама разсказала Ундина]
Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой-то холодный
Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чужое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКѢ РИНГШТЕТТЕНѢ.

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый читатель; прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось, не много
Буду разсказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь нашъ сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ Бертальдѣ, какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ отъ часу жарче
Тайной любовью къ нему разгораться, какъ стали Ундины

Онъ и она дичиться, и въ ней существо имъ чужое
Видѣть, какъ Ундина плакала, какъ пробуждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда, а прежней
Въ немъ любви уже пробудить не могли, какъ порою
Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ невольно
Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило къ Бертальдѣ; созданью
Съ нимъ однородному.... знаю, что это все я умѣлъ бы,
Добрый читатель, порядкомъ тебѣ разсказать; но позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной человѣческій жребій;
Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ житейскаго былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ семъ доля
Жертвы—блаженнѣй, чѣмъ доля губителя. Если сей лучшій
Жребій былъ твой, читатель, то можетъ быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья
Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ растоптанныхъ. Полно жъ,
Полно объ этомъ, читатель. Послушай, и съ доброй Ундиной
Тоже сбылось, что и съ нами со всѣми: Ундина страдала.
Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякій
Разъ, когда Ундина хоть мало была несогласна
Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла
Сердцемъ обиженной бѣдной жены, и мало по малу
Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
Съ ней приняла. Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.
Болѣ жъ всего съ недавняго времени вотъ что согласье
Жителей замка стало тревожить: Гульбрандъ и Бертальда

Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ
Замка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и слуху
Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ проказникъ
Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой
Узнаны были, сталъ имъ повсюду обонмъ, Бертальдѣ жъ
Чаще, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда отъ страха
Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ покинуть,
Если бъ имѣла гдѣ уголъ какой для пріюта; но честный
Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же
Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштеттенъ,
Вотъ что отвѣтствовалъ: «я по волѣ Господа Бога
Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка
Жонка моя: хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше
Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается
Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундинѣ
Милой моей отъ того; тогда ее прокляну я.»
Такъ-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
Въ замкѣ Бертальда. Вотъ однажды случилось, что рыцарь
Выѣхалъ. Скликавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла
Камень одинъ огромный поднять и его на колодезь,
Бывшій на самой средпнѣ двора, наложить. Намъ далеко
Будетъ ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ груснымъ
Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала Ундина:
Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ
Воду носить; но этотъ колодезь, повѣрьте мнѣ, должно,
Должно закрыть намъ, иль съ нами случится большое несчастье. —
Всѣмъ служителямъ было пріятно угодное сдѣлать
Доброй своей госпожѣ; безъ дальнихъ разспросовъ, огромный
Камень былъ поднятъ: и онъ, показалось, какъ будто бы доброй
Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ будто
Самъ рванулся колодезь задвинуть. Но въ эту минуту
Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не троньте колодца,
Громко она закричала; его вода умываньемъ

Лучшимъ мнѣ служитъ; его запереть никакъ не позволю.
Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ
Разъ осталася въ волѣ своей непреклонна. Я въ здѣшнемъ
Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно,
Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ
Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ. — Посмотрите,
Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой
Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
Свѣтомъ разстаться; какъ жалко она трепещетъ и бьется!—
Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ-подъ камня
Ключъ пробивался, какъ будто спѣша убѣжать, и какъ будто
Что изъ него исторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ съ большей
Строгостью свой приказъ повторила Ундина; охотно
Былъ онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всѣхъ отъ нея удаляла и каждому было пріятно
Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень
Крѣпко накрѣпко устье колодца задвинулъ. Ундина
Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчаньи
Грустномъ потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и вздохнувши,
Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла. На камнѣ жъ остались
Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотолѣ
Не было тамъ. Ввечеру, когда Гульбрандъ возвратился
Въ замокъ Рингштеттенъ, Бертальда ему въ слезахъ разсказала
То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшися съ духомъ,
Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господинъ мой;
Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ наипаче
Мнѣ, законной женѣ, онъ позволитъ въ свое оправданье
Слово сказать. — Говори, сердито отвѣтствовалъ рыцарь.
Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина.
Нѣтъ, при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду.
Я исполню волю твою, она продолжала:

Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.
Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,
Все въ ней являло такую покорность, что въ сердцѣ Гульбранда
Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
Вышелъ, и вотъ что ему сказала она: ужъ коварный
Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ
встрѣчался
Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ; Бертальдѣ же такъ онъ
Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ
просто
Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
Здѣсь происходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
Только на внѣшность одну. Замѣчая, какъ ты недоволенъ
Мной иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,
Плачу, какъ въ тоже время Бертальду, случайно быть можетъ,
Что нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразсудствѣ
Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ, колобродитъ,
Злится и въ наши дѣла незваный мѣшается; пользы
Нѣтъ отъ того никакой, что ему я грожу и гоняю
Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не вѣритъ; въ
бездушной,
Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ
Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье, и радость
Такъ плѣнительно сходны, такъ близко родня, что разрознить
Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы раждаютъ улыбку.—И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши, она изъ подлобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лицо, и все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ; Ундина глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала: когда словами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затворимъ
Входъ ему въ замокъ; единственный путь, которымъ сюда онъ
Можетъ свободно всегда проникать, есть этотъ колодезь;

Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ въ ссорѣ;
Царство жъ его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ колодезь задвинутъ,
Знаки свои написала: они безпокойнаго дядю
Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бертальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ. Но людямъ
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо
Требуетъ; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ [хотя и безъ всякой
Мысли худой отъ тебя], то и самъ ты, мой милый, не будешь
Внѣ опасности. — Рыцарь, глубоко проникнутый въ сердцѣ
Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,
Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. Мы не тронемъ
Камня; отнынѣ жъ и все, что ты когда ни прикажешь,
Будетъ въ замкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, исполняемо свято,
Другъ мой, Ундиночка. — Такъ ей рыцарь сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько
Времени имъ забытое слово любви, прошептала
Робко: милый мой другъ, ты нынѣ со мной такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ сильнѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ
Огненно-грознымъ вѣнцемъ громовыхъ облаковъ, и владыкой,
Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно таковъ ты
Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и въ этомъ
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мнѣ безразсудной плакать; но слушай, другъ мой: воздержанъ
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подводныхъ
Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они невозвратно
Въ море меня увлекутъ и тамъ въ продолженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ въ неволѣ
Плакать, и мнѣ ужъ къ тебѣ не прійти; а если приду я....

Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.
Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ такого
Бѣдствія.—Рыцарь торжественно далъ обѣщанье исполнить
Просьбу ея, и они съ веселымъ лицомъ возвратились
Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала. Она ужъ успѣла
Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили съ него. Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ, что Ундина
Въ замкѣ моемъ одна госпожа, что ея приказанья
Святы.—При этомъ словѣ Бертальда, въ лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ наступилъ, а Бертальды
Не было. Рыцарь послалъ за нею, но вмѣсто Бертальды
Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ: «вы приняли, рыцарь,
Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низкомъ
Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ наказанье
Доброю волей иду къ отцу рыбаку, чтобъ въ убогой
Хижинѣ скрывшись, о счастьи земномъ не мечтать; наслаждайтесь
Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой.» Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря въ слѣдъ за Бертальдой
Стала она посылать — ея убѣжденья однако
Были не нужны: онъ самъ на то былъ готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Никто объ этомъ не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужъ свой путь на удачу
Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и сказалъ, что Бертальда
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ окошко
Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: «не ѣзди! не ѣзди,
Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной Долины!
Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ собою
Ѣхать!».... Но рыцарь ужъ былъ далеко. Ундина поспѣшно
Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА XIV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

Эта долина, въ то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была отъ замка, а какъ называютъ
Нынѣче ее, неизвѣстно; тогда жъ поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко средь дикихъ утесовъ,
Елями густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,
Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шумѣвшій,
Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и дикихъ утесовъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтиться съ нею
Онъ торопился: по всѣмъ сторонамъ съ напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось сильнѣй; но со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ этомъ
Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показалось
Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонѣ утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, уперся, и уши
Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ; чтобъ напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ пробираться
Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви
Били его по лицу, и какъ будто нарочно сплетались
Сѣтью, чтобъ далѣ не могъ онъ идти; онъ ломалъ ихъ, а небо
Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось, и глухо
Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ становилось

Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому ближе и ближе
Все подходилъ и который лежалъ на землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечемъ позвенѣлъ — никакого
Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ началъ сначала
Тихо, потомъ все громче и громче кликать — отвѣта
Все ему нѣтъ. Наконецъ закричалъ онъ такъ громко, что эхо
Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: Бертальда!—напрасно;
Тоже молчанье. Тогда онъ къ ней наклонился; но, было
Такъ ужъ темно, что не могши подъ носомъ видѣть, пригнулся
Къ самой землѣ онъ лицомъ, и въ эту минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицомъ его отразилась изъ черной
Тьмы безобразно свирѣпая харя, и голосъ осиплый
Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушокъ дорогой! Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но свирѣпая харя
Съ визгомъ и хохотомъ кинулась вслѣдъ. «За чѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль будешь ты нашимъ!»
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали
Рыцаря. Струй проклятый! [Гульбрандъ закричалъ ободрившись]
Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!
Сильно онъ треснулъ по харѣ мечемъ; она разлетѣлась
Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей какъ хохотъ, былъ облитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилося, съ кѣмъ онъ
Дѣло имѣлъ. «Меня удержать онъ, я вижу, намѣренъ,
Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я испугаюсь
Шутокъ бѣсовскихъ его и Бертальду бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный не знаетъ,
Какъ всемогущъ человѣкъ своей непреклонною волей!»

*

Самъ онъ почувствовалъ истину словъ сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилась, и какъ будто бы счастіе въ этой минуты
Стало съ нимъ заодно: къ своему коню возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно сдѣлался слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на помощь сквозь
шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ отъ часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ страшной
Черной Долины силяся выйти, она по крутому
Боку ея тащилася кверху; тутъ заступилъ ей
Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо въ своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгъ, но встрѣтить
Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный ею въ дорогѣ,
Сердце ея усмирилъ, а свѣтлая жизнь въ безмятежномъ
Замкѣ такъ ласково руки къ ней простирала, что рыцарь
Тотчасъ ее за собою идти убѣдилъ. Но Бертальда
Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ затрудненьемъ
Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей
Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ коня отвязавъ, за собою
Весть его въ поводахъ; но конь, испуганный Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдѣ даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно
Рыцарь спутницу подъ руку велъ, а коня за собою
Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги, и какъ ни боролась съ собой, но усталость давила
Члены ея какъ свинецъ; а буря, ударъ за ударомъ
Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ во мракѣ,
Злая игра привидѣній.... словомъ, Бертальда, сліяньемъ
Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и въ то же
Время рыцаревъ конь, какъ будто взбѣсившійся, началъ
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ Бертальду
Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нея отойти: но Бертальда
Съ воплемъ его начала умолять, чтобъ остался. На волю жъ

Злаго коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся, что этотъ
Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ копытомъ
Грянетъ въ нее: короче, на что рѣшиться, что дѣлать,
Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ недалекимъ
Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ, тащилась
Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли; грубоватый
Голосъ не женскій откликнулся: скоро въ потемкахъ мелькнули
Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ
Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта
Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ товаромъ.
Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и лошади стали.
Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ одичалымъ
Все еще бился. «Я вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, съ моими
Бѣлыми тоже случилось, когда я въ первый разъ съ возомъ
Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то
Бѣсъ водяной: онъ великій проказникъ, проѣзжимъ покоя
Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалося свѣдать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадкѣ
На ухо.»—Дѣлай, что хочешь, но только скорѣе, воскликнулъ
Рыцарь, кипя нетерпѣньемъ. — Погонщикъ, какъ слабую вѣтку,
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный сталъ онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ и паръ отъ него подымался. Не время
Было Гульбранду разспрашивать, какъ совершилося чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальду,
Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый
Конь едва шевелилъ ногами. Садитесь-ка рыцарь,
Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога отсюда
Подъ гору будетъ; коня же привяжемъ сзади повозки. —
Рыцарь сѣлъ съ Бертальдою въ фуру, коня привязали
Сзади, бичемъ захлопалъ погонщикъ, дернули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темно; утихая,

Глухо вдали гремѣла гроза; въ усладительно-мирномъ
Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ, въ волшебномъ
Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межъ ними
Скоро сердечный, живой разговоръ начался; въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пенялъ за побѣгъ. Торопливо,
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи, Бертальда проступокъ
Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны
Были какъ свѣтъ лампады, когда во мракѣ отъ милой
Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь
Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
«Клячи, тяните живѣе! [кричалъ онъ] дружно бѣда намъ!»
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ — что жъ онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: онѣ какъ на мельницѣ, съ шумомъ
Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужѣ въ водѣ по колѣно.
Что за дорога такая? спросилъ у погонщика рыцарь,
Прямо идетъ въ середину потока.—«Напротивъ, погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали!»
Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;
Выше и выше онѣ подымались. — Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ: товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка?
«Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я, и какъ прозываюсь!» — Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно.—«А такъ-то не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, просимъ не гнѣваться, самъ я

Струй!»—И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку....
Но повозка ужъ болѣ была не повозка, ужъ были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти, и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужъ готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить
их....
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раз-
дался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной
явился
Образъ Ундины: она погрозила волнамъ — и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину, и руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ потихоньку
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

ГЛАВА XV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ѢЗДИЛИ ВЪ ВѢНУ.

Съ этой поры, мой читатель, жилось спокойно и мирно
Въ замкѣ Рингштеттенѣ. Рыцарь все чувствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундинѣ
Всякая память о прошломъ исчезла: она беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогой,
Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ настоящемъ

Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ, благодарной,
Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ Рингштеттенъ
Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравою,
Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась веселымъ
Жителямъ замка; стало на сердцѣ ихъ радостно, стало и смутно.
Что жъ тутъ дивиться, если при видѣ какъ въ воздухѣ вешнемъ
Нитью вились журавли и легкіе ласточки мчались,
Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ случилось
Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрасное утро
Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ этой
Славной рѣкѣ онъ разсказывалъ много: какъ протекала
Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ благодатнымъ,
Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,
Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали
Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи
Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ замковъ.
«О! сказала Бертальда, какъ было бы весело съѣздить
Въ Вѣну водой».... но опомнясь, она покраснѣла, и взоры
Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Ундина
Тронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось
Сильно желанье утѣшить подругу свою. Да зачѣмъ же
Дѣло стало? сказала она. Ничто не мѣшаетъ
Съѣздить намъ въ Вѣну.—Бертальда запрыгала съ радости. Вмѣстѣ
Стали они учреждать поѣздку свою, и заранѣ
Тѣмъ, что представится имъ на пути, восхищались. И рыцарь
Съ ними былъ заодно; Ундинѣ однако шепнулъ онъ:
«Вспомни о Струѣ! вѣдь онъ могучь на Дунаѣ.» Не бойся,
Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попробуетъ сдѣлать
Что нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ никакъ колобродить

Онъ не посмѣетъ.—Отвѣтомъ такимъ уничтожены были
Всѣ затрудненья, и съ бодрымъ духомъ, съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда сулитъ намъ?
Хитрая власть, стерегущая насъ для погибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ
На ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. Напротивъ
Часто спасительный Божій посланникъ громко и страшно
Въ дверп наши стучится. Какъ бы то ни было, наши
Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:
День ото дня рѣка становилася шире, и воды
Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ—и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ — открылъ свои нападенья
Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи
[Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ]; но Ундина одною угрозой,
Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды, смиряла
Силу врага; то было однако не надолго; снова
Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась вовсе.
Въ тоже время, гребцы, дивяся тому, что въ глазахъ ихъ
Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про себя говорилъ: таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ
Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: вѣдь прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко порою
Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое здѣсь
Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ разсужденьемъ,
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ
Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То слишкомъ,

Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ,
Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ Струемъ, при-
сѣла
Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій
Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли закрыться
Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ изъ бывшихъ
Въ лодкѣ въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, появилась,
Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ раствореннымъ
зубастымъ
Ртомъ, и кривлялась, выпучивъ страшно глаза. Закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій
Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ крикомъ:
Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны создалася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и поверхность Дуная
Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла, шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и вмигъ при воззрѣньи
Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но рыцарь ужасно
Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Ундина сказала:
Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты.—
Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. Другъ мой, шепнула
Снова Ундина, не лучше ль намъ далѣ не ѣздить? Не
лучше ль
Въ замокъ Рингштеттенъ обратно отправиться? Въ замкѣ
Будемъ спокойны. — «И такъ, проворчалъ нахмурившись
рыцарь,
Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить, какъ не-
вольникъ!
Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ....» Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту Бертальда

Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними, сидѣла на краѣ
Лодки, и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ
Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ, сверканьемъ жемчужныхъ
Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ орумяненной влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропалъ съ нимъ.
Вскрикнула громко Бертальда и хохотъ пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь
Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ въ изступленьи и въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, никсъ и сиренъ; а Бертальда своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклоняясь, окунула
Руку въ прозрачныя волны, и что-то надъ ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ, Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: возлюбленный, милый, подумай,
Гдѣ мы: брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь.—И рыцарь,
Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней ожерелье
Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарованнымъ блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ:
Вотъ что [сказала она] для тебя изъ рѣки мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же и полно
Плакать.—Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней, ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ; ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею роднею!
Сгинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ покоѣ!.... Съ рукою,

Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она ожерелье,
Блѣдная страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который
Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда
Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь.... о мой милый,
Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о горе!....
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула:
Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ
Вся распустилась она; но долго мелкія струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и въ слухъ доходили
Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о горе!....
Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ сильный
Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

ГЛАВА XVI.

О ТОМЪ, ЧТО ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью? что наше
Горе земное не надолго. Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра

Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много инаго, чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... и такъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь
Также извѣдалъ — къ худу ль, къ добру ль своему, мы увидимъ.
Онъ сначала только и могъ, что плакать, такъ горько
Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая, ангелъ доброты, Ундина,
Стоя въ лодкѣ, когда онъ отнялъ у ней ожерелье,
Коимъ она все поправить такъ мило хотѣла; потомъ онъ
Такъ же и руку вверхъ подымалъ, какъ Ундина, и снова
Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ. И Бертальда
Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно, горько. Другъ подлѣ друга
Въ замкѣ Рингштеттенѣ тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала Ундина;
Грустно къ постели его подходила она, и смотрѣла
Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потомъ назадъ уходила, такъ что, проснувшись,
Самъ онъ навѣрно не зналъ, его ли, ея ли слезами
Были такъ влажны щеки его. Но вотъ напослѣдокъ
Эти сны объ Ундинѣ стали часъ отъ часа рѣже;
Стало сердце рыцаря тише; въ немъ скорбь призаснула.
Но, быть можетъ, что онъ для себя ничего и придумать
Въ жизни не могъ бы инаго, какъ только, чтобъ память Ундины

Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ не явился
Въ замкѣ нашъ честный, старый рыбакъ, и не сталъ отъ Гульбранда
Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о томъ, что съ Ундиной
Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ уже не хотѣлъ, чтобъ Бертальда
Въ замкѣ одномъ жила съ неженатымъ. — «Рада ль не рада ль
Будетъ мнѣ дочь, о томъ я теперь и знать не желаю,
Онъ говорилъ, но гдѣ о честномъ имени дѣло,
Тамъ разбирать ужъ нельзя.» Съ приходомъ его пробудилось
Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе
Въ горѣ по милой Ундинѣ; при томъ же его ужаснула
Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ остаться. Но много
Противъ брака съ Бертальдой отецъ говорилъ въ возраженье:
«Точно ль Ундины на свѣтѣ не было? Впрочемъ — на днѣ ли
Влажномъ Дуная тѣло ея неотпѣтымъ лежало,
Море ль его безъ пріюта носило своими волнами —
Все Бертальда отчасти ея безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великій грѣхъ заступить ей
Мѣсто бѣдной жены, отъ нея пострадавшей.» Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоялъ на своемъ; напослѣдокъ,
Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался въ замкѣ, и тотчасъ
Былъ отправленъ гонецъ за отцемъ Лаврентіемъ съ зовомъ
Въ замокъ Рингштеттенъ: Гульбранду хотѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни совершенъ былъ,
Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ. Но священникъ,
Съ страхомъ какимъ-то посланника выслушавъ, тотчасъ
Въ путь отправился: день и ночь, не смотря на усталость —
Было ль ненастье иль ясное время — онъ шелъ. Помоги мнѣ,
Господи, зло отвратить, онъ молился. И вотъ напослѣдокъ
Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ на дворъ, осѣненный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь съ невѣстой,
Веселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задумчивъ, подъ тѣнью
Липъ сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь

Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ его окружили;
Но священникъ былъ молчаливъ, прискорбенъ; хотѣлъ онъ
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, какъ будто
Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ особливый
Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: таиться
Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ касается то, что скажу я;
Слушайте жъ, рыцарь. Точно ль увѣрены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это. Хоть много
Было разной молвы и объ ней самой и о родѣ
Чудномъ ея — что правда, что нѣтъ, я не знаю — но знаю
То, что она была добронравной, вѣрной, смиренной,
Благочестивой женою; а вамъ я скажу, что съ недавнихъ
Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться: приходитъ,
Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все говоритъ мнѣ:
«Честный отецъ, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!».... И сначала
Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло видѣнье:
Вдругъ посольство отсюда — и здѣсь я; но я не для брака
Здѣсь, для развода. Гульбрандъ, откажись отъ Бертальды;
Бертальда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ; имъ владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ на ра-
дость. —
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія; долго
Спорили жарко они; напослѣдокъ патеръ съ сердитымъ
Видомъ изъ замка ушелъ, не желая и ночи единой
Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что священникъ
Былъ сумасбродъ и мечтатель, послалъ въ монастырь, по
сосѣдству
Съ замкомъ лежавшій, за патеромъ; тотъ безъ труда согла-
сился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ВИДѢЛЪ СОНЪ.

Было время межъ утра и ночи, когда на постели
Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Уже забываться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ невидимкой, ужасное что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ какой-то
Голосъ, шепнувшій: къ тебѣ подошелъ посѣтитель безплотный.
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ онъ услышалъ
Снова: какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебединыя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на подушку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и началъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ — крыльями сталъ, что будто его подхватили
Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ. «Стонъ лебединый!
Стонъ лебединый! [себѣ непрестанно твердилъ по неволѣ
Сонный рыцарь] вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть.» И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средиземное море!
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину; подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько; и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ счастливъ
Былъ онъ въ замкѣ Рингштеттенѣ: очи, столь ясныя прежде,

Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней—рыцарь увидѣлъ —
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто смутился. «Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу.» Струй, покачавъ головою съ сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ-то думать, потомъ сказалъ: ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душею, но все ты подъ властью
Нашихъ стихійныхъ законовъ, и все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова. «Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня.» Вдовецъ, я не спорю, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь какое — смерть. «Но знаю и то, что не можно
Въ замокъ Рингштеттенъ войти мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина,
Камень лежитъ на колодцѣ.» А если онъ выйдетъ изъ замка?
Струй возразилъ. А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ. «Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся.» Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся

Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ водами,
Будто на замокъ Рингштеттенъ слетѣлъ, и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на постели.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ объявить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ патеръ Лаврентій, что онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ поселился. —
Мнѣ на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ: «развѣ одни лишь
Браки должны освящать мы? Другіе нерѣдко обряды
Намъ совершать случается. Если не могъ пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
Можетъ легко перейти въ гореванье. И такъ, кто имѣетъ
Очи, да видитъ; кто уши имѣетъ, да слышитъ.» Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ, и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся, и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось по-прежнему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ СВАДЬБУ.

Если разсказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
Тоже, какъ если бы вдругъ ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земнаго.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ — духамъ водянымъ, ужъ это мы знаемъ,

Было проникнуть въ него нельзя — но со всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбакъ и даже служители были всѣ какъ-то
Смутны; казалося всѣмъ, что на праздникѣ съ ними кого-то
Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ не могъ быть
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,
Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворецкій, иль ключникъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально въ тарелку
Взоръ опускалъ и сидѣлъ безгласенъ, какъ будто бы въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была молодая;
Но и ей самой какъ будто совѣстно было
Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ богатомъ вѣнчальномъ
Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда какъ Ундина,
«Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,
Или носима была безъ пріюта морскими волнами.»
Эти отцовы слова и прежде мутили ей сердце;
Тутъ же они отзывались въ ушахъ ея безпрестанно.
Рано гости оставили замокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ, молодая
Также къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе
Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренные; стала примѣривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: ахъ, Боже! какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бъ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бъ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ, если бъ мнѣ нынче жъ хоть кружку

Этой воды достали! — О чемъ же тутъ думать? сказала
Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. — Неужто
успѣетъ
Эта проказница камень поднять! съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодцу бѣжали
Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ замка, ей было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и прискорбно
Было подумать, что имъ теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сдѣлать прежнею, доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ-то великъ, какъ сначала
Думали; имъ изнутри колодца какъ будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: можно подумать, что бьетъ тамъ
Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ съ отверстія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги, свободно
Сдвинулся онъ, и со стукомъ глухимъ откатясь, повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ, съ тя-
желымъ
Вздохомъ; и блѣднымъ лицомъ Ундины тогда показался
Образъ Бертальдѣ: мимо ея она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, какъ будто на судъ. Позовите
Рыцаря, громко вскричала Бертальда. Но всѣ въ неподвижномъ

Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда, какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ,
умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери
Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла.... о, такою ль бывало
Здѣсь видали ее? Въ то время еще нераздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь.... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.
Все это призракъ! [сказалъ онъ] пора мнѣ въ постелю. —
«Въ постели
Будешь ты скоро, но только въ холодной, шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ. — И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ
двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
«Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо;
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты.» Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя.
«Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна какъ прежде, какъ въ
оный
День, когда твоею невѣстою стала.» — О, если бъ
Это правда была! [Гульбрандъ воскликнулъ] о, если бъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть! «Охотно, возлюбленный мой!» покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она по-
цѣлуемъ

Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто
Выплакать душу хотѣла: и быстро, быстро ліяся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливалися въ грудь, пока напослѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ прекрасных
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
«Я до смерти его уплакала!» встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ.
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштеттена, тотчасъ
Въ замкѣ явился; и онъ, входя, на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и въ горѣ смиряясь,
Думалъ: оно иначе и быть не могло; то Господній
Судъ; и конечно Гульбрандова смерть никому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундинѣ.—
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично

Сану покойника: тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ, и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи,
Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупившій голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,
Пятились, такъ что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незваного вывесть изъ ряду;
Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ напослѣдокъ онъ, мало по малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла; въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ

Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало по малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣна, и стали всѣ на колѣна,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова всѣ встали.... ужъ бѣлый образъ пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо вiясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы: тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ Ундина.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

[изъ зейдлица].

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италiйскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею,
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И Франція — тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ — Святая Елена.

Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

Слушай, дружокъ! [говоритъ воскресенью суббота] деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.... И только успѣла суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ воскресенье;
Легкой рукою, тихонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ тёмно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ, кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы въ глубокомъ

Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ, воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось.... Тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящяго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко встань!».... И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая....
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, и сіяя на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву.... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

1837

STABAT MATER.

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
Матерь сыну на крестѣ:
Душу, полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,

Растерзалъ ей острый мечъ.
Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
Сына-Бога твоего!
Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?
Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-сыномъ
Безотрадно плачетъ мать;
Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;
Видя, какъ въ тоскѣ послѣдней
Онъ, хладѣя, умирая,
Духъ свой Богу предаетъ?
О святая мать любови,
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ тобой я плакать могъ!
Дай, чтобъ я горѣлъ любовью —
Весь проникнутъ вѣрой сладкой —
Къ искупившему меня;
Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
И позоръ его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;
Чтобъ во дни земной печали
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;
Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ,
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ.

А. П. ЕРМОЛОВУ.

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ:
Дѣлами славными она безсмертно дышетъ.
Захочетъ — о себѣ какъ Тацитъ онъ напишетъ,
И лихо лѣтопись свою переплететъ. *

Москва. 1837. Декабря 10.

1839

КАМОЭНСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

[ПОДРАЖАНІЕ Фр. ГАЛЬМУ].

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ДОНЪ ЛЮДВИГЪ КАМОЭНСЪ.
ДОНЪ ІОЗѢ КВЕВЕДО КАСТЕЛЬ-БРАНКА.
ВАСКО, его сынъ. **
СМОТРИТЕЛЬ главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.—[1579].—

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ лиссабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась штукатурка; съ одной стороны столъ съ бумагами и стулъ; съ другой большія кресла и за ними, ближе къ стѣнѣ изломанная кровать. На ней лежитъ Камоэнсъ и спитъ; къ кровати прислоненъ мечъ: надъ изголовьемъ виситъ на стѣнѣ лютня, покрытая пылью. Съ правой стороны дверь. — Входитъ донъ Іозѣ Квеведо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя. У послѣдняго за поясомъ связка ключей, подъ мышкой большая книга.

---

* Намекъ на то, что Ермоловъ самъ переплеталъ нѣкоторыя книги своей библіотеки.

** Васко Муснихо де-Квеведо Кастель-Бранка, по свидѣтельству знатоковъ португальской литературы, болѣе всѣхъ поэтовъ Португаліи приблизился къ Камоэнсу. Его эпическая поэма «Альфонсъ Африканскій», въ которой особенно замѣчательны изображеніе мученій Фердинанда и описаніе сраженія Алькассарскаго, издана въ 1611 г. [Прим. сочинителя].

ІОЗѢ КВЕВЕДО, СМОТРИТЕЛЬ ГОСПИТАЛЯ, КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

Ой, ой, какъ высокò! Неужто выше
Еще намъ подыматься?

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ, пришли.

КВЕВЕДО.

Ну, слава Богу! я почти задохся....
Такъ здѣсь онъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите,
Что у меня записано въ реестрѣ:
Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ —
И на двери десятый нумеръ; это онъ.

КВЕВЕДО.

Ну, хорошо. Да развѣ болѣ ты
Объ немъ не знаешь?

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ.

КВЕВЕДО.

И никогда
Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь
Объ немъ понятія?

СМОТРИТЕЛЬ.

Какое тутъ
Понятіе? Лишь былъ бы только нумеръ.
Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?
Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ —
И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

КВЕВЕДО.

Ты человѣкъ, я вижу, аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ.... [Осматривается].

Боже!
Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно,
Тѣсно, нечисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь до сихъ поръ сумасшедшихъ
Держали; но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ нумеръ былъ
Никѣмъ не занятъ — такъ его сюда я
И перевелъ.

КВЕВЕДО.

Къ безумнымъ? По дѣломъ!
Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человѣкъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тише! Кто лежитъ
Тамъ на кровати? Ужъ не онъ ли?

СМОТРИТЕЛЬ.

Онъ,
Синьйоръ; онъ спитъ.... Я разбужу.

КВЕВЕДО.

Не трогай;
Я подожду, пока онъ самъ проснется.

СМОТРИТЕЛЬ.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду; есть дѣло....

КВЕВЕДО.

Хорошо, поди —
И вотъ тебѣ за трудъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Благодарю,
Синьйоръ. [Уходитъ.]

II.

ІОЗЄ КВЕВЕДО И КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

И такъ, я наконецъ его
Нашелъ. Трудненько было сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бъ не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ рѣхнулся: горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотритъ онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ — стопы, да стихи плететъ,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредитъ. Денегъ
Ему не надобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ иль нищій; мнѣ,
Отцу, не хочетъ подражать, а вслѣдъ
За Камоэнсомъ рвется.... Вотъ тебѣ
Твой Камоэнсъ, твой образецъ; изволь
Имъ любоваться! здѣсь, въ госпиталѣ
Въ отрѣпьи нищенскомъ лежитъ съ своими
Онъ лаврами — сѣдой, больной, изсохшій, дряхлый,
Безглазый, всѣми брошенный, великій
Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуйся:
Онъ въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ
Людьми, и все имущество его —
Покрытый ржавчиною мечъ, да лютня
Безъ струнъ.... Зачѣмъ онъ жилъ? И что онъ нажилъ?
Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,
И все тутъ! — такъ записано въ реестрѣ....

А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
Смѣялся, я, котораго осломъ,
Телячьей головой онъ называлъ,
Который на̀ вѣсъ продаю изюмъ,
Да виноградъ, да въ добрые крузады
Мараведисы превращаю, я —
Я человѣкъ богатый, свѣжъ, румянъ,
И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
Три дома у меня, и въ море пять
Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ;
За славой онъ пошелъ, я—за прибыткомъ,
И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его
Мой сынъ увидитъ, и потомъ свой выборъ
Пускай самъ сдѣлаетъ. За тѣмъ-то я
Сюда и взлѣзъ; пускай разскажетъ сыну
Самъ этотъ сумасбродъ, какому вздору
Пожертвовалъ онъ жизнію своею....
Онъ шевелится, охаетъ, открылъ
Глаза....

КАМОЭНСЪ.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
То былъ не вѣчный сонъ, конецъ всему,
Не смерть, а только призракъ смерти.... Кто здѣсь?
Неужто человѣкъ? Здѣсь? Человѣкъ?
У Камоэнса!.... Кто ты, другъ? Чего
Здѣсь ищешь? Ты ошибся....

КВЕВЕДО.

Нѣтъ, синьйоръ,
Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

КАМОЭНСЪ.

Ахъ, да! я и забылъ, что я пишу
Стихи! Вы, можетъ быть, синьйоръ, хотите

Стиховъ на свадьбу иль на погребенье?
Иль словъ для серенады? Потрудитесь
Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ —
Тамъ всякой всячины довольно. Я
Беру недорого. Реаля два
Не болѣ, за піесу.

КВЕВЕДО.

Нѣтъ, синьйоръ,
Не то....

КАМОЭНСЪ.

Такъ, можетъ быть, хотите вы,
Чтобъ я для васъ особенные сдѣлалъ
Стихи? Нѣтъ, государь мой, я не въ силахъ:
Вы видите, я боленъ; я едва
Таскаю ноги. [Встаетъ и, опираясь на мечъ, переходитъ къ кресламъ, въ которыя садится].
Нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей;
Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
Извольте взять любое изъ запаса.

КВЕВЕДО.

Не за стихами я сюда пришелъ.
Всмотрись въ мое лицо, донъ Людвигъ; развѣ
Не узнаешь меня?

КАМОЭНСЪ.

Синьйоръ, простите,
Не узнаю.

КВЕВЕДО.

Не можетъ быть; ты долженъ
Меня узнать....

КАМОЭНСЪ.

Не узнаю, синьйоръ.

КВЕВЕДО.

Въ Кальвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.

КАМОЭНСЪ.

Мы?

КВЕВЕДО.

Да въ Кальвасѣ. Мы частенько тамъ
Другъ съ другомъ и дрались, и порядкомъ
Ты иногда отдѣлывалъ меня.
Подумай — вспомнишь: мы знакомцы съ дѣтства.

КАМОЭНСЪ.

Синьйоръ, прошу васъ не взыскать; я старъ,
И голова моя слаба; никакъ
Не вспомню, кто вы.

КВЕВЕДО.

Боже мой, но вѣрно
Меня узнаешь ты, когда скажу,
Что я Іôзѐ Квеведо Кастель Бранка,
Сынъ крестной матери твоей, Маркитты.

КАМОЭНСЪ.

Іôзѐ Квеведо ты?

КВЕВЕДО.

Да, я Іôзѐ
Квеведо — тотъ, котораго, бывало,
Ты называлъ телячьей головою,
Котораго такъ часто ты....

КАМОЭНСЪ.

Чего жъ
Ты ищешь здѣсь, Іôзѐ Квеведо?

КВЕВЕДО.

Какъ
Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,
Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,
Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.
Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я — гляди,
Какъ раздобрѣлъ! Такъ все идетъ на свѣтѣ!
Кто на ногахъ — держись, чтобъ не упасть.
Идти за счастьемъ скользко....

КАМОЭНСЪ.

Правда, скользко.

КВЕВЕДО.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Больной полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный....

КАМОЭНСЪ.

Зачѣмъ, Іôзѐ Квеведо,
Считаешь ты на лбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

КВЕВЕДО.

Не сердися,
Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Перемѣняются, что вмѣстѣ съ ними
Перемѣняемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ встарину всѣ женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу — ты
Не прежній Камоэнсъ.

КАМОЭНСЪ.

Не прежній, правда!
Но пусть судьбой разрушена моя

Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принесъ — поймешь ли это ты? Моимъ
Судьей быть можетъ ли какой нибудь
Квеведо?

КВЕВЕДО [про себя].

Вотъ еще! Какъ гордъ! Когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ. [Вслухъ].
Твои слова ужъ черезчуръ суровы;
Другаго я пріема ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,
Ты боленъ; иначе—меня бы встрѣтилъ
Ты дружелюбнѣй. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Вѣдь дѣтство
Мы вмѣстѣ провели; то было время
Веселое.... Ты помнишь лугъ за школой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ.... кто выше взлѣзетъ! Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту — кто олень, кто псарь,
А кто собаки.... то-то было любо;
Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня....
Что? Помнишь?

КАМОЭНСЪ.

Помню.

КВЕВЕДО.

А походы наши
Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь,
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

КАМОЭНСЪ.

Да; то было время
Веселое! Мы были всѣ народъ
Неугомонный.

КВЕВЕДО.

Да, лихое племя!
А нашъ крутой пригорокъ, на которомъ
Лежала груда камней? Онъ для насъ
Былъ крѣпостью: ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ..

КАМОЭНСЪ.

Вотъ этотъ мой рубецъ
Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ....

КВЕВЕДО.

Правду
Сказать, не разъ могла потѣха стоить
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы всѣ устали
И воротились; ты жъ одинъ....

КАМОЭНСЪ.

Да, мнѣ
Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бъ ни стало,
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ
Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
На завоеванный, желанный берегъ....
О, молодость! о, годы золотые!.... [Помолчавъ].

Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями: ты
Казался.... но быть можетъ не таковъ ты,
Какимъ тогда казался намъ.... Ну, дай же
Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ
Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари.... Я такъ одинъ — хотя бъ ты былъ
И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
Обнять отъ сердца должно.... [Обнимаетъ его].

КВЕВЕДО [помолчавъ].

Ну, скажи же,
Какъ жилъ ты, что съ тобой происходило
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Мнѣ отецъ
Велѣлъ науки кончить и покинуть
Кальвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
Иная сказка началась: пришлося
Не объ игрѣ ужъ думать — о работѣ.

КАМОЭНСЪ.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
Святилище науки; тамъ впервые
Услышалъ я Гомера; мантуанскій
Пѣвецъ меня гармоніей своей
Плѣнилъ, и прелесть красоты
Проникла душу мнѣ; что въ ней дотолѣ
Невидимо, невѣдомо хранилось,
То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
Что было тьма, то стало свѣтъ, и жизнью
Затрепетало все, что было мертвымъ;
И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
Невыразимаго впилося....

КВЕВЕДО.

Я,
Признаться, до наукъ охотникъ былъ
Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, ужъ было у него чему
Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
А ты?

КАМОЭНСЪ.

Промчались годы, въ школѣ стало
Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
Души — увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
Блестящій дворъ и короля во славѣ
Державнаго могущества, и пышность
Его вельможъ.... Но я на это робко
Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
Блистательной картиною, за призракъ
Ее считалъ.

КВЕВЕДО.

Со мной случилось тоже,
Точь въ точь, когда на биржу въ первый разъ
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы
Товаровъ....

КАМОЭНСЪ.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее.... О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,
Неизглаголанномъ преображеньи
Моей души!.... Она была прекрасна
Какъ Богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

КВЕВЕДО.

И со мной
Случилось точно тожъ. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жъ накопилъ себѣ старикъ
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

КАМОЭНСЪ [не слушая его].

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.... О, Боже! Боже!....

КВЕВЕДО.

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
Былъ ловкостью моей въ дѣлахъ торговыхъ,
И дочери сказалъ, что за меня
Ее намѣренъ выдать; дочь на то
Сказала: «воля ваша», и тогда же
Насъ обручили....

КАМОЭНСЪ.

О, блаженъ, блаженъ,
Кому любви досталася награда!....
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
Младые дни ея угасли; я

Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ,
А смерть мнѣ не далась.

КВЕВЕДО.

Со мною было
Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
Бѣдняжка умерла родами.... Сильно
По ней я горевалъ.... Но мнѣ наслѣдство
Богатое оставила она,
И это наконецъ коё-какъ стало
Моей отрадой.

КАМОЭНСЪ.

Все переживешь
На свѣтѣ.... Но забыть?.... Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.
И мнѣ была поэзія отрадой:
Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тьма вкругъ меня и тьма во мнѣ....
И вдругъ — сказать не знаю — подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло — свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,

И увлекательно, какъ звуки арфы —
И было то, какъ будто и во мнѣ
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту....
Я обезпамятѣлъ; когда жъ пришелъ
Въ себя—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

КВЕВЕДО.

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
Удвоилъ я; потомъ ушестерилъ....
А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

КАМОЭНСЪ.

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
Не могъ остаться. Вслѣдъ за Гамой славный
Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
Въ честь Португаліи мой голосъ: онъ
Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась; до предѣловъ Туле
Достигнулъ громъ побѣдный Лузіады.

КВЕВЕДО.

А много ль принесла тебѣ она?
У насъ носился слухъ....

КАМОЭНСЪ.

Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она.
Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карламъ указалъ на великановъ —
И правда мнѣ въ погибель обратилась:
И то, что я любилъ, меня отвергло,
И что моей я пѣснію прославилъ,
Тѣмъ былъ я посрамленъ — и былъ какъ врагъ
Я Португаліей моей отринутъ....
[Помолчавъ].
Я мужъ, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозь мнѣ душу эта рана
Прогрызла; никогда не заживетъ
Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать
Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,
Когда отечество такъ безпощадно
Отъ своего поэта отреклося.

КВЕВЕДО.

Ну, не крушись; забудь о прошломъ; кто
Не ошибается въ разсчетахъ?
Теперь не удалось — удастся послѣ.

КАМОЭНСЪ.

И для меня однажды солнце счастья
Блеснуло свѣтлою зарей. Когда
Король нашъ Себастьянъ взошелъ на тронъ,
Его орлиный взоръ проникъ въ мою
Тюрьму, съ меня упала цѣпь, и свѣтъ

И жизнь возвращены мнѣ были снова;
Опять весна въ груди моей увядшей
Воскресла.... но то было на минуту:
Все погубилъ день битвы Алькассарской.
Король нашъ палъ великой мысли жертвой —
И Португалія добычей стала
Филиппа.... Страшный день! о, для чего
Я дожилъ до тебя!

КВЕВЕДО.

Да, страшный день!
Ужъ нечего сказать! И съ той поры
Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
Похвастать счастіемъ не можешь.

КАМОЭНСЪ.

Солнце
Мое навѣкъ затмилось и печально
Туманенъ вечеръ мой. Забытъ, покинутъ,
Въ болѣзни, въ бѣдности, я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Одинъ мнѣ оставался другъ — онъ былъ
Невольникъ; иногда я называлъ
Его въ досадѣ — черною собакой.
Но только что со мной простилось счастье,
Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ:
Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
И отдавалъ свою дневную плату
На пищу мнѣ. Когда жъ болѣзнь меня
Къ постели приковала, день и ночь
Сидѣлъ онъ надо мной и утѣшалъ
Меня отрадными словами ласки,
И, самъ больной, по улицамъ таскался
За подаяніемъ для Камоэнса.

И наконецъ, свои истративъ силы,
Безъ жалобы, безъ горя за меня
Онъ умеръ — черная собака!.... Богъ
То видѣлъ съ небеси.... Покойся, другъ,
Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
А на землѣ пріюта не бываетъ.

КВЕВЕДО [про себя].

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить. [Ему].
Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ нелегкій
Достался, нечего сказать! Ты славилъ
Отечество, и чѣмъ же заплатило
Оно тебѣ за славу? Нищетой.
Съ надеждами пошелъ ты въ путь, а съ чѣмъ
Пришелъ назадъ? Ровнёхонько ни съ чѣмъ.
И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ;
Когда твою судьбу сравню съ моею,
То, право, кажется — не осердися —
Что выборъ мой сто разъ благоразумнѣй
Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;
По всѣмъ морямъ товаръ мой корабли
Развозятъ; а, бывало, на меня
Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
Но, кажется, что на вѣсъ мой барышъ
Тяжеле твоего....

КАМОЭНСЪ.

Ты въ барышахъ —
Не спорю. Но на свѣтѣ много есть
Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
Ни мѣрѣ, ни разсчетамъ торгаша.
Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
Достоинство; замѣть же это, другъ:

Лавровый листъ скупать ты на̀ вѣсъ можешь,
Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

КВЕВЕДО [про себя].

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ званьемъ?....
Постой, ужъ попадись ко мнѣ ты въ руки,
Я отплачу тебѣ порядкомъ. [Ему]. Ты
Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
Я искренно участье принимаю.
Да я и съ просьбою пришелъ: послушай,
Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
Переселись ко мнѣ; мой домъ просторенъ;
Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
Не только что друзьямъ. Ну, Камоэнсъ,
Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
Ты у меня свободно отдохнешь
Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ
Охотно я съ тобою раздѣлю....
Не слышишь что ли, Камоэнсъ?

КАМОЭНСЪ.

Что? Что
Ты говоришь? Меня къ себѣ, въ свой домъ
Зовешь?

КВЕВЕДО.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ тебя
Зову. Согласенъ ли?

КАМОЭНСЪ.

Жить у тебя?
Но, можетъ быть, ты думаешь, Квеведо....
Нѣтъ, нѣтъ! твое намѣренье, я въ этомъ
Увѣренъ, доброе — благодарю;
Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;

Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ
И радости не будетъ никакой:
О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ
Не грезится.

КВЕВЕДО.

Меня ты потѣснишь?
Помилуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,
Полезенъ можешь быть; я отъ тебя
Жду помощи великой.

КАМОЭНСЪ.

Отъ меня?
Ждешь помощи? И я могу тебѣ
Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,
Который никому и ни на что
Не нуженъ былъ на свѣтѣ, и себя
Лишь только погубить умѣлъ? Квеведо,
Не шутишь ли?

КВЕВЕДО.

Какая шутка! Самъ
Ты разсуди; далъ Богъ мнѣ сына — ну,
Ужъ нечего сказать, такихъ немного,
Каковъ мой Васко; онъ до этихъ поръ
Былъ радостью моей, и я имъ хвасталъ,
И ужъ заранѣ веселилъ себя
Надеждою, что онъ мое богатство,
Которому всему одинъ наслѣдникъ,
Удвоитъ, мнѣ какъ должно подражая —
Анъ нѣтъ, иначе вышло на повѣрку:
Отцовскимъ званьемъ онъ пренебрегаетъ,
Въ проклятые зарылся пергаменты,
Ударился въ стихи, въ поэты мѣтитъ.

КАМОЭНСЪ.

Безумство! жалкій бредъ!

КВЕВЕДО.

Я тоже самъ
Ему пою; да онъ не вѣритъ. Музы —
Ему отецъ и мать и все земное
Его богатство.

КАМОЭНСЪ.

Такъ мечтаютъ всѣ
Они, но то обманъ....

КВЕВЕДО.

Напрасно я
Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ онъ, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ; пусть Камоэнса
Увидитъ онъ въ госпиталѣ, больнаго,
Въ презрѣньи, въ нищетѣ, быть можетъ....

КАМОЭНСЪ.

Такъ,
Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я вылечу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!
Ненужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все понятно:
Имъ пугаломъ должна служить она!

КВЕВЕДО.

Такъ ты его остережешь, спасешь?

КАМОЭНСЪ.

Остерегу, спасу.... Пришли его
Сюда.

КВЕВЕДО.

Онъ недалёко; крылья имя
Твое придастъ ему; черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь; и вмѣстѣ съ нимъ въ мой домъ
Пожалуетъ желанный гость — не правда ль?
Ты будешь, другъ?

КАМОЭНСЪ.

Увидимъ.

КВЕВЕДО.

Ну, прости же,
Любезный. [Про себя]. Слава Богу! все какъ должно
Улажено. Лишь только бъ сына онъ
На путь наставилъ.... самъ же.... что за дѣло
Мнѣ до него!.... Пускай въ госпиталѣ
Околѣваетъ. [Уходитъ].

III.

КАМОЭНСЪ [одинъ].

Я усталъ; всѣ силы
Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣетъ;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый другъ,
Ко мнѣ подходитъ? [Помолчавъ]. Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило

Давно во гробѣ.... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ....
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ стократно
Простой поселянинъ! Трудомъ прилежнымъ
Довольный, скромный, замысловъ высокихъ,
Не вѣдая, своей тропинкой онъ
Идетъ; когда же смертный часъ его
Наступитъ, онъ, въ кругу своихъ, близъ доброй
Жены, участницы всего, что было
И горькаго и радостнаго въ жизни,
Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
Смиренно, тихо, ясно умираетъ;
И всѣми онъ любимъ, и съ нимъ прощаясь,
Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
Рука при смерти зажимаетъ. Я же?....
О, какъ меня все обмануло! Я
Жилъ одинокъ — и одинокъ умру....
Сокровищемъ она казалась мнѣ
Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
Когда корабль нашъ объ утесъ въ щепы
Расшибся — да, сокровищемъ тогда
Она, мое созданье, Лузіада
Казалась мнѣ! и въ море съ Лузіадой
Я кинулся, и отдалъ на пожранье
Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
На берегъ нищимъ вышелъ.... спасена
Была, мое созданье, Лузіада!
Часъ роковой! погибельная пѣснь!
Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный славой!
Для нихъ отъ мирнаго, земнаго счастья
Отрекся я—и что жъ отъ нихъ осталось?
Разувѣреніе во всемъ, что прежде

Я почиталъ высокимъ и прекраснымъ....
[Помолчавъ].
Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ:
Послѣдняя минута Камоэнса —
И никого, чтобъ вздохъ его принять!
Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь; разстроенъ,
Разрушенъ геній; мужество и вѣра
Потрясены, и вся земная слава
Лежитъ въ пыли.... Что жизнь моя была?
Безумство, бѣшенство.... онъ справедливо
Сказалъ: барышъ мечтателя — мечта.

IV.

КАМОЭНСЪ И ВАСКО КВЕВЕДО.

ВАСКО.

Здѣсь, сказано, могу его найти....
Ахъ, вотъ онъ!... это онъ!... такимъ видалъ я
Его во снѣ.... но только бодрымъ, смѣлымъ,
И молніи въ глазахъ, и голова,
Поднятая торжественно и гордо....
Что нужды! Это онъ.... Хотя и старъ
И хилъ, но на лицѣ его печать
Его великой пѣсни.

КАМОЭНСЪ.

Кто тутъ?

ВАСКО.

Васко
Квеведо, сынъ знакомца твоего,
Іôзé Квеведо....

КАМОЭНСЪ.

Ты?

ВАСКО.

Отецъ меня
Прислалъ сюда, донъ Людвигъ, пригласить
Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ
Найдешь достойное тебя жилище
И дружбу.... но не рано ль я пришелъ?

КАМОЭНСЪ.

Когда бъ промедлилъ часъ, пришелъ бы поздно.
Приближься, посмотри: ужъ надо мной
Летаетъ ангелъ смерти; для меня
Все миновалось; но прими совѣтъ
Отъ умирающаго Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни....

ВАСКО.

Ты умираешь?... Нѣтъ, не можетъ быть,
Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

КАМОЭНСЪ.

Минуты, другъ,
Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,
Я слышалъ отъ отца, служенью музъ
Жизнь посвятить свою желаешь.... правду ль
Сказалъ онъ?

ВАСКО.

Правду, я клянуся Богомъ!

КАМОЭНСЪ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земнаго
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И ты свое стремленіе зовешь

Любовію къ поэзіи, отъ неба
Исшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать —
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому — еще
Не есть великаго достигнуть.

ВАСКО.

Знаю.

КАМОЭНСЪ.

Такъ загляни жъ во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло —
Самонадѣянность, иль просто дѣтскій
Позывъ на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне-напряженныхъ нервъ — себя,
Мой другъ, не ослѣпляй. Другія всѣ
Искусства намъ возможно пріобрѣсть
Наукою; поэта же творитъ —
Святѣйшее оставивъ про себя —
Природа; геніи родятся сами;
Нисходитъ прямо съ неба то, что къ небу
Возноситъ насъ.

ВАСКО.

Того, что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь однѣ
Любя, я выросъ, преданный мечтанью.
Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
Души; я внѣшняго не замѣчалъ;
Уединеніе имѣло голосъ,

Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
Ночей меня стремила въ область тайны.
На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
Меня влекло невѣдомо къ чему....
Вдругъ раздалась чудесно Лузіада —
И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать
Ужъ нужды не было.... за нимъ! за нимъ!
Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
И каждое біенье сердца мнѣ
Твердило тожъ: за нимъ! за нимъ!... И власть,
Влекущая меня — неодолима.
Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ

КАМОЭНСЪ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ
Какъ у поэта; но послушай, другъ,
Хотя бъ ихъ блескъ и правду говорилъ,
Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой передъ тобою;
Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
Повѣрь, я дорогой купилъ цѣной
Признаніе, что счастіе земное
Не на пути поэта.

ВАСКО.

Дай его
Мнѣ заслужить — и пусть оно погибнетъ!

КАМОЭНСЪ.

Слѣпецъ, тебя зоветъ надежда славы!
Но что она? и въ чемъ ея награды?
Кто раздаетъ ихъ? и кому онѣ
Даются? и не всѣ ль ея дары
Обруганы завидующей злобой?

За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
Завидовать не станетъ, иногда
Садитъ она свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ
Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробѣ спитъ, навѣки
Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
Не все ль равно — полынь ли надъ костями
Его растетъ, иль лавръ.... Не вся ль тутъ слава?

ВАСКО.

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать случалось,
Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
Безстыдная ничтожность похищала,
Ругаяся надъ скромно-молчаливымъ
Достоинствомъ? Но для меня не счастье,
Не золото — скажу ли? — и не слава
Приманчивы....

КАМОЭНСЪ.

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

ВАСКО.

О, долго, долго
Хранилъ я про себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнсъ,
Тебѣ я двери отворю въ мое
Святилище, гдѣ я досель одинъ
Доступному мнѣ божеству молился.
Нѣтъ, нѣтъ! не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,

Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной —
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

КАМОЭНСЪ.

О, молодость на крыльяхъ серафимскихъ!
Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Понятенъ! возносить на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпые
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Плѣнять гармоніей!...

ВАСКО.

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцевъ земли иль дерзкихъ
Губителей всего святаго! Мнѣ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
Извѣстно одному ему; онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца — всѣмъ будетъ воздаянье.
Но для чего сюда онъ ихъ послалъ —
О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не за тѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ

Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неосквернённой вѣру въ Бога?...
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что̀ бъ труженикъ земной
Ни испыталъ — душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
О, Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!
Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
Съ тобою говоритъ: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажегъ неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ Божій лучъ;
И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды,
И чистыя обруганы мечты....
Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земнаго!
Но не умретъ живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.

Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
Прямой поэтъ, твое безсмертно слово!

КАМОЭНСЪ.

Его глаза сверкаютъ, щеки рдѣютъ;
Пророчески со мной онъ говоритъ;
Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепещетъ; не самимъ ли Богомъ присланъ
Ко мнѣ младенецъ этотъ?... Ты, мой сынъ,
Лишь о грядущемъ мыслишь — оглянись
На настоящее и на меня,
Пѣвца твоей великой Лузіады.
Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,
Отечествомъ презрѣнный, и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ: страшись
Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

ВАСКО.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
Страшиться?... Нѣтъ, бросаюсь на колѣна
Передъ твоей страдальческой постелью,
На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
Зришь небеса отверстыя, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій.
Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрѣніе, насмѣшка, нищета
Достоинству въ награду достаются —

Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
И умереть въ темницѣ лазарета
Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! дай, какъ онъ, быть свѣтомъ
Отечества и вѣка моего
Величіемъ! — и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

КАМОЭНСЪ.

О!
Клянусь моей послѣднею минутой
И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
И всѣми чистыми ея мечтами
Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему — ты сердцемъ чистъ.

ВАСКО.

Дойду?... О Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь?... Повтори жъ мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

КАМОЭНСЪ.

Ты поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность, объ этомъ часѣ помни,
И если нѣкогда захочетъ взять
Судьба свое, и путь твой омрачится —
Подумай, что своимъ эѳирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезнадеженный сомнѣньемъ, онъ
Твоей душой былъ вдохновленъ, и снова

На пламени твоемъ свой прежній пламень
Зажегъ — и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужъ смертью охлажденной,
Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветъ на битву! съ Богомъ! возсіяй
Прекраснымъ днемъ денница молодая!
А Камоэнсово ужъ солнце сѣло,
И смерть надъ нимъ покровъ свой разстилаетъ....

ВАСКО.

Ты не умрешь. На имени твоемъ
Покоится безсмертье.

КАМОЭНСЪ.

Такъ, оно
На немъ покоится. Его призывъ
Я чувствую; я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его — онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе — святая благодать!...
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній;
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

ВАСКО.

Что, что съ тобой?....

[Въ эту минуту совершается видѣніе: надъ головою Камоэнса является духъ въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ крестомъ на груди. За нею яркій свѣтъ].

КАМОЭНСЪ.

Оставь меня, мой сынъ!
Я чувствую, великій часъ мой близко....
Мой духъ опять живой исполненъ силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тьма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!....
О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?

Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святаго,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой,
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.

Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
Смерть! смерть, великій духъ! я слышу вѣсть твою;
Меня всего твое проникнуло сіянье!
[Подаетъ руку Васку, который падаетъ на колѣна].
Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душою не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.
[Умираетъ].

ВЪ САРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

ПОЭТУ ЛЕНЕПСУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КО МНѢ, ПИСАННОЕ НА СЛУЧАЙ ПОСѢЩЕНІЯ САРДАМА НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ.

Пѣвецъ Батавіи, съ радушіемъ пріемлю
Я братскій твой привѣтъ!... Хотя языкъ мнѣ твой
И чуждъ, но онъ языкъ поэзіи святой —
И гласу твоему я слухомъ сердца внемлю.
Твое отечество давно въ родствѣ съ моимъ:
Нашъ Петръ ему былъ другъ. Работникомъ простымъ
Въ сардамской хижинѣ великій царь таился,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Здѣсь былъ его рукой корабль застроенъ тотъ,
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Непзмѣняемо средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Плыветъ подъ флагомъ славы —
Корабль великія россійскія державы.
И нынѣ правнукъ молодой
Великаго Петра былъ внукою Петровой
По-царски угощенъ въ той хижинѣ простой,
Гдѣ праотецъ ихъ жилъ такъ бѣдно и сурово;
И пѣсня русская и русское ура —
Въ сардамскомъ домикѣ Петра
Съ народной пѣснію Голландіи слилися!
И два народа въ этотъ часъ,
Какъ-бы услышавши великой тѣни гласъ,

На дружбу братски обнялися!...
Съ почтеніемъ смотрю на твердый твой народъ!
Я видѣлъ южные народы:
Природа нѣжитъ ихъ; тамъ ясны цѣлый годъ
Небесъ лазоревые своды,
Тамъ благовонныя долины и лѣса,
Тамъ горъ подоблачныхъ могучая краса,
Тамъ море вѣчно голубое,
И изобиліе повсюду золотое;
И человѣкъ его изъ полной чаши пьетъ,
И для него не слышенъ тамъ полетъ
Дней, исчезающихъ въ бездѣйственномъ покоѣ.
Но здѣсь явленіе иное:
У моря бурнаго отважные отцы
Отчизну дикую для внуковъ съ боя взяли,
И, грозною нуждой испытаны, бойцы
На крѣпостномъ валу плотинъ могучихъ стали;
И съ той поры идетъ безперерывно брань
Съ стихіей, славно побѣжденной;
Вотще громадой раздраженной
Вашъ врагъ разрушить хочетъ грань,
Ему поставленную вами:
Въ борьбѣ съ свирѣпыми волнами,
Какъ сталь подъ молотомъ, вы крѣпнете въ бою;
Вы твердо на валу стоите,
И крѣпость древнюю свою
Врагу постыдно не сдадите!
Неистощимый есть въ стѣнахъ ея для васъ,
Вѣками собранный, оружія запасъ:
Спокойно-ясный умъ, святая вѣра, нравы,
Довѣренность къ себѣ, свободы стражъ — законъ,
И мнѣнье строгое, и мнѣньемъ чтимый тронъ,
И благодатныя преданья древней славы.

Амстердамъ. 7 апрѣля 1839.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

[ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ГРЕЯ]. *

Колоколъ поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо;
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, уснувшій
Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрестность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной: изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной башни
Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею тѣнью
Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,
Спятъ непробудно смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней

* Греева элегія переведена мною въ 1802 г. и напечатана въ Вѣстникѣ Европы, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое первое напечатанное стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу [онъ умеръ въ 1803 году]. Находясь, въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года, въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегію [оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора]; тамъ я перечиталъ прекрасную Грееву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ. [Примѣч. 1839 г.].—И его уже нѣтъ! [Примѣч. 1849 г.]. В. Ж.

Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать, нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тянуться, чтобъ первый
Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ поле
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!
Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа; ко гробу ведетъ насъ и слава.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ—память
Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественномъ свѣчъ, въ благовонномъ дыму ѳиміама,
Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышущій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладно-нѣмое
Ухо смерти не впадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ незамѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала
Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить, иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать. Но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла;

Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень, и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла навѣки.
О, какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ океана! Какъ часто
Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти незамѣтно и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмой и неславный;
Или Кромвель неповинный въ крови согражданъ. Всемогущимъ
Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать — то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.
Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаньямъ своимъ выходить запрещая, вдоль свѣжей,
Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою, прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начертавши,
Вмѣсто надгробій, слова изъ святаго писанья, чтобъ скромный

Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,
Ищутъ прощальной слезы; изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.
Ты же, заботливый другъ погребенныхъ безъ славы, простую
Повѣсть объ нихъ разсказавшій, быть можетъ, кто нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что разскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
«Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ на пригорокъ
Встрѣтить солнце; тамъ на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
Стараго вяза, къ землѣ преклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
Въ полдень и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ, извиваясь;
Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось
Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ
Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю пѣсню;
Также не разъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса съ какой-то
Грустной улыбкой, и что-то шепталъ про себя, наклонивши
Голову, блѣдный лицомъ, какъ будто оставленный цѣлымъ
Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безнадежнымъ
Горемъ любви. Но однажды поутру его я не встрѣтилъ,
Какъ бывало, на холмѣ, и въ полдень его не нашелъ я
Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло и другое
Утро и третье; но онъ не встрѣчался нигдѣ, ни на холмѣ

Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни въ долинѣ
Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное пѣнье
Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди; здѣсь на камнѣ,
Если умѣешь, прочтешь, что о немъ тогда написали:

«Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый счастью и славѣ;
Но при рожденьи онъ былъ небесною музой присвоенъ,
И меланхолія знаки свои на него положила.
Былъ онъ душой откровененъ и добръ; его наградило
Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ онъ—слезу, и въ награду
Онъ получилъ отъ неба самое лучшее—друга.
Путникъ, не трогай покоя могилы: здѣсь все, что въ немъ было
Нѣкогда добраго, всѣ его слабости робкой надеждой
Преданы въ лоно благаго отца, правосуднаго Бога.»

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ

БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

[ВЕЛ. КН. ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ].

Молитвой нашей Богъ смягчился,
Царевнѣ жить еще велѣлъ:
Опять къ намъ ангелъ возвратился,
Который ужъ къ нему летѣлъ.
М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

И неизбѣжное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился,
Преображенный, къ небесамъ....
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженство рая
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
Опять для насъ твоя краса;
Ты повидался съ небесами
И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, ангелъ, для тебя;

Ты заглянулъ въ святыни рая,
Но землю избралъ самъ, любя;

И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
Сталъ ближе къ вѣчному отцу,
Его очами на мгновенье
Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу;

И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, вѣру и любовь.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И нрестолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла,
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая

Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель; *
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Также рать числомъ обильна;
Также мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена,
И полковъ тѣ жъ имена....
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже—тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ, и рать въ отчизну

* Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою возвышается церковь и въ этой церкви гробница Тучкова. Ж.

Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? — Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? — Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;

Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ.... отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь Благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,

Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ....
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ,
Съ новымъ зрѣли мы царемъ:
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Аракъсъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ нъ Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,

Мавзолей нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ.»

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ;
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,

И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

1841—1843

—

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ

АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ.

[ПОСВЯЩЕНІЕ ПОВѢСТИ: НАЛЬ И ДАМАЯНТИ].

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ: казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью

Наполненномъ сосудѣ — небеса
Вечернія спокойно отражая —
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и вдали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики;
И вижу я: отъ запада идетъ.
Блестящій ходъ; змѣею безконечной
Въ долину вьется онъ; и вдругъ я слышу:
Играютъ маршъ торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
Тамъ, въ высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ, паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я царевну молодую,
Невѣсту сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все.... когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лицо сліяннаго. — И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли

Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни. —И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ

Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

●

И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По-прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,

Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Дюссельдорфъ, 16—28 февраля 1843.

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ.

[ИНДѢЙСКАЯ ПОВѢСТЬ, ПОДРАЖАНІЕ РЮККЕРТУ]. *

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.—Жилъ былъ въ Индіи царь, по имени Наль. Виразены
Сильнаго сынъ, обладатель царства Нишадскаго, этотъ
Наль былъ славенъ дѣлами, во младости мудръ, и прекрасенъ
Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ царя, подобнаго Налю,

---

* Наль и Дамаянти есть эпизодъ огромной индѣйской поэмы Магабараты. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу; другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго достоинства. Я держался послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ русскихъ читателей; я просто хотѣлъ разсказать имъ по-русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна индѣйская повѣсть о Налѣ и Дамаянти.

Вотъ что говоритъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: «По моему мнѣнію эта поэма не уступаетъ никакой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть самая любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы.» Ж.

Не было, нѣтъ и не будетъ; между другими царями
Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между звѣздами.
Крѣпкій мышцею, свѣтлый разумомъ, чтитель смиренный
Мудрыхъ духовныхъ мужей, глубоко проникнувшій въ тайный
Смыслъ писаній священныхъ, жертвъ сожигатель усердный
Въ храмахъ боговъ, вожделѣній своихъ обуздатель, нечистымъ
Помысламъ чуждый, любовь и тайная дума
Дѣвъ, гроза и ужасъ враговъ, друзей упованье,
Опытный въ трудной военной наукѣ, искусный и смѣлый
Вождь, изъ лука дивный стрѣлокъ, наипаче же славный
Чуднымъ искусствомъ править конями—на нихъ же онъ въ сутки
Могъ сто миль проскакать—таковъ былъ Наль; но и слабость
Также имѣлъ онъ великую: въ кости играть былъ безмѣрно
Страстенъ. — Въ это же время владѣлъ Видарбинскимъ обширнымъ
Царствомъ Бима, царь благодушный; онъ долго бездѣтенъ
Былъ и тяжко скорбѣлъ отъ того, и обѣтъ предъ богами
Онъ произнесъ великій, чтобъ боги его наградили
Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и боги ему даровали
Трехъ сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дáмасъ, Дáнтасъ другой, и Дáманасъ третій; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смѣлы; звѣздой красоты расцвѣла Дамаянти:
Прелесть ея прошла по землѣ чудесной молвою.
Въ домѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти, какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и въ этомъ собраньи
Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые
Боги живутъ, никогда подобной красы не видали;
Очи ея могли бы привлечь и безсмертныхъ на землю
Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна, не менѣ

Былъ прекрасенъ и Наль, подобный пламенно-нѣжной
Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И каждый
Часъ о великомъ царѣ нишадской земли Дамаянти
Слышала; каждый часъ о звѣздѣ красоты благородный
Царь нишадскій слышалъ; и цвѣтъ любви изъ живаго
Сѣмени словъ межъ ними, другъ друга не знавшими, скоро
Выросъ. Однажды Наль, безъимянной болѣзнію сердца
Мучимый, въ рощѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ онъ увидѣлъ
Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; распустивъ златоперыя крылья,
Стаей летѣли они, и громко кричали, и въ рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ
Голосомъ гусь: отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекрасной
Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ
Думать она о Налѣ одномъ.—То услыша, поспѣшно
Наль отпустилъ золотаго гуся. Вся стая помчалась
Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилося съ крикомъ на царскій
Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла. Увидѣвъ
Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками бѣгать
Вслѣдъ за ними; а гуси, съ мѣста на мѣсто порхая,
Всѣ разсыпались по̀ лугу; съ ними разсыпались также
Скоро и всѣ подружки царевнины; вотъ Дамаянти
Съ гусемъ однимъ осталась одна; и гусь, пріосанясь,
Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: Дамаянти,
Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Наль; и нѣтъ и не будетъ
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполнѣ бъ совершилось; какой бы
Плодъ родился отъ союза съ его красотою могучей —
Нѣжной твоей красоты. Васъ другъ для друга послали
Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,
О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая дѣва!
Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣческихъ, много

Райскихъ обителей неба видали; въ странѣ великановъ
Также намъ быть довелось; но донынѣ еще, Дамаянти,
Встрѣтить подобнаго Налю царя намъ нигдѣ не случалось:
Ты жемчужина дѣвъ, а Наль мужей драгоцѣнный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрѣли
Мы на землѣ неземное.—Такъ гусь говорилъ. Дамаянти,
Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ прошептала,
Вся поблѣднѣвъ отъ любви: скажи ты тоже и Налю.
Быстро, быстро поднялся онъ, дважды рожденный, сначала
Въ видѣ яйца, пототъ изъ яйца, и въ Нишадское царство
Прямо помчался, и тамъ разсказалъ о случившемся Налю.
II.—Послѣ того, что сказалъ ей гусь золотой, Дамаянти,
Словно какъ будто съ собою разставшись, была безпрестанно
Съ Налемъ прекраснымъ. Объятая тайною думой, влачася
Шаткой, невѣрной стопою, какъ будто въ какомъ разслабленьи,
То подымая къ небу грустныя очи, то въ землю
Ихъ потупляя, то съ полною тяжкими вздохами грудью —
Временемъ щеки какъ жаръ, временемъ блѣдныя, очи
Полныя слезъ, засохшія губы, и всѣ въ безпорядкѣ
Мысли какъ волосы—день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная: не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на мѣстѣ иномъ; и тая въ болѣзни,
Пищи она, ни питья принимать не хотѣла. Подружкамъ
Скоро стало замѣтно, что съ ихъ царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигнулъ печальный
Слухъ и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Какъ скоро объ этомъ провѣдалъ
Царь, то онъ весьма опечалился. Видно настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти, сказалъ онъ.
Вотъ и задумалъ Бима дать пиръ, чтобъ отвсюду на выборъ
Съѣхались къ ней женихи. Гонцевъ разослалъ онъ по разнымъ
Царствамъ индѣйскимъ: царей приглашать на праздникъ въ Видарбу.

Только къ царямъ и царевичамъ вѣсть объ этомъ достигла,
Всѣ снарядилися въ путь; съ востока и запада быстрый
Шумный потокъ пути наводнилъ, наполняя всю землю
Смутнымъ гуломъ слоновъ, коней, колесницъ, и до неба
Пыль густую подъемля. Сіяя богатствомъ уборовъ,
Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружій, пышностью броней,
Съѣхались гости въ Видарбу; торжественно встрѣтилъ ихъ Бима. —
Въ это время странствовать вышелъ глава и свѣтило
Всѣхъ отшельниковъ праведный старецъ Нерàда; избранный
Спутникъ его былъ Первàта блаженный. Изъ пыльнаго міра
Темныхъ гробовъ проникнулъ онъ въ царство небеснаго свѣта,
Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій цвѣтетъ, гдѣ великій
Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя сѣни вступили
Оба странника; ихъ привѣтствовалъ радостно Индра;
Имъ поклонясь и воздавъ имъ обоимъ приличную почесть,
Царь небесныя тверди спросилъ гостей о здоровьи
Ихъ и цѣлаго свѣта. Владыка, съ поклономъ Нерада
Индрѣ отвѣтствовалъ: божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свѣтъ нашъ здоровъ: благоденствуютъ люди и звѣри;
Въ каждой пылинкѣ и въ каждой былинкѣ жизнь и веселье.—
Слыша такой отвѣтъ Нерады, могучій правитель
Міра спросилъ: но гдѣ же мои любимцы, кровавыхъ
Споровъ рѣшители, крови своей проливатели въ битвахъ,
Смерти презрители, храбрые міра защитники? Ими
Свѣтлую область мою населять я люблю: но напрасно
Жду я на пиръ мой желанныхъ гостей, не приходятъ
Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, святой, что случилось
Съ племенемъ храбрыхъ?—На это отвѣтствовалъ Индрѣ Нерада:
Я объясню, всемогущій, тебѣ, отчего такъ давно ты
Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинскаго Бимы, которой на свѣтѣ
Нѣтъ ничего подобнаго, хочетъ по сердцу супруга

Выбрать, и всѣ цари и царевичи ѣдутъ въ Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вотъ почему такъ спокойна
Стала земля, почему и въ твою свѣтозарную область
Гости давно не приходятъ. — Покуда ихъ длилась бесѣда,
Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ міродержавствѣ,
Агнисъ властитель огня, Варуна воды повелитель,
Яма богъ-земледержецъ. Услышавъ сказанье Нерады,
Боги, воскликнули съ свѣтлымъ лицомъ: на выборѣ этомъ
Будемъ и мы. И на быстрыхъ коняхъ, предводимые Индрой,
Боги пустились въ Видарбу, куда всѣ цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгарая, лишь только
Свѣдалъ о съѣздѣ великомъ въ Видарбѣ, на быстрыхъ
Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ коняхъ не имѣлъ онъ.
Боги, спустясь съ высоты, на дорогѣ увидѣли Наля:
Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день; и боги, плѣняясь
Той красотой, на него съ изумленьемъ смотрѣли; четыре
Стихій властителя, въ воздухѣ свой полетъ удержавши,
Вотъ что сказали: здравствуй, нишадецъ, войскъ истребитель,
Наль Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать ты услугу?
Нашимъ посломъ полномочнымъ иди отсюда въ Видарбу.—
Ш.—Все исполню, отвѣтствовалъ Наль; и руки сложивши
Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покорнымъ спросилъ онъ их: кто вы,
Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью какой повелите
Мнѣ въ Видарбу идти? — Ему отвѣтствовалъ Индра:
Знай, что мы боги безсмертные, сшедшіе въ міръ для прекрасной
Дочери Бимы царя Дамаянти, къ которой отвсюду
Сходятся нынѣ земные цари; я Индра властитель
Воздуха; это Агнисъ огня повелитель могучій;
Это Варуна двигатель водъ, а это великій
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что нынѣ
Нашъ ты посолъ, и вотъ что ты долженъ сказать Дамаянти:
«Вѣдай, царевна, что боги стихій — богъ воздуха Индра,
Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли — къ намъ

Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги!» —
Руки сжавъ съ умиленіемъ, Наль отвѣтствовалъ Индрѣ:
Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ другихъ невозможно
Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю, отъ такого посольства,
Боги, избавьте меня. — На то отвѣтствовалъ Индра:
Развѣ не ты, благородный нишадецъ, сказалъ намъ: исполню!
Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не смѣй отрицаться. —
Наль отвѣчалъ съ замѣшательствомъ: какъ же дойду я къ царевнѣ?
Входы всѣ заперты крѣпкою стражей. — О томъ не заботься,
Боги сказали, дойдешь свободно, иди безъ боязни. —
Наль пошелъ, покоряся безъ ропота волѣ безсмертныхъ.
Онъ во дворецъ свободно проникнулъ и тамъ Дамаянти
Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ: какъ съ неба слетѣвшій
Ангелъ, она прекрасна была и прелесть любви окружала
Нѣжные члены ея, вожделѣнья любви пробуждая
Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ и солнце не столь утѣшали
Свѣтомъ своимъ, какъ ея плѣнительно-дѣвственный образъ.
Муку любви почувствовалъ Наль при видѣ волшебномъ
Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье
Силы мучительной. Всѣ подружки царевны вскочили
Съ мѣстъ, изумленныя входомъ нечаяннымъ Наля; прекрасный
Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показалось
Небо отверстымъ. Не смѣя его вопросить, межъ собою
Тихо шептались онѣ, повторяя: откуда пришелъ онъ?
Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной? исполинской?
Такъ вопрошали другъ друга онѣ, ослѣпленныя блескомъ
Наля, очей на него поднять не смѣя [столь боги
Прелесть его, ужъ и такъ неземную, блескомъ небеснымъ
Вдругъ возвеличили]. Въ это мгновенье предъ нимъ Дамаянти
Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой, чарующей душу,

Молча стояла, молча глядѣла, и таяла тайнымъ
Пламенемъ. Кто ты? она напослѣдокъ спросила,
Кто ты, все озаряющій, прелестью дышущій, душу
Радостной мукой объемлющій? Какъ ты проникнулъ въ обитель
Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо царевой
Стражи, никѣмъ не замѣченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя? — На этотъ вопросъ видарбинской прекрасной царевны
Наль отвѣтствовалъ: знай, Дамаянти, я Наль; я въ Видарбу
Присланъ, царевна, тебя извѣстить, что великіе боги
Индра, Агнисъ, Варуна и Яма спустились на землю
Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги;
Ихъ могуществомъ могъ и сюда непримѣтно пройти я.
Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, видарбинская дѣва,
Сдѣлай сама, что найдешь для себя и благимъ и приличнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. — Вѣсть такую услышавъ, сначала богамъ Дамаянти
Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность; съ улыбкой
Налю сказала потомъ: не боги, а ты мой избранный,
Свѣтлый женихъ; я твоя, и все чѣмъ я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, всѣ мысли, желанья, и жизнь и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое безъ остатка. Что бѣлый
Гусь мнѣ сказалъ, то сердце мое сокрушило; и были
Всѣ цари и царевичи созваны мною на выборъ
Только за тѣмъ, чтобъ привлечь и тебя: но ты ужъ заранѣ
Избранъ; отдаться тебѣ поклялась я, и былъ ты
Здѣсь ужъ давно ожидаемъ; но только совсѣмъ для инаго.
Сватайся жъ самъ за меня; тебѣ неприлично являться

Здѣсь посломъ отъ другихъ; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, отъ которой пріемлешь ты нынѣ
Почесть такую, то все мнѣ смертію будетъ: вода ли,
Ядъ ли, огонь ли, веревка ли, все мнѣ равно; нестерпимо
Женскому сердцу въ любви безотвѣтно признаться.—На это
Наль видарбинской царевнѣ отвѣтствовалъ: какъ же ты можешь
Вѣчнымъ богамъ предпочесть обреченнаго смерти? Какъ можешь
Съ тѣми, отъ коихъ жизнь истекаетъ, кѣмъ держится зданье
Міра, ставить меня на ряду, недостойнаго съ прахомъ
Ногъ ихъ сравниться? Идущій противъ воли безсмертныхъ
Смерти навстрѣчу идетъ. О плѣнительно-стройная дѣва!
Будь мнѣ спасеньемъ, избравши небесное вмѣсто земнаго.
Легкость чистыхъ, безпыльно-эѳирныхъ одеждъ, неземные
Перлы, вѣнки и повязки боговъ предпочти, и блаженствуй.
Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воздухъ? Огня ли
Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вѣчной земли?—Одинъ, лазурно-воздушнымъ пространствомъ
Міръ объемля, движеньемъ и свѣтомъ его наполняетъ;
Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, другой проникаетъ
Все, разрушая тѣла, и духу даруя свободу;
Третій, кристальною цѣпію землю обвивъ и на зыбкомъ
Пухѣ воды отдыхая, жемчужныя нити вплетаетъ
Въ кудри свои; четвертый даетъ живущему мѣсто,
Мертвому пристань и все созданье на судъ собираетъ —
Вотъ твои женихи, Дамаянти; богамъ ли безсмертнымъ
Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся друга. —
Съ трепетомъ сердца и влагой печали затмивши сіянье
Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянти: всесильны
Вѣчные боги; я чту ихъ всѣмъ сердцемъ и имъ поклоняюсь
Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избранъ любовію; этой
Правды скрывать не хочу я.—Такъ говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала къ дрожащимъ
Дѣвственно чистымъ грудямъ съ умоляющимъ видомъ. Вздохнувши,

Наль отвѣчалъ: не забудь, Дамаянти, что я предъ тобою
Въ санѣ посла, нарушу ль святую довѣренность? Буду ль
Нынѣ просить для себя того, что строго велитъ мнѣ
Должность просить для другихъ? Наступитъ мой часъ, и безъ страха
Стану за право свое. Ты сама объ этомъ размысли,
Радость очей, видарбинская роза.—Вздохъ утаивши,
Тихо въ отвѣтъ Дамаянти шепнула: о другъ, мы согласны
Въ мысляхъ; ты путь прямой избери, чтобъ упрека и тѣни
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертныхъ людей, съ богами ко мнѣ на торжественный выборъ;
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься.—Этотъ отвѣтъ видарбинской
Дѣвы принявши, Наль возвратился въ то мѣсто, гдѣ были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Міродержавцы спросили его съ живымъ любопытствомъ:
Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ принесъ отъ царевны?
Наль сказалъ: посланникомъ вашимъ проникъ я въ жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражамъ,
Видимый только царевнѣ одной; конечно то было
Такъ устроено вашею властью; съ царевной нашелъ я
Много подругъ; онѣ вскочили, меня испугавшись,
Но Дамаянти, прекрасный свѣтло смѣющійся мѣсяцъ,
Въ то мгновенье, какъ вашу волю, безсмертные боги,
Я объявлялъ ей, меня самого въ затмѣньи разсудка
Выбрала. Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ царевна: «пусть придутъ
Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торжественный выборъ;
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься.» Ваша воля святая
Мною исполнена, вѣчные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите съ меня и свободу мнѣ дайте. —

II.—Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ царь Бима на выборъ
Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собрался въ обширной
Царской палатѣ цари и царевичи; взоры ихъ жаркой
Жаждой любви пламенѣли; они прошли сквозь златые
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозь разсѣлину. Въ блескѣ
Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ серьгахъ драгоцѣнныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости, на пышныхъ, упругихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ любоваться:
Крѣпкія бедра, какъ будто столбы, литые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ будто могучіе дубы,
Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ пятью головами,
Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ, веселью горящихъ
Лицъ и пышныхъ волосъ и высокихъ бровей и огнистыхъ
Глазъ. И въ собранье гостей вошла Дамаянти, чтобъ умъ ихъ
Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза и сердца ихъ опутать
Сѣтью любви. И всѣ къ ней очами прильнули, какъ птицы
Къ клейкой охотничей жерди. Долго кругомъ Дамаянти
Взоръ свой водила; но тотъ, кто одинъ былъ и въ сердцѣ и мысляхъ
Ей не являлся. Вдругъ видитъ царевна пять одинакихъ
Образовъ; были они передъ нею; то къ ней приближались,
То отъ нея отходили; и каждый ей представлялся
Налемъ, какъ скоро глаза на него она обращала.
Мысли ея помутились. Она подумала: что мнѣ
Дѣлать? Какъ четырехъ боговъ отличу я отъ Наля?
Взоры ея напрасно божественныхъ знаковъ искали. —
Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле сказанья, не носитъ
Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ мною, царевна
Думала. Вотъ наконецъ, по долгомъ съ собой размышленьи,

Такъ рѣшила она: къ богамъ подойду я съ молитвой;
Боги молитвы моей не отринутъ.—И съ вѣрой смиренной,
Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно прижавъ ихъ, царевна
Такъ сказала: «боги безсмертные, боги святые,
Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго мнѣ покажите;
Если предъ вами я дѣломъ и мыслію правду хранила,
Если молюся вамъ съ теплою вѣрою, если вы сами
Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ супруги избрали,
Если его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священны, то мнѣ вы его покажите, благіе
Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ васъ я почтила.»
Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ Дамаянти,
Видя ея чистоту и любовь и покорность ихъ волѣ,
Видя правдивость ея и кроткое сердце и свѣтлый
Умъ, согласились немедля ея желанье исполнить
Боги, и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Ихъ во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицамъ безпотнымъ, свѣтло-нетлѣннымъ вѣнкамъ, недоступнымъ
Пыли бѣлымъ одеждамъ, безтѣнному тѣлу и дивной
Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они передъ нею
Вѣяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь ногами.
Рядомъ съ ними, полуотѣненный; въ вѣнкѣ ужъ завядшемъ,
Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на землѣ съ помраченнымъ,
Грустно потупленнымъ взоромъ задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчасъ его изъ средины безсмертныхъ и выборъ
Свой изъявила обычнымъ обрядомъ, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совершился великій
Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздалися торжественно клики;
Всѣ цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выборъ одобривъ, воскликнули: слава! счастливому Налю.
Онъ же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснѣющей, очи склонившей, дрожащей невѣстѣ,

Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, но голосомъ твердымъ:
Если могла при безсмертныхъ богахъ ты смертнаго мужа
Такъ почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Самъ предъ людьми и богами своею женой именую,
Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ и доколѣ
Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, дотолѣ, о дѣва,
Роза Видарбы, я буду твоимъ; мое обѣщанье
Съ вѣрой прими, на меня положись; отнынѣ тебя я
Буду питать, защищать, и чтить и хранить, и останусь
Вѣренъ тебѣ навсегда, во всемъ, и словомъ и дѣломъ,
Радость и горе, богатство и бѣдность, и все неизмѣнно
Въ жизни съ тобой раздѣляя.—Обѣтъ такой произнесши,
Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лучезарной невѣстѣ
Далъ цѣломудренно первый любви поцѣлуй; и другъ другомъ
Долго въ блаженствѣ нѣмомъ любовались они; напослѣдокъ
Вспомнивъ, что боги близко, и царь и царевна предъ нимп
Пали съ молитвой; и боги скрѣпили своей благодатью
Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они даровали
Налю четыре великія силы: могучій властитель
Воздуха далъ ему зоркость очей съ способностью въ каждомъ
Мѣстѣ просторъ находить и вездѣ освѣжаться прохладой;
Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возможность
Видѣть безъ ужаса блескъ міровданья; правитель земныя
Тверди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для него безопасенъ
Всякій путь по землѣ, и тонкій вкусъ для разбора
Пищи; владыка воды наградилъ могуществомъ воду
Всюду творить и цвѣты рождать единымъ желаньемъ.
Такъ одаривши царя, и царевнѣ всѣ четверо вмѣстѣ
Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью будутъ
Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекрасные. Милость
Имъ изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслѣдъ и цари и царевичи, выборъ невѣсты одобривъ,
Въ путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынулъ

Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный праздникъ.
Наль, сочетавшись съ своею царевною, пробылъ въ Видарбѣ
Пѐрвые дни въ весельи и въ радости сладкой; потомъ онъ
Въ царство свое, блаженный, прославленный, съ милой женою,
Честію женъ, звѣздой красоты и любви, возвратился.
Тамъ въ благовонныхъ рощахъ, въ роскошныхъ царскихъ палатахъ
Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ, вкушая
Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ трудѣ и покоѣ,
Правду творя и на счастьи народномъ свое утверждая.
III.—Боги покинувъ Видарбу и въ небо свое возвращаясь,
Встрѣтили адскаго бога Калѝ. Провожаемъ Двепарой,
Странствовалъ онъ по землѣ. — Куда направляешь ты путь свой?
Индра спросилъ.—Въ Видарбу, Кали отвѣчалъ: Дамаянти
Будетъ моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что я долженъ
Ею быть выбранъ.—Съ улыбкой отвѣтствовалъ Индра: ужъ выборъ
Сдѣланъ; ты опоздалъ; при насъ она поклялася
Въ вѣрности Налю.—Кали, услышавъ отъ Индры такую
Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: когда Дамаянти
Смертнаго мужа посмѣла богамъ предпочесть, то надъ нею
Страшно должна отмщена быть такая обида.—На это
Боги свѣта мрачнымъ богамъ отвѣчали: по волѣ
Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и прекрасенъ
Наль: лишь одною бъ, лишенною смысла, онъ могъ быть не избранъ,
Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ постоянный блюститель,
Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ правосудно
Правящій царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ усердно
Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жертвами боги;
Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и богами
Чтимый; онъ, строгій обѣтовъ хранитель; онъ, одаренный

Набожнымъ сердцемъ, великой душою, смиреньемъ и силой;
Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, благость въ единый
Образъ божественной прелести слиты.... Кали кто враждуетъ
Съ праведнымъ Налемъ, тотъ скройся въ пропасти ада, на муку
Вѣчную.—Такъ отвѣчавъ, удалилися боги на небо.
Видя боговъ удалившихся, съ злобной усмѣшкой Двепарѣ
Молвилъ Кали: не прощу никогда я обиды; теперь же
Въ Наля вселюсь, чтобъ его ненавистнаго ввергнуть въ погибель;
Ты же, Двепара [вѣдь знаемъ давно мы, какой онъ горячій
Въ кости игрокъ], поселися въ костяхъ и будь мнѣ помощникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.—Съ замысломъ злобнымъ своимъ притаился въ обители царской
Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ, чтобъ удобный
Случай открылся ему совершить предпріятое; шесть лѣтъ
Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой годъ предсталъ наконецъ благосклонный
Случай: къ сну отходя, позабылъ совершить очищенье
Царь, и въ тѣло нечистое духъ нечистый вселился.
Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и святое жилище
Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ злыхъ помышленій.
Былъ у Наля сводный братъ Пушкàра. Далеко
Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, пебогатымъ участкомъ довольный;
Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ смиреннаго Наля,
Вотъ что сказалъ въ сновидѣньи Пушкарѣ: возьми ты скорѣе
Кости, и къ Налю иди, и игру о царствѣ Нишадскомъ
Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишадское царство;
Весь проиграется Наль.—Пушкара, прельщенный нечистымъ
Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже скрывался Двепара,

Къ Налю явился и вызвалъ его на игру; загорѣлся
Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости и смертный
Бой начался; и царь, какъ безумный, ставилъ на кости
Все: драгоцѣнные камни, золото, утварь, одежды,
Зàмки и земли, и все, одно за другимъ, ослѣпленный
Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ея онъ не слушалъ. Смутились
Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь дворъ, всѣ граждане;
Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они собрались
Въ царскомъ дворцѣ, чтобъ царю объявить, какъ сильно тревожитъ
Ихъ злоключенье такое; и въ горькихъ слезахъ Дамаянти
Такъ сказала царю: къ твоей обители весь твой
Вѣрный нишадскій народъ собрался, и ждетъ и желаетъ
Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажися, отвѣтствуй
Имъ на любовь ихъ вниманіемъ царскимъ.—И слезы бѣжали
Быстро изъ глазъ Дамаянти; но царь не внималъ ей, враждебной
Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ и граждане,
Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, разошлись, помышляя
Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ: онъ болѣ не царь намъ!
Кости же тою порой, какъ живыя, летали; все жарче
Бой разгорался и царь проигрывалъ съ каждымъ ударомъ.
II.—Видя, что мужъ отъ игры былъ совсѣмъ безъ ума, Дамаянти
Стала думать о томъ, какимъ бы средствомъ отъ близкой,
Имъ обоимъ грозящей бѣды защититься; но труднымъ
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывалъ. Вотъ Дамаянти
Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей Врихазенѣ,
Чтимой всѣми въ домѣ царевомъ, совѣтницѣ умной:
Другъ мой, кормилица, слушай; ко мнѣ собери поскорѣе
Всѣхъ совѣтниковъ царскихъ; мнѣ должно съ ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще намъ осталось.

Вотъ собрался совѣтники; ихъ повела Дамаянти
Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ нему приступила
Съ ними царица, и плача, выслушать ихъ умоляла.
Но очарованный Наль былъ глухъ и слѣпъ и безчувственъ;
Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей ни слова,
Все продолжалъ по-прежнему съ братомъ играть, и стоявшихъ
Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ не примѣтилъ.
Утративъ
Всю надежду, они съ содроганьемъ оставили царскій
Домъ. Царица же долго въ лицо безумному Налю
Съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а между тѣмъ, роковыя,
Налю враждебныя, брату его благосклонныя кости
Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуще ее ужасали.
Слушай, кормилица [такъ наконецъ Дамаянти сказала
Вѣрной своей Врихазенѣ], бѣда наступила; скорѣе
Кликни Варшнею, правителя коней царевыхъ.—Когда же
Къ ней явился Варшнея, устами сладчайшими меда,
Вотъ что ему Дамаянти сказала: Варшнея, сопутникъ
Вѣрный царя, послужи ему и теперь въ наступившемъ
Бѣдствіи: видишь, что каждый проигрышъ съ новой
Силой въ немъ страсть къ игрѣ разжигаетъ, что кости какъ будто
Противъ него заодно съ Пушкарой; мой царь обезумленъ
Духомъ враждебнымъ, забылъ о народѣ, о ближнихъ, не внемлетъ
Даже и мнѣ; всему причиною кости; въ нихъ скрыта
Адская сила, а самъ онъ невиненъ. Послушай, мой добрый,
Вѣрный Варшнея, исполни мое повелѣнье: всечасно
Жду со страхомъ и трепетомъ я, что царь мой погибнетъ,
Все проигравъ; но еще не проиграны царскіе кони
Быстролетучіе; сядь въ колесницу его и немедля,
Прежде, чѣмъ наша погибель вполнѣ совершилась, въ Видарбу
Къ Бимѣ, отцу моему, дѣтей отвези; поклонися
Сродникамъ всѣмъ и знакомымъ моимъ; когда же отдашь ты

Все, и сиротокъ моихъ, и царскихъ коней съ колесницей
Бимѣ, тогда ты будешь волёнъ иль остаться въ Видарбѣ,
Или идти въ иную какую землю, куда ты
Самъ пожелаешь.—Варшнея, вѣрный правитель царевыхъ
Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти сказала,
Созвалъ совѣтниковъ царскихъ; когда же и тѣ согласились
Съ умнымъ желаньемъ царицы, то, взявъ дѣтей, онъ поѣхалъ
Съ ними въ Видарбу. Тамъ, снявши дѣтей съ колесницы,
Отдалъ ихъ Бимѣ, потомъ роднымъ и знакомымъ царицы
Всѣмъ отъ нея поклонился, потомъ, печалимый тяжкой
Участью Наля пошелъ въ свой путь, и въ Айоду пришедши,
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну правителемъ коней.
Ш.—Былъ ужъ далеко Варшнея, когда у несчастнаго Наля
Выигралъ злой Пушкара все царство. Съ насмѣшкою колкой
Брату сказалъ онъ: ты весь проигрался; посмотримъ,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отвѣдаемъ счастья: чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею ѝли моею?—
Это услышавъ, Наль содрогнулся, вздохнулъ и ни слова
Не былъ въ силахъ промолвить; но мрачно взглянувши на брата,
Снялъ съ себя всѣ уборы, и только одно сохранивши
Бѣдное платье, нищій, ограбленный, царь благородный
Вышелъ смиренно изъ царскаго дома, несмѣтныхъ сокровищъ
Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья судьбѣ покоряся,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели безъ ночлега; подъ смертною казнью
Ихъ принимать запретилъ Пушкара гражданамъ Нишады:
Новый царь былъ страшенъ, и такъ ни единый изъ прежнихъ
Подданныхъ не далъ пріюта царю безпріютному. Близко
Города, голодъ и жажду терпя, однимъ безотраднымъ
Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потомъ онъ далѣ пошелъ печальный, голодный;
Слѣдомъ за нимъ пошла Дамаянти; для скудныя пищи

Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло ужъ
Нѣсколько дней печальнаго странствія; голодъ жестоко
Мучилъ однажды обоихъ. Вдругъ двѣ златокрылыя птички
Сѣли на травкѣ близъ самаго Наля. Намъ будетъ сегодня
Пища, сказалъ онъ, тихонько подкрался къ птичкамъ, и снявши
Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ поспѣшно накрылъ ихъ.
Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взвилися на воздухъ, и видя,
Какъ изумленъ былъ Наль, совсѣмъ обнаженный, запѣли:
«Знаешь ли кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя остальное
Платье; намъ было досадно, что ты, совсѣмъ проигравшись,
Съ платьемъ еще оставался. Прости, безразсудный; счастливый
Путь!»—И птички исчезли. Наль сказалъ: Дамаянти,
Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, отъ которыхъ не смѣетъ
Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ нищадцевъ—подъ видомъ
Птицъ златокрылыхъ сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, силъ и разсудка
Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти, на выборъ
Все отдаю. Та дорога ведетъ по горамъ Ришаванскимъ
Прямо въ Авантскую землю; здѣсь по склоненью Виндійскихъ
Горъ, вдоль излучистой свѣтло шумящей Пайошни проникнешь
Въ тѣ мѣста, гдѣ отшельники въ кельяхъ святыхъ обитаютъ;
Здѣсь же дорога въ Видарбу.—Такъ Наль говорилъ; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало и слезы лились по прекраснымъ,
Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть слышнымъ
Голосомъ: сердце мое замираетъ, и я отъ печали
Вся цѣпенѣю при мысли одной о томъ, что такъ сильно
Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ мой, тревожитъ;
Царства лишенный, счастье утратившій, голодомъ, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ ты подумать, чтобъ было

Мнѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя отказаться?
Нѣтъ, мой прекрасный, тебя, изнуреннаго голодомъ, жаждой,
Горемъ о счастьи погибшемъ томимаго, буду и въ дикомъ
Лѣсѣ и въ знойной степи утѣшать я и словомъ и взглядомъ.
Знай, что нѣтъ для души и для тѣла вѣрнѣе лекарства
Вѣрной жены.—О! правда твоя, Дамаянти, съ улыбкой
Наль отвѣтствовалъ, нѣтъ для несчастнаго лучше лекарства
Вѣрной, любящей жены. Я съ тобой не разстанусь; могло ли
Въ умъ твой войти подозрѣнье такое? Скорѣе съ своею
Жизнью разстануся я, чѣмъ съ тобою, сокровище жизни.—
Другъ, для чего же ты мнѣ говоришь о дорогѣ въ Видарбу?
О, мнѣ страшно! о, свѣтъ мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидѣть, меня потерявши.
Нѣтъ, мой другъ, не указывай мнѣ на эти дороги;
Вся душа во мнѣ замираетъ отъ горя и страха.
Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я возвратилась въ Видарбу,
Вмѣстѣ пойдемъ; видарбинскій царь, родитель мой, Бима
Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣшителемъ будетъ;
Въ почести будешь со мною ты жить подъ отеческой кровлей. —
Наль отвѣчалъ: Дамаянти, сомнѣнія нѣтъ, что отецъ твой
Радостно приметъ меня, и пристанище дастъ мнѣ въ Видарбѣ;
Но, безпріютный и нищій, туда не пойду я. Могучимъ,
Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья тебѣ я оттуда
Вышелъ; могу ли туда возвратиться безсильнымъ, безславнымъ,
Нищимъ, счастія жизни твоей разрушителемъ? Лучше
Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ, пойду въ одинокій
Путь по горамъ, по долинамъ, питаяся воздухомъ, жажду
Свѣжей росой утоляя, чтобъ только лишь солнце и мѣсяцъ
Нынѣ насъ страждущихъ видѣли, прежде насъ видѣвъ блаженныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.—Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его половиной
Скудной одежды своей; и такъ подъ однимъ покрываломъ,
Голодъ и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ окруженной;
Тамъ, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Другъ подлѣ друга легли на голой землѣ безъ подушки.
Наль заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ Дамаянти
Также заснула. Но сонъ царя злополучнаго длился
Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; пробудившись,
Сталъ онъ думать о царствѣ своемъ, о потерянномъ счастьи;
Странствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ его ужасало;
Умъ его помутился. Что за судьба! про себя онъ
Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть, чѣмъ изгнанье и бѣдность?
Эта жъ несчастная, мнѣ себя посвятившая.... должно ль
Ей безъ вины раздѣлять мое заслуженное горе?
Розно со мною она къ роднымъ возвратится; со мною жъ
Вмѣстѣ удѣломъ ей будетъ страданье одно: такъ не лучше ль
Намъ разстаться?—Такъ онъ все думалъ, думалъ, и скоро
Въ немъ утвердилася мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ, никакая
Вражья рука ей, небесно-прекрасной, божественно-чистой,
Зла приключить не дерзнетъ; опасность можетъ грозить ей
Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, па бѣду обреченный. —
Такъ онъ, врагомъ обуянный, знакомился съ мыслью разлуки.
Какъ же мнѣ быть? наконецъ онъ сказалъ: я нагъ; ужъ не взять ли
Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то сдѣлать
Такъ, чтобъ она не проснулась?—И онъ бродилъ въ нерѣшимыхъ
Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ онъ увидѣлъ

Ржавый кинжалъ безъ ноженъ; поспѣшно, съ радостью дикой
Этотъ кинжалъ онъ схватилъ и имъ половину отрѣзалъ
Платья у спящей жены и той половиной покрылся;
Послѣ, какъ будто въ испугѣ, зажавши глаза, побѣжалъ онъ
Прочь, но скоро назадъ возвратился и горько заплакалъ,
Глядя на спящую. «Та, на которую вѣтеръ холодный
Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце не смѣло
Жаркимъ лучемъ потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣзанномъ платьѣ
Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О, ангелъ небесный!
Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ тобою, когда ты
Болѣ меня не найдешь? О, дочь прекрасная Бимы,
Какъ же ты будешь бродить, не имѣя защитника, въ дикомъ
Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ змѣи гнѣздятся.
О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную младость!
Самый же вѣрный ей щитъ ея непорочность святая!»
Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ безпечно
Спящей спутницы, снова приходитъ, снова уходитъ
Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то любовью влекомый.
Но наконецъ Кали одолѣлъ: трепещущій, блѣдный,
Тяжко стеная, чуть движа ногами, пошелъ онъ, и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамаянти осталась.

II.—Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
Съ ясной улыбкой открыла; ищетъ его, озираясь
Робко по всѣмъ сторонамъ.... когда же нигдѣ не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщательный душу пронзилъ ей.
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ крикомъ:
Наль! но отвѣта ей не было. Царь мой, она возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ, уже ли
Могъ ты покинуть меня въ такой безпріютной пустынѣ
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; возвратися,
Наль, мой другъ, мой желанный! Ужели меня обманулъ ты?
Могъ ли ты слово нарушить свое, и меня, беззаботно

Спящую, кинуть? О, гдѣ ты? Куда ты, въ какую
Сторону, милый, пошелъ? Подожди, возвратися; какъ могъ ты
Бросить жену, полжизни, твоей? Иль надъ нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обѣщалъ въ присутствіи вѣчныхъ боговъ? О! теперь я постигла
Въ горѣ моемъ, что намъ умереть въ неуказанный свыше
Часъ нельзя—иначе могла ли бъ прожить я единый
Мигъ, потерявши тебя? О нѣтъ, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой другъ; отъ шутокъ подобных
Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О, гдѣ ты? Въ какую
Чащу лѣсную ты скрылся, чтобъ душу мою растревожить?
Ахъ! но если ты вправду со мною разстался, и если
Болѣ ко мнѣ не придешь, и мнѣ не подашь въ утѣшенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что будетъ съ тобою
Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ, усталымъ, голоднымъ,
Жаждущимъ? о мой милый, что будетъ, что будетъ съ тобою
Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не видя очами,
Будешь видѣть душою, и будешь звать, и нельзя ужъ
Будетъ дозваться меня, и ужъ болѣ меня ты не встрѣтишь!....
Такъ говорила въ печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая съ тяжкимъ рыданьемъ на землю, то съ громкимъ
Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ наполняя стенаньемъ.
Вотъ, послѣ долгаго плача, рыданья, крика и стона,
Съ чувствомъ живаго къ нему сожалѣнья, она возопила:
Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытаетъ
Онъ, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекшій въ такое

Дѣло, всѣ муки мои въ свою нечистую душу
Приметъ.—Такъ проклявши врага, по дикому лѣсу,
Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла Дамаянти
Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза, и твердила
Грустною горлицей: милый, возлюбленный, гдѣ ты? И слезы
Градомъ катились изъ глазъ, и грудь разрывалась отъ вздоховъ.
Вдругъ на нее съ высокаго дерева кинулась съ страшнымъ
Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно добычу,
Въ вѣтвяхъ древесныхъ склубившись, стерегшая. Сжатая въ крѣпкихъ
Кольцахъ чудовища, только о миломъ своемъ Дамаянти
Въ часъ погибели думала. Гдѣ ты? она восклицала,
Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ погибающей; горько,
Горько будетъ подумать тебѣ, когда возвратишься
Снова на царство, избѣгнувъ отъ бѣдъ, что меня ты покинулъ
Такъ беззащитно въ лѣсу на погибель. Отнынѣ кто будетъ
О мой царь, тебя, одинокаго странника, въ темномъ
Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго горемъ, болѣзнью,
Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полудённый, въ жестокій
Холодъ ночной, утѣшать, ободрять и покоить? Меня ужъ
Въ свѣтѣ не будетъ.... Но жалобный стонъ Дамаянти услышалъ
Шедшій вблизи звѣроловецъ. Онъ кинулся къ ней, и нацѣливъ
Мѣткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спасена Дамаянти.
Выпутавъ нѣжные члены ея изъ губительныхъ колецъ
Онъ съ удивленьемъ спросилъ: откуда, красавица, кто ты?
Дѣва съ глазами живой антилопы, какою судьбою,
Въ эту пустыню зашла ты и вверглась въ такую опасность?
Съ грустно-привѣтной улыбкою повѣсть свою Дамаянти
Всю простодушно ему разсказала. Ее предъ собою
Видя полуобнаженную, съ дѣвственно-полною грудью,
Съ стройно-воздушнымъ станомъ, съ устами цвѣтущими, въ пышномъ

Шелковыхъ, черныхъ волосъ покрывалѣ, съ яркимъ блистаньемъ
Черныхъ глазъ подъ бровями, прекрасною, тонкой дугою
Ихъ осѣнившими, онъ во мгновеніе звѣрской любовью
Вспыхнулъ; и взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ онъ, и руки
Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ, и рвался онъ
Къ чистымъ устамъ, чтобы ихъ осквернить поцѣлуемъ. Но гнѣвомъ
Очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули; грозно
Душу пронзающій взоръ на него она устремила.
Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною владѣлъ безъ раздѣла
Данный мнѣ ими супругъ, то теперь же пади бездыханенъ,
Врагъ ненавистный, на землю! сказала она, и лишь только
Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже святотатецъ
Мертвъ передъ нею лежалъ, убитый ея заклинаньемъ.
III.—Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплеталися вѣтвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ, шипя, ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору, гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ

Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ неизмѣнной
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ сердцемъ смиренным,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста растворила
Къ жалобѣ нѣжной, и такъ, поминая его, говорила:
«Гдѣ ты, царь благородный, нишадецъ прекрасный, могучій?
Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, покинувъ въ безлюдномъ
Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ, какъ могъ ты, усердный
Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о нашемъ союзѣ?
Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нарушить? Какъ можешь
Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ тебѣ быть защитой
Данной ими жены, какъ и мнѣ они повелѣли
Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ? О! зачѣмъ ты
Слово нарушилъ? Виной ли какою я то заслужила?
Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй; зачѣмъ ты
Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?
Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься, оставивъ
Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда ты, нишадскій
Царь, ушелъ? По тебѣ твоя видарбинка тоскуетъ;
Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго Бимы
Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей здѣсь угрожаетъ
Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; неужели
Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью покрытой,
Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной, бродящей
Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Неужели ко мнѣ ты,
Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты безотвѣтенъ;

Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей, величавой
Стройностью стана, лица красотою божественный, гдѣ ты?
Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бъ мнѣ сказать: не видалъ ли ты Наля?
Кто бъ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ отвѣтъ: твой прекрасный,
Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ сѣтуешь, близко!—
Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, могучій
Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и скажу: благородный
Тигръ, владыка лѣсовъ, я царская дочь Дамаянти,
Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ горѣ,
Въ страхѣ, въ нуждѣ, за нимъ безотрадно бродящая; гдѣ онъ?
Если ты знаешь объ этомъ, звѣрей повелитель, скажи мнѣ;
Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай, чтобъ отъ муки
Душу мою исцѣлить. Но мои молящіе вопли
Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей въ море,
Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса уходитъ. Я вижу,
Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной, обвитый
Пышнымъ вѣнцемъ изъ деревъ и кустовъ благовонныхъ, цвѣтами
Ярко пестрѣющій, солнечно-блещущій, слитый изъ твердыхъ
Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкъ и потоковъ
Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня, пустыни
Сторожъ, владыка горъ—подойду и скажу: о владыка
Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ поклоняюсь;
Слезно тебя, о великій, молю, скажи: не видалъ ли
Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя, Дамаянти;
Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувшій Ведду святую,
Чистый и мыслью и словомъ и дѣломъ, гонимыхъ защитникъ,
Зла истребитель, сѣятель благъ, мнѣ данный богами
Спутникъ, покинулъ меня, и разставшися съ нимъ, я разсталась

Съ жизнію. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавый властитель
Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный? гдѣ мой желанный,
Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ милый сопутникъ?
Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангелъ храни-
тель?
Рвется сердце къ нему; по немъ душа унываетъ;
Очи ищутъ его и голоса милаго жаждетъ
Слухъ, и грудь сгораетъ желаньемъ прижаться ко груди
Жаркой его.... О! когда же придется услышать мнѣ снова
Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ устъ: «Дамаянти!»
Такъ говорила въ своемъ сокрушеньи съ горою пустынной
Бѣдная царская дочь, но гора не дала ей отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.—Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту, и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрекшись.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душой на землѣ небожители, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древесные были. Дивяся, смотрѣла на этотъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи, на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ

Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Вся чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, какъ будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ подошла Дамаянти.
Ласково приняли старцы ее, и она имъ сказала:
Миръ вамъ угодники; трудное дѣло спасенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаетъ огонь покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо?—Они отвѣчали: все намъ во благо;
Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но скажи намъ,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Насъ свѣтлый
Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ и открой намъ,
Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль потоковъ? — На то имъ,
Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ: не богиня
Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяжкимъ
Горемъ гнетомая, смертная женщина; вамъ благодушнымъ
Старцамъ я все разскажу. Владыка Видарбы, могучій,
Славнодержавный Бима, отецъ мой; властитель Нишады,
Грозный могуществомъ, въ каждомъ бою побѣдитель, великій,
Свѣтлый душою, неба достойный земли уроженецъ,
Правды защитникъ, правды вѣщатель, божественно-царскимъ
Блескомъ сіяющій, градохранитель, градорушитель,
Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ совмѣстившій,
Наль, мой супругъ, игрокомъ коварно-искуснымъ былъ вызванъ
Въ кости играть, и ему все царство свое проигралъ онъ.
Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пустынямъ
Вслѣдъ за Налемъ скитаюсь, крушимая горемъ, и нынѣ,
Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ узнать, не встрѣчался ль
Гдѣ нибудь вамъ мой утраченный царь? Не видали ль въ эдемской
Рощѣ своей вы его, за которымъ я слѣдуя, этотъ

Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ, старцы,
Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мнѣ она? Одно нестерпимое бремя
Жизнь безъ него, усладителя жизни.—На жалобы царской
Дочери, съ нѣжнымъ объ ней сожалѣніемъ, такъ отвѣчали
Старцы, читая пророчески въ будущемъ: «праведны боги!
Вѣруя имъ, не смущайся душою, прекрасная; свѣтлы,
Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной
Полныя, будутъ градущіе дни для тебя; то являетъ
Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины невольныя чистый,
Царски вѣнчанный, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,
Скорби твоей исцѣлитель, жизни твоей украшенье,
Прежній твой другъ, твой сопутникъ, совѣтникъ, защитникъ—и все то
Сбудется, если въ тебѣ не ослабнутъ терпѣнье и вѣрность....»
То сказавши, тихо исчезли пустынники; съ ними
Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огнь, и молитвы
Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей рощи исчезли....
Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: не сонъ ли
Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники? Гдѣ ихъ
Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы, ихъ звѣри?
Гдѣ ихъ цвѣты благовонные?—Такъ въ изумленьи подумавъ,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ далѣ.

II.—По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ Дамаянти;
Вдругъ попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу цѣлить; у людей его называютъ
Дерево Го́реусладъ, у боговъ Азо́ка. Царевна
Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ сладкимъ,
Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проникнутой звонкимъ
Пѣніемъ птицъ голоситыхъ, тотчасъ подошла и заводитъ
Рѣчь съ нимъ такую: блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореусладъ, благовонный Гореусладъ, услади ты

Горе мое; цвѣтущій Азóка, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя нишадскаго, Наля?
Гдѣ онъ скитается? Помнитъ ли онъ обо мнѣ? О! порадуй
Сердце мое доброй вѣстью о немъ, цвѣтоносный Азóка;
Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеніемъ; самъ же въ пріютѣ
Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный Гореусладъ, усладитель всякаго горя.—
Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго древа
Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, примолвила: съ этою вѣткой
Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я съ собою;
Ты же свободный отъ скорби, печали, пужды и заботы,
Здѣсь оставайся, и если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тѣнь и покой, чтобъ подъ кровлей твоей безпечальной,
Гореусладъ, онъ могъ, отдохнувъ, усладиться отъ горя.—
Съ сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова предъ нею
Стали являться деревья съ широкою сѣнью, крутыя
Горы, скалы разновидныя, темныя дебри, потоки;
Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, порхали и пѣли
Птицы лѣсныя, и всюду ей въ дикой глуши попадались
То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь, то пантера.
Такъ Дамаянти скиталася долго. Вдругъ на широкой,
Чистой полянѣ представился ей караванъ многолюдный;
Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрыпѣньемъ повозокъ,
Ржаніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ слоновъ и верблюдовъ.
Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опушенной
[Гдѣ укрывалися цапли и бѣлые лебеди звучно
Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага кипѣла
Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй], караванъ тотъ тянулся.
Кинулась къ людямъ навстрѣчу царевна; ея появленье
Всѣхъ поразило; полу-нагая, однимъ покрываломъ

Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и грудямъ въ безпорядкѣ
Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣни,
Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ небесный
Ангелъ прекрасная—такъ имъ явилась въ лѣсу Дамаянти.
Въ страхѣ одни отъ нея убѣжали, другіе безмолвно
Ей смотрѣли въ лицо, иные смѣялись, иные,
Болѣ имѣя разсудка, приблизились къ ней съ состраданьемъ.
Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для чего ты
Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, иль созданье
Высшее, горній, могучій духъ, иль дѣва потока,
Или иная безсмертная? Будь намъ встрѣча съ тобою
Знаменьемъ добрымъ. Тебѣ мы себя предаемъ, чтобъ дорогу
Нашъ караванъ совершилъ безопасно.—На это, вздохнувши,
Царская дочь отвѣчала: не съ неба сошла я; земная
Бѣдная, жалкая странница я; мой отецъ видарбинскій
Царь; мой супругъ обладатель Ништады, Наль знаменитый;
Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу, и не вѣдаю, гдѣ онъ.
Если что слышали вы о владыкѣ моемъ, то скажите,
Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я найду прекраснаго Наля,
Наля, царя львино-серднаго, грозно-отважнаго въ битвахъ?
Вождь каравана, богатый купецъ, по имени Зуччи,
Ей отвѣчалъ: нигдѣ на путяхъ, по которымъ давно ужъ
Странствуемъ мы, намъ донынѣ никто не встрѣчался, кто бъ имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ, тигровъ
Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ еще человѣка,
Кромѣ тебя, мы здѣсь не видали.—Куда жъ вы идете?
Снова спросила его Дамаянти.—Идемъ въ знаменитый
Городъ Шедди, отвѣтствовалъ Зуччи; имъ нынѣ владѣетъ
Царь Сувегу и въ царскомъ дворцѣ его обитаетъ
Вмѣстѣ съ нимъ его благодушная мать, драгоцѣнный
Перлъ добродѣтели женской. Услышавъ о томъ, Дамаянти
Въ городъ Шедди рѣшилась идти; пристать къ каравану
Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ пошла Дамаянти.

III. —Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ, Дамаянти
Спутниковъ много имѣла теперь, но была и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По горамъ, по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ однажды съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера; въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло неподвижно-прозрачны
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ водяныя
Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны
Легкія струйки, ласкаяся къ нимъ, осыпали ихъ листья.
Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ него то глубокой
Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое лоно зеленымъ
Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ пріютномъ
Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ и верблюдовъ
Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ открытымъ
Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь [когда въ караванѣ
Всѣ, какъ мертвые были отъ сна] съ горы прибѣжала
Съ страшнымъ храпѣньемъ стая дикихъ слоновъ, чтобъ въ потокѣ
Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жаромъ.
Но, почуявши близость слоновъ каравана, съ свирѣпымъ
Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая кинулись всѣ на заснувшихъ
Смирныхъ враговъ; никакою силою грозныхъ чудовищъ
Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвавшись съ высокой
Горной вершины, катятся скалы, такъ, ломая деревья,
Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топтали лежащихъ
Сонныхъ людей. Со стономъ и крикомъ всѣ поднялися;
Всѣ смѣшались, слуга, господинъ, старикъ и младенецъ;
Ночью, страхомъ и сномъ обуянные, сами не зная,
Что за бѣда и откуда, кто въ лѣсъ, кто къ водѣ побѣжали.
Слыша храпѣнье и топотъ, видя во мракѣ мельканье

Черныхъ огромныхъ тѣней, давимые тяжкой ногою,
Острымъ клыкомъ пронзенные, сжатые хоботомъ сильнымъ,
Въ дикомъ безпамятствѣ, люди, верблюды и кони бросались
Другъ на друга, и сами въ смятеньи другъ друга губили,
Силясь спастися; тѣ кучей на дерево лѣзли, цѣпляясь
Низшіе за ноги высшихъ и падали вмѣстѣ, другіе
Въ яму свергались, или набѣгали на камень, иль въ воду
Слѣпо кидалися; разомъ исчезъ караванъ многолюдный.
Многихъ въ минуту всеобщей бѣды корысть обуяла;
Голосъ лукавый шепнулъ имъ: куда вы бѣжите? погибель
Общая — общимъ и всякое стало богатство; берите
Все, что достанется въ руки; вотъ куча разсыпанныхъ перловъ,
Вотъ драгоцѣнные камни, вотъ золото, смѣло хватайте;
Нищій нынѣче — завтра будетъ богачъ.... и погибли
Всѣ, кто, предавшись корысти, замедлили бѣгствомъ спастися.
Въ это мгновенье, когда какъ потокъ разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой боговъ Дамаянти.
Видя очами такой дотолѣ невиданный ужасъ,
Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ ея головою,
Вся трепетала она, и готовясь погибнуть, грустила
Только о миломъ, далекомъ, навѣкъ покидаемомъ другѣ.
Но когда миновалася буря и снова все стало
Тихо въ лѣсу, собрались понемногу спасенные. Чѣмъ мы
Гнѣвъ несказанный такой на себя отъ боговъ обратили?
Такъ разсуждали они. Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищъ хранителя? Иль караваномъ былъ встрѣченъ
Кто нибудь, дерзкій хулитель бога торговли? Иль птицы,
Намъ враждебныя, въ эту ночь пролетѣли надъ нами?
Или то было вліянье зловредныхъ планетъ?.... Напослѣдокъ
Вотъ что сказали они: вся бѣда намъ отъ встрѣчи
Съ этой безумной, нагой, исчахлой и блѣдной бродягой.
Кто она? Чародѣйка, жена или дочь великана,
Небомъ проклятая? Если опять на глаза попадется
Эта волшебница намъ, то ее мы не добрымъ привѣтомъ,

Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдовствомъ погубила
Нашъ караванъ.—Такія слова въ темнотѣ Дамаянти
Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ въ чащу лѣсную
Сокрылась. «О, горькая участь моя! она говорила,
Тяжко рыдая. О, счастье меня обманувшее! снова
Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Дѣломъ, иль словомъ, иль мыслію зло приключила? Знать въ прежней
Жизни была я преступна; за то и въ теперешней должно
Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супругомъ, утрата
Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ родныхъ отлученье,
Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и змѣй, безпріютность
Въ холодъ и зной, нищета, сиротство, и ужасъ, и горе.»
Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую толпу собрались
Всѣ непогибшіе въ страшную прошлую ночь, и въ дорогу
Снова отправились, плача о горькой утратѣ богатства,
Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова покинута ими
Въ дикомъ лѣсу Дамаянти, и горе ея превышало
Всѣ ихъ страданія вмѣстѣ. О! чѣмъ же, чѣмъ [говорила,
Плача, она] такую бѣду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слоновъ приманила на гибель
Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту; за то и должна я
Долгимъ страданьемъ свой выплатить долгъ; я чувствую въ тяжкомъ
Горѣ моемъ всю истину древняго слова: безъ воли
Неба никто не умретъ, и моей истерзанной груди
Хоботъ слона не коснулся. Такъ! безъ судьбы совершиться
Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я за собою
Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ никакого не вѣдаю злаго
Дѣла, не помню ни мысли худой, ни виновнаго слова.
Въ томъ ли мое преступленье, что я для прекраснаго Наля

Свѣтлыхъ отвергла боговъ и не мстятъ ли ужъ гнѣвные боги
Мнѣ за земную любовь безотрадной земною печалью?
Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ каравана
Издали, въ чащѣ таяся лѣсной, какъ въ облакѣ мѣсяцъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I. — Вотъ наконецъ Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у воротъ, не входя въ нихъ, стыдяся
Бѣдной одежды своей, обрѣзанной Налемъ, и смятыхъ
Долгихъ волосъ, въ безпорядкѣ ей грудь покрывавшихъ.
Жители города Шедди, встрѣчаяся съ ней, удивлялись
Странному виду ея, а дѣти за нею бѣжали
Съ крикомъ; ихъ шумной толпою слѣдимая скоро къ палатамъ
Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ, на площадкѣ высокой
Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамкѣ своей сказала она: поди, пригласи къ намъ
Эту жалкую странницу, чистый, дымомъ затмѣнный
Огнь красоты, народомъ тѣснимую. Вѣрно пріюта
Ищетъ она. Я вижу въ ней нѣчто высокое; домъ нашъ
Свѣтомъ наполнитъ она благодатнымъ. Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковымъ взоромъ встрѣтя ее, сказала привѣтно:
Въ самомъ затмѣньи печали твой образъ сіяетъ, какъ въ темной
Тучѣ яркая молнія. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое; одна безъ защиты
Странствуешь ты по землѣ и людей не страшишься, какъ чистый
Ангелъ. Скажи жъ мнѣ, какое званье твое?—Дружелюбной
Рѣчью такой ободренная, такъ Дамаянти сказала:
Я не ангелъ, царица, я смертный простой человѣкъ; но породы

Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой съ супругомъ,
Вслѣдъ за нимъ, чтобъ его отыскать, по землѣ я скитаюсь,
Женскимъ себя рукодѣльемъ питая; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище тамъ, гдѣ укажутъ мнѣ боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцемъ избранный,
Милый супругъ мой разстался со мною; царица, несчастливъ
Былъ онъ: въ игрѣ роковой свои всѣ богатства утративъ,
Нищимъ онъ домъ свой покинулъ, и въ лѣсъ съ одною одеждой
Скрылся; за нимъ я пошла, чтобъ имѣлъ онъ въ печали отраду.
Тамъ, изнуряемый голодомъ, онъ, на несчастье рожденный,
Платье послѣднее съ плечь потерялъ: кто богами назначенъ
Въ жертву бѣдѣ, у того похищаетъ и вѣтеръ и птица
Платье; и днемъ и ночью я шла за нимъ, безпокровнымъ.
Разъ случилось, что я, утомленная, въ лѣсѣ заснула....
Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня, онъ унесъ половину
Бѣдной одежды моей. Съ той поры и денно и ночно
Вслѣдъ за нимъ, весельемъ и свѣтомъ души, я по темнымъ
Дикимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ, по долинамъ
Странствую; мнѣ половину одежды моей возвратить онъ
Долженъ, иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ одежды другая
Надобна, такъ и мнѣ другую себя половину
Должно найти, иль жить перестать.—Съ состраданьемъ царица,
Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала: останься
Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать будетъ мнѣ сердце
Свѣтлая близость твоя. Не медля ни мало, повсюду
Мы разошлемъ гонцевъ за супругомъ твоимъ; но случиться
Можетъ, что онъ ненарокомъ зайдетъ и сюда, гдѣ его ты
Будешь ждать въ безопаспо-спокойномъ пріютѣ.—На то ей,
Горе свое обуздавъ, сказала въ отвѣтъ Дамаянти:
Здѣсь я охотно останусь, если ты мнѣ обѣщанье
Дашь, царица, условье исполнить такое: чтобъ низкой
Должности я не имѣла, служа лишь тебѣ, чтобъ объѣдковъ
Въ пищу мнѣ не давали, чтобъ доступъ ко мнѣ запрещенъ былъ

Всѣмъ мужчинамъ, чтобъ каждый, кто мной овладѣть пожелаетъ,
Смертью наказанъ немедленно былъ — такую дала я
Клятву богамъ, чтобъ найти помогли мнѣ супруга; видаться ся жъ
Только съ одними браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условье мое, то здѣсь съ благодарнымъ
Сердцемъ останусь.—На то отвѣчала царица: исполню
Все, и святъ для меня твой обѣтъ. — Потомъ приказала
Вызвать изъ внутреннихъ царскихъ покоевъ царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, вѣнкомъ многоцвѣтнымъ
Рѣзво-прелестныхъ подругъ окруженная. Видишь, Сунанда,
[Мать ей сказала] эту пришелицу въ бѣдной одеждѣ?
Ей ты лѣтами ровесница; но испытанія жизни
Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее, какъ подругу;
Ласково съ ней обходись и ее уважай, чтобъ съ тобою
Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сообществѣ съ нею
Пользу нашла для души.—Сунанда, съ веселостью дѣтской
За руку взявъ Дамаянти, ее увела. И осталась
Съ той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II. — Наль, столь жестоко покинувъ свою Дамаянти, прискорбенъ,
Сумраченъ шелъ по пустынѣ и, самъ какъ пустыня, съ собою
Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: не за то ли,
Солнце, ты жжешь такъ жестоко меня, что я Дамаянти
Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на похищенный лоскутъ
Платья ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но въ водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. О! еслибъ я могъ разлучиться
Съ этимъ лицомъ, чтобъ быть и себѣ и другимъ незнакомымъ!
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя—не пламя въ лѣсу, а въ пламени лѣсъ—и оттуда
Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: «придешь ли, придешь ли

Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ.» — Изумленный
Наль вопросилъ: откуда твой голосъ? Чего ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты?—«Я здѣсь, въ огнѣ, благородный, могучій
Наль. Ты будешь ли столько безстрашенъ, чтобъ твердой ногою
Въ пламя вступить и дойти до меня?» — Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти. — Съ сими словами онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, лилось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣтвистыхъ деревьевъ,
Густо сплетенныхъ огнистыми сучьями; черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ — со всѣхъ сторонъ устремлялись
Жаркія вѣтви на встрѣчу ему, и всюду, гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу, на огромномъ, горячемъ
Камнѣ змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей раскаленной.
Голову, свѣтлой коропой вѣнчанную, тяжко поднявши,
Такъ простонало чудовище: «я Керкóта, змѣиный
Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земные; смиренный пустынникъ,
Старецъ Нерада, проклялъ меня и обрекъ на такую
Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты, разсказъ мой
Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно подъ страшнымъ
Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ оно затушило
Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій Кали былъ наказанъ,
Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова нашелъ, что утратилъ.»
III. — Слушай же повѣсть мою, продолжалъ, задыхаясь отъ жара,
Царь змѣиный; и Наль, терпѣливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ. — «Нерáда, смиренный пустынникъ,

Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи своей; и въ саду томъ
Были всѣ земныя деревья и травы, и было
Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней, прохладно-тѣнистыхъ.
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ;
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, плавать иль ползать
Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ, иль жаломъ пронзающихъ проклялъ, и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй мнѣ подвластныхъ въ него проникать онъ дозволилъ
Только однимъ, не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, рóсу сбирая съ цвѣтовъ, иль изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ, одна любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка
Разъ безъ всякаго умысла злаго, въ саду по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ видитъ
Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха:
Онъ на вѣткѣ висѣлъ и качался, какъ люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было въ немъ; она улетѣла за пищей; яички,
Легкимъ прикрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо опустила
Голову змѣйка — и видитъ яйцо тамъ лазурнаго цвѣта;
Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо раскололось.
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жалобнымъ крикомъ
Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ ужасенъ.

Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не успѣла проворно
Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ. Но блаженный
Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступницу выдалъ.
Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего ты желаешь?
Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я царь; самому мнѣ
Должно виновныхъ наказывать подданныхъ. — Видѣть хочу я
Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую, строго
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи трехъ дней,
Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ впередъ опасался,
Кто бы то ни было садъ мой тревожить зломышленнымъ
дѣломъ.
Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ; какъ родную
любилъ я
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ и вѣрнѣе
Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной извиваясь
Въ страхѣ, съ молитвой она ко мнѣ подымала головку.
Я ей сказалъ: проворнѣй, вылѣзь изъ кожи. Не нужно
Было того повторять; въ минуту въ новой одеждѣ
Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною оставивъ
Старую. Тотчасъ, двухъ сильныхъ удавовъ призвавъ, я ве-
лѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ повѣсить на тынѣ
Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ ее, то конечно
Станетъ думать, что солнце ее изсушило, такъ мыслилъ
Я, уповая, что мой мнѣ удастся обманъ. И доволенъ
Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя на тынѣ
Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ живая,
Молвивъ Нерада, она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхватила. —
Тѣмъ бы и кончилось все, когда бъ на бѣду не приспѣла
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить; къ
висящей
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глáза у мертвой
Выклевать—что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пустыя скважины также

Видитъ она, что и внутренность кожи пуста. И къ Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла. Тебя обманули; змѣиный
Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ, пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ онъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
Грѣлся одинъ — при мнѣ ни ужа, ни змѣи, ни дракона,
Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ. На громовый
Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я вскочить, но, могучимъ
Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. Предатель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ удалося:
Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
Вмѣсто змѣи я предалъ огню, и виновную спасъ ты.
Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
Съ этого камня; но будешь здѣсь не на солнечномъ свѣтѣ
Грѣться — я пламя иное зажгу вкругъ тебя; не сгорая,
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ тоски и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что жаръ утолится.
Кончатся жъ муки твои лишь тогда, какъ къ тебѣ издалека
Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ средины
Пламени ты позовешь и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ, если достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою — тогда ты спасенъ, прекратится
Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ, по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ сокрушается сердцемъ.
Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ къ себѣ издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Онъ называется Налемъ. — Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ; озираюсь—
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ

Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало по малу въ пронзительный жаръ обращалось; сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья шумѣли;
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась; снова потомъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть тоже мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: придешь ли, придешь ли
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай, что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ: мнѣ подвластные змѣи, которымъ
Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ ежедневно
Змѣекъ-гонцевъ присылали, и каждая, вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ предо мной умирала;
Видишь, какъ много здѣсь собрано кожъ ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты полюбилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ; какъ тамъ онъ посѣялъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгновенно желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю сойти; какъ богами

Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебѣ самому досель неизвѣстно:
Какъ закрался Калй въ твое непорочное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ, что вмѣстѣ съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее наконецъ ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя и приходъ твой; уже мучительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сходящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, приступи и на палецъ
Взявши меня, изъ пламени выдь.» — Керкота умолкнулъ,
Свился проворно легкимъ кольцемъ и повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени царь, и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро
Все исчезло, какъ будто его никогда не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись отъ Налева пальца,
Змѣй безконечной, чешуйчатой лентою вдругъ растянулся;
Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому онъ ручью, гдѣ увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жадностью долгую жажду
Послѣ толь долгаго жара сталъ утолять — истощились
Воды ручья, а змѣй по-прежнему сдѣлался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: подойди; передъ нашей разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ долголѣтнемъ отъ муки
Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять иль испортить.
Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились зубы; считать онъ
Началъ: первóй, другой, четвертый. Ошибся, ошибся,
Съ гнѣвомъ царь змѣй зашипѣлъ, ты не назвалъ третьяго зуба.
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ неназваннымъ зубомъ

Наля въ палецъ, и тутъ же почувствовалъ Наль, что съ собою
Онъ какъ будто разстался: сперва свой собственный образъ
Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой шеѣ висѣвшемъ
Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало по малу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и мало по малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же, и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ такомъ превращеныи.
Видишь, Кертота сказалъ, что желанье твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой, и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своею женою не можешь быть узнанъ. Простимся;
Въ путь свой съ богами иди, и не мысли, чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ, превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ пропитатья;
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ боговъ полученныхъ
Въ брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, объ этомъ; и также твое искусство конями
Править тебѣ сохранилось. Въ царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь царя Рituперна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы сравнился въ искусствѣ
Счета, и такъ бы въ кости игралъ. Я Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если онъ спроситъ,
Много ли можешь въ день проскакать? Сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искусству захочетъ; за это
Самъ научитъ тебя искусству считать: безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ. И какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ;
Въ ту же минуту, когда, и жену и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ

Часѣ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядись; кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи боятся.
Такъ говоря, Керкота одну изъ зѣркально-свѣтлыхъ
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ, и подавши
Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ онъ
Скрылся; а Наль остался въ лѣсу одинъ превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I. — Наль, разлучившися съ змѣемъ пошелъ въ Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно ужъ
Принялъ къ себѣ и Варшнею, прежде служившаго Налю.
Мудрый царь Ритупернъ, великій конскій охотникъ,
Лучшихъ искусниковъ править конями сбиралъ отовсюду.
Наль, черезъ десять дней пришедши въ Айоду, къ царю Ритуперну
Тотчасъ явился. Я конюхъ Вагука, сказалъ онъ; въ искусствѣ
Править конями мнѣ равнаго нѣтъ; сто миль проскакать ихъ
Въ день я заставить могу. И во многомъ другомъ я искусенъ:
Пищу никто такъ вкусно, какъ я, не умѣетъ готовить.
Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ и умѣнье,
Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ царю Ритуперну
Въ службу желаю вступить. Ритупернъ отвѣчалъ благосклонно:
Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отнынѣ
Главнымъ конюшимъ моимъ; надзирай за моими конями,
Къ скачкѣ проворной ихъ пріучая; за службу же будешь
Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой будетъ Варшнея,
Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ, съ нимъ старый Дѫевала
Мой заслуженный конюшій и много другихъ; ты безъ скуки
Будешь съ ними досугъ свой дѣлить; и свободенъ ты дѣлать,
Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ конюшимъ, Вагука.
Вотъ и служитъ конюшимъ Наль у царя Ритуперна,

Царь безъ царства, мужъ безъ жены, изгнанникъ, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему такъ усердно
Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ ему: подъ одною
Кровлей они; но чужды другъ другу, и вмѣстѣ и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля царя сокрушаясь, а Наль по супругѣ,
Брошенной имъ, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ затворялся
Въ стойлѣ и пѣлъ тамъ все ту же и ту же печальную пѣсню:
«Гдѣ, свѣтлоокая, ты одинокая, странствуешь нынѣ?
Зноемъ и холодомъ, жаждой и голодомъ въ дикой пустынѣ
Ты изнуренная, ты обнаженная, вдовствуя бродишь.
Гдѣ утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби находишь?»
Такъ онъ пѣлъ. И однажды Джевала, подслушавши эту
Пѣсню, спросилъ у него: по комъ ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную пѣсню
Такъ заунывно поешь ты?—Пою про жену сумасброда,
Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и богатство
Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго, клятву святую,
Данную ей предъ богами, забывшаго. Съ ней разлученный,
Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяньи, въ страхѣ, не зная
Скорби своей утоленья ни днемъ, ни ночью, бездомнымъ
Странникомъ бродитъ. Но каждую ночь, объ ней помышляя,
Эту пѣсню поетъ онъ. Скитаясь, какъ нищій, съ терпѣньемъ
Пьетъ онъ свою, преступленьемъ налитую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ лишь собою
Дѣлитъ. Она же, которая съ нимъ и въ бѣдѣ не разсталась,
Имъ въ пустынѣ забытая.... Гдѣ она? Что съ ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сторонъ окруженной
Смертью въ лѣсахъ, гдѣ гнѣздится и дикій звѣрь и разбойникъ.
Эту повѣсть онъ самъ разсказалъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ и пою я
Пѣсню его, какъ самъ онъ поетъ, и объ немъ сокрушаюсь.

II. — Бима, царь Видарбы, узнавъ о бѣдствіи Наля,
Царство свое проигравшаго въ кости, немедленно созвалъ

Всѣхъ видарбинскихъ брахмановъ и такъ имъ сказалъ: отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля царя; кто узнаетъ,
Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ, тотъ получитъ
Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и деревню, какъ людный
Городъ богатую; тотъ же, кто, ихъ не приведши, хоть съ вѣрной
Вѣстью объ нихъ ко мнѣ возвратится, также получитъ
Десять сотенъ быковъ. Брахманы поспѣшно на сѣверъ,
Полдень, востокъ и западъ пошли отыскивать Наля;
Всюду, по всѣмъ областямъ, городамъ, деревнямъ, по безлюднымъ
Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равнинамъ, по разнымъ дорогамъ
Долго ходили они; но напрасно; ни слуха, ни вѣсти
Нѣтъ ни о Налѣ царѣ, ни о вѣрной его Дамаянти.
Вотъ наконецъ, одинъ изъ Брахмановъ, Судева, достигнулъ
Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на праздникѣ царскомъ
Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ царевны Сунанды,
Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покрывало, близъ свѣтлой,
Радостной дѣвы она тамъ стояла—жена, по супругѣ
Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазъ безъ сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ отъ взоровъ
Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ. Увидя
Этотъ прекрасный, невидимо блещущій свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судева, кто передъ нимъ. Про себя онъ подумалъ:
Тотъ же образъ я вижу, который столь сладостно свѣтелъ
Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари и владыки,
Съ ними и вѣчные боги въ тревогѣ надежды, смиренно
Ждали, кому изъ нихъ благодатную руку подастъ Дамаянти.
Это она, полногрудая, темно-кудрявая, райскимъ
Блескомъ очей веселящая душу, любовь и утѣха
Міра; она, молодая лилея, лишенная корня,
Лотосъ, слоновой стопой сокрушенный, высокое въ низкомъ;

Это она, по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ съ супругомъ
Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ, нынѣ безводный,
Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная ночь по затмѣньи
Полномъ луны, поглощенной внезапно небеснымъ дракономъ;
Это она, достойная жить въ перламутровомъ царскомъ
Домѣ, живущая нынѣ въ чужомъ сиротою бездомной;
Славная царской породою въ горькомъ безславномъ изгнаньи;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ея измучено сердце
Страстнымъ стремленьемъ къ супругу, избранному сердцемъ; на свѣтѣ
Мужъ украшенье жены; потерявъ сей небесно-прекрасный
Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ. Но гдѣ жъ онъ, могучій
Наль? Перенесъ ли разлуку съ такою женою, иль мертвый
Палъ, утративъ ее? И мнѣ всю душу пронзаетъ
Горе при видѣ ея красоты сокрушенной, при встрѣчѣ
Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ взоровъ.
Скоро ль, скоро ль, весь міръ исходивъ путемъ испытанья,
Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ желаннымъ супругомъ,
Съ милымъ души, съ властителемъ жизни встрѣтится въ мірѣ,
Такъ какъ звѣзда встрѣчается съ мѣсяцемъ? Скоро ль
Съ трона низверженный Наль возвратитъ Дамаянти и тронъ свой?
О! какое блаженство тогда для обоихъ, другъ другу
Равныхъ прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предковъ! Мнѣ должно теперь подойти съ утѣшительнымъ словомъ
Къ ней, сокрушенной. Такъ говорилъ многомудрый Судева
Самъ съ собою; потомъ онъ къ тому приблизился мѣсту,
Гдѣ одиноко стояла среди многолюдства съ печальной
Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза Видарбы,
Ей онъ сказалъ; я Судева, Брахманъ видарбинскій; царь Бима,

Твой родитель, живъ и здоровъ и царствуетъ мирно;
Здравствуетъ съ нимъ и твоя благодушная мать, управляя
Домомъ; здравствуютъ братья твои, здравствуютъ дѣти,
Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки. Но горе
Всѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по цѣлому свѣту
Ищутъ брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мнѣ.—Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потомъ о родныхъ, о друзьяхъ, знакомыхъ и ближнихъ
Спрашивать. Выросли ль дѣти? она напослѣдокъ спросила.
Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей грудь, и съ прекрасных
Длинныхъ рѣсницъ покатилися крупными каплями слезы.
Видя, что плачетъ она въ разговорѣ съ браминомъ Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: наша
Гостья плачетъ; какой-то браминъ говоритъ съ ней, и вѣрно
Съ нимъ знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль. Тогда изъ покоевъ внутреннихъ вышла
Мать царица; увидя брамина, она повелѣла
Къ ней его привести; и его разспрашивать стала
Такъ: разскажи мнѣ объ ней, что вѣдаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И съ родными какою
Странной судьбою разсталась? И здѣсь ты ее по какому
Тайному признаку могъ распознать? Обо всемъ откровенно
Мнѣ разскажи.—И сѣвъ на ему указанномъ мѣстѣ,
Такъ разсказывать началъ Судева, браминъ многомудрый:

III.—Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ царь Бима, до старости поздней
Въ славѣ дожившій; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбинскаго Бимы, жена нишадскаго Наля.
Наль же, сынъ Виразены, бывшій владыка Нишады, безумно
Въ кости все царство свое проигралъ недостойному брату.
Съ той поры, покинувъ Нишаду съ женою, пропалъ онъ
Безъ вѣсти. Бима послалъ насъ отыскать дочь. И случайно
Въ вашемъ царскомъ дворцѣ въ печальной, таинственной гостьѣ

Вашей узналъ я ее.... И кто не узналъ бы? На свѣтѣ
Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной душою и тѣломъ.
Есть при томъ и примѣта: на лбу подъ густыми
Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за облакомъ мѣсяцъ;
Съ нею она родилась; ее самъ Брама замѣтилъ
Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей однимъ лишь брамінамъ,
Видящимъ здѣсь красоту неземную, служителямъ Брамы,
Можетъ быть видимъ; и я очами брамина, какъ злато
Въ темной рудѣ, какъ въ пеплѣ горячемъ огонь сокровенный,
Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы несказанной свѣтило. —
Кончивъ разсказъ свой, Судева умолкъ. Тутъ царевна Сунанда
Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея головы покрывало
Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣнявшихъ прекрасный
Лобъ видарбинской царевны, откинула; ярко, какъ мѣсяцъ,
Тучу пронзившій, блеснула оттуда звѣзда благодати.
То увидя, Сунанда въ слезахъ умиленья припала
Къ сердцу ея, царица заплакала также; и всѣ три,
Крѣпко обнявшись, сліянныя сердцемъ, стояли безмолвно,
Слезы сливая съ слезами. Вотъ напослѣдокъ сказала
Мать царица: ты дочь моей сестры, Дамаянти!
Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка дафернскій Судеманъ;
Бима выбралъ сестру, меня избралъ Виравагу.
Я и тебя младенцемъ видала въ то время, когда мы
Вмѣстѣ съ сестрой навѣстили въ Даферне отца. И тогда ужъ
Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчасъ я, кто ты, какъ скоро ты странницей грустной явилась
Здѣсь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся жъ
Съ нами, мой домъ есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи въ любви и согласьи
Съ нами: будь дочерью мнѣ, буть нѣжной сестрою Сунандѣ.—
«Долго я здѣсь незнакомкой въ довольствѣ жила, отвѣчала
Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды, подъ защитой
Вѣрной была, и въ горѣ встрѣчала веселье; но будетъ
Мнѣ веселѣе въ Видарбѣ съ роднымъ отцемъ и съ родною

Матерью. Съ миромъ меня отпусти; я давно ужъ съ своими
Ближними розно; отсюда слышится мнѣ, какъ сиротки
Дѣти мои, по матери плача, ее издалека
Кличутъ и ей говорятъ: безъ отца мы; на что жъ намъ
Быть и безъ матери? Если свое благотворное дѣло
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мнѣ скорѣе
Средство въ Видарбу къ своимъ возвратиться.» — Исполнена будетъ
Воля твоя, красота звѣздоносная, такъ отвѣчала
Мать царица; потомъ съ позволенія сына, владыки
Царства шеддійскаго, въ путь снарядила милую гостью;
Пищу съ питьемъ на дорогу сама царевна Сунанда
Ей приготовила; дали коней съ колесницею; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ наконецъ возвратилась
Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много въ Видарбѣ веселья
Было при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти со всѣми
Свидѣлась, съ милою матерью, съ добрымъ отцемъ и съ родными
Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ увидѣла, къ сердцу
Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей—то первой заботой
Было ея принести благодарность богамъ и браминовъ
Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое обѣщанье:
Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, богатымъ какъ городъ,
Далъ онъ брамину Судевѣ. Награду такую сначала
Онъ обѣщалъ лишь тому, кто найдетъ Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью, онъ ужъ не думалъ
Болѣ о Налѣ. За то не забыла о немъ Дамаянти.
Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на другой день
Матери такъ Дамаянти сказала: если ты хочешь
Жизнь мнѣ мою сохранить, возврати мнѣ прекраснаго Наля.
То услыша царица заплакала горько и слова
Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и рыданья. И вмѣстѣ
Съ нею домашніе всѣ сокрушались и громкимъ стенаньемъ
Все жилище ея наполнялось. И вотъ что царица

Бимѣ, властителю многихъ народовъ, сказала: открыла
Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаянти; по миломъ
Налѣ тоскуетъ она несказанно. А гдѣ онъ? Удастся ль
Также найти и его, какъ найти удалось Дамаянти?
Бима при этихъ словахъ опять вызываетъ браминовъ
Новую службу ему сослужить. Святые брамины,
Имъ говоритъ онъ, идите по всѣмъ путямъ и дорогамъ
Наля отыскивать; съ нимъ разлученная, гаснетъ отъ горя
Дочь Дамаянти.—Брамины, немедленно въ путь изготовясь,
Всѣ собрались къ Дамаянти услышать ея повелѣнье:
Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Такъ: куда бъ ни пришли вы и гдѣ бы его ни искали—
Въ городѣ ль, въ царскомъ дворцѣ ли, въ деревнѣ ли, въ
хижинѣ ль бѣдной—
Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то, что скажу вамъ:
«Гдѣ ты игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,
Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ на погибель заснула
Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ своею женою?
Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благороднымъ?»
Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.
Если же кто вамъ на нихъ отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля развѣдайте, кто онъ? Когда же
Словомъ какимъ онъ вамъ возразитъ, то скорѣе, скорѣе
Это слово мнѣ передайте, брамины. Но будьте
Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться не могъ, что за
нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся. Идите съ богами
Въ путь свой, брамины, ищите Наля, вездѣ повторяя
Грустную пѣсню мою, воздыханья любви сокрушенной.—
Данныя имъ наставленья принявши, по разнымъ дорогамъ

Всѣ разошлися брамины отыскивать Наля; и всюду
Въ людныхъ, большихъ городахъ, въ богатыхъ палатахъ, въ убогихъ
Хижинахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ, по полямъ, по долинамъ,
Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, неусыпно искали
Наля они, вездѣ повторяя слова Дамаянти,
Грустную пѣсню ея, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

I. — Вотъ по странствіи долгомъ одинъ изъ браминовъ, Парнѐда
Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ Дамаянти: повсюду
Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ наконецъ я въ Айоду.
Тамъ предъ царемъ Ритуперномъ твои слова произнесъ я;
Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ и никто изъ придворныхъ
Также мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я, простясь съ Ритуперномъ,
Вышелъ изъ царскихъ покоевъ, со мной повстрѣчался служитель
Царскій съ руками короткими, малаго роста, Вагука
Именемъ; дѣло его смотрѣть за царевой конюшней;
Видомъ онъ некрасивъ; за то великій искусникъ готовить
Пищу, также чудесно править конями: онъ можетъ
Въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить. И вотъ что съ глубокимъ
Вздохомъ, отъ слезъ задыхаясь, сказалъ мнѣ этотъ Вагука:
«Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду.
Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу

Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
Самъ уничтожить могъ, если отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй женою
Будетъ оплаканъ онъ; что бъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
Радость не радостью; будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады.»
Эти услышавъ слова, я рѣшился немедля пуститься
Въ путь обратный. Царевна, сама теперь ты разсудишь,
Съ доброю ль вѣстью къ тебѣ я пришелъ. — Дамаянти,
Парнаду
Выслушавъ, тотчасъ къ царицѣ пошла и такъ ей сказала:
Слушай, родная; о томъ, что я сдѣлать хочу, мой родитель
Бима вѣдать не долженъ: хочу я брамина Судеву
Въ царство Айоду послать; награды своей половину
Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслужить и другую:
Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай возвратитъ вамъ и Наля.
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили онѣ и царь не узналъ ни о чемъ. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
Слѣдъ намъ къ нему указалъ. И доволенъ остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Такъ сказала: Судева, иди къ царю Ритуперну
Въ царство Айоду; явися ему, но такъ, чтобъ подумалъ
Царь Ритупернъ, что зашелъ ты въ Айоду случайно и вотъ что
Скажешь ему ты, какъ будто безъ всякаго умысла: «Бима
Снова сзываетъ въ Видарбу царей и царевичей; снова
Хочетъ супруга избрать Дамаянти: ужъ съѣхалось много
Къ ней жениховъ.» И ежели знать пожелаетъ онъ, скоро ль
Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день? Отвѣчай ты: «я
вижу,
Царь, что тебѣ одному невѣдомо то, что извѣстно

Цѣлому свѣту; день назначенный — завтра; и если
Самъ ты отвѣдать счастья намѣренъ, то можешь въ Видарбу
Нынѣче же къ ночи поспѣть; у тебя есть конюхъ, искусный
Править конями; онъ въ сутки сто миль проскакать ихъ заставитъ;
Только не медли: завтра, чѣмъ свѣтъ Дамаянти объявитъ
Выборъ; о Налѣ жъ ни слуха, ни вѣсти; и вѣрно погибъ онъ;
Если же хочешь ты знать, отъ кого я о сказанномъ слышалъ,
Знай, государь, что я слышалъ о томъ отъ самой Дамаянти.»
II.—Вотъ и приходитъ Судева къ царю Рituперну. То было
Рано по утру. И только что ложную повѣсть брамина
Выслушалъ царь, какъ съ мѣста вскочивши, воскликнулъ: скорѣе
Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука явился —
Вѣрный конюшій, сказалъ Рituпернъ, мнѣ должно въ Видарбу
Нынѣче жъ поспѣть; Дамаянти опять выбираетъ супруга;
Завтра утромъ она объявитъ свой выборъ. Искусство
Нынѣ свое покажи мнѣ, Вагука, на дѣлѣ; посмотримъ,
Можешь ли въ сутки сто миль проскакать на коняхъ, не кормивши?
Царская рѣчь наполнила ужасомъ Налеву душу.
Что замышляетъ — подумалъ онъ самъ про себя — Дамаянти?
Или она отъ скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Можетъ ли быть, чтобъ она на такое
Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная, свѣтлый
Ангелъ любви? Неужель, оскорбленная мной такъ жестоко,
Хочетъ отмстить мнѣ она, смиренно-незлобный эдемскій
Голубь? Но женское сердце измѣнчиво; я же предъ нею
Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость ея погубилъ я;
Въ долгой разлукѣ со мной, разлучилась она и съ любовью.
Но, позабывши меня, какъ могла позабыть Дамаянти
Нашихъ дѣтей? Мнѣ должно развѣдать, что ложь и что правда
Въ этомъ слухѣ, и волю царя для себя я исполню.
Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвѣчалъ: несомнѣнно исполнена будетъ

Царская воля твоя; мы нынѣче жъ поспѣемъ въ Видарбу
Къ вечеру. — Вотъ на конюшню Вагука пошелъ, чтобъ надежныхъ
Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тяжелыхъ, ноздристыхъ,
Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щетинистой шерстью,
Съ длинными шеями, съ гривой встопорщенной, огненно-дикихъ.
Выборъ такой царя изумилъ. Ты шутишь, Вагука,
Съ гнѣвомъ сказалъ онъ; какъ будто въ насмѣшку изъ цѣлой конюшни
Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней. Въ такую дорогу
Можно ль на клячахъ подобныхъ пускаться?— То добрые кони,
Царь-государь, Вагука отвѣтствовалъ; вотъ и примѣты:
Двѣ на лбу, одна на груди и три на копытахъ;
Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до Видарбы; но если
Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ укажи ихъ: готовъ я
Волю исполнить твою. — Пускай по-твоему будетъ,
Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; закладывай; ѣдемъ.
Выбранныхъ имъ четырехъ коней заложилъ въ колесницу
Наль, и сѣлъ въ нее съ Ритупёрномъ; и съ ними, по просьбѣ
Наля, сѣлъ Варшнея. Собравши въ могучую руку
Возжи, и ими тряхнувъ, какъ браздами излучистыхъ молній,
Наль закричалъ: изготовьтесь вы, добрые кони; чтобъ нынѣчежъ
Быть намъ въ Видарбѣ! И дрогнувъ предъ нимъ на колѣна упали
Кони; легкимъ движеньемъ руки опять онъ ихъ подналъ
На ноги, голосъ смягчилъ, и ласковымъ словомъ придавъ имъ
Жару, крикнулъ: впередъ! Они понеслися какъ вихри.
Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ съ нѣмымъ изумленьемъ.
Въ то же время, разслушавъ, сколь былъ таинственно-звученъ
Громъ колесницы, и видя, что возжи со свистомъ и трескомъ
Били коней по бокамъ, и какъ молніи быстро сверкали,
Думу глубокую думалъ Варшнея: откуда Вагука
Могъ получить такое искусство и кто онъ? Не самъ ли

Коней державнаго бога боговъ повелитель Метáлись?
Или онъ Наль, сокрывшій себя подъ личиной урода?
Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь Налева сила.
Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ древнихъ преданій
Вѣдаемъ мы, что земные цари, по волѣ судьбины,
Здѣсь на землѣ иногда, превращенные, странствуютъ тайно.
Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть Налемъ великимъ;
Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ небесахъ, гремитъ колесница,
Кто онъ иной, какъ не Наль, мой великій владыка? Такъ думалъ,
Молча, Варшнея и въ бѣдномъ Вагукѣ угадывалъ Наля.
III.—Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію Наля, какъ буря,
Мчались впередъ по горамъ, по доламъ, черезъ рѣки, потоки.
Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна повязка. Вагука,
Стой! онъ сказалъ, пускай Варшнея подастъ мнѣ повязку.
Поздно! отвѣтствовалъ Наль-Вагука, ужъ мы отскакали
Болѣе мили; оставимъ повязку. Царь изумился;
Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку, вѣтвисто-густою
Сѣнью покрытое дерево. Слушай, Вагука, сказалъ онъ,
Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ всезнанья; въ искусствѣ
Править конями ты первый; за то мнѣ далося искусство
Счета, и знаю я тайну играть навѣрное въ кости.
Видишь ли тамъ вдалекѣ то вѣтвистое дерево? Много
Листьевъ на немъ и много плодовъ; но много ихъ также,
Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ. Такъ знай же: упало
Листьевъ четыреста три и съ ними свалилось сто десять
Спѣлыхъ плодовъ; всѣхъ сучьевъ семь сотъ сорокъ девять; на сучьяхъ
Листьевъ осталося пять милліоновъ и восемь; плодовъ же
Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ, восемьсотъ сорокъ
Три созрѣвающихъ, семьдесятъ восемь гнилыхъ. Хоть повѣрку
Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей ошибки. Въ эту минуту
Были они ужъ близъ дерева. Стойте, воскликнулъ Вагука,

Добрые кони; такому чудному счету нельзя мнѣ
Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ и листьевъ
Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Варшнея подержитъ
Возжи, покуда я буду считать. Рituпернъ ужаснулся.
Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ, не время намъ
медлить.
Но Вагука [былъ умыселъ свой у него] непремѣнно
Счетъ повѣрить хотѣлъ. Подожди, царю отвѣчалъ онъ;
Или — если ужъ такъ ты поспѣшенъ — прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будетъ конями
Править. На то Рituпернъ возразилъ, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: не упрямься, добрый Вагука; въ искусствѣ
Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и въ Видарбу
Только съ тобою однимъ поспѣть намъ къ вечеру можно.
Я [самъ видишь ты это] во власти твоей; не держи же
Долѣ меня; я сдѣлаю все въ твое угожденье,
Если только въ Видарбу доѣдемъ прежде, чѣмъ сядетъ
Солнце. Вагука, вмѣсто отвѣта, коней удержавши,
Съ козелъ сошелъ и началъ спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ царю Рituперну.
Вотъ поглядимъ, не ошибся ль ты въ счетѣ сучьевъ и
листьевъ?
Царь кипѣлъ нетерпѣньемъ. Будь же доволенъ, Вагука.
Развѣ мало тебѣ одного доказательства? — Мало,
Царь-государь, Вагука сказалъ, но если ты хочешь
Разомъ все кончить, то самъ объясни мнѣ, какъ могъ ты
такъ много
Счесть въ такое короткое время? — Знай же, воскликнулъ
Царь [не отъ доброй души, а взбѣшенный упорствомъ Вагуки],
Я одаренъ могуществомъ счета и тайнымъ искусствомъ
Въ кости играть навѣрное. — Ежели такъ, то теперь же
То и другое мнѣ передай; въ замѣну искусство
Править конями получишь, сказалъ Вагука. — Согласенъ,
Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ царь; и могущество счета и тайну

Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя же, Вагука,
Даръ твой приму, какъ скоро пріѣдемъ въ Видарбу. Лишь только
Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ у Наля открылись
Очи и онъ всѣ вѣтви, плоды и листы Вибитаки
Разомъ могъ перечесть; и въ то же мгновенье, когда онъ
Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокрытый дотолѣ
Въ сердцѣ его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибитаку. При первомъ
Чувствѣ свободы Наль обезпамятѣлъ; скоро однако
Онъ очнулся, и видя лицомъ къ лицу предъ собою
Злаго врага своего, хотѣлъ проклясть нечестивца;
Но Кали возопилъ, поднявши руки смиренно:
Наль, воздержися отъ клятвы; уже довольно наказанъ
Былъ я проклятьемъ, въ минуту страданья твоею женою
Противъ меня изреченнымъ [хотя и былъ ей невѣдомъ
Общій вашъ врагъ]. Съ тѣхъ поръ я, замкнутый въ тебѣ, какъ въ темницѣ,
Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты былъ радостью бѣденъ.
Мучимый ядомъ царя змѣинаго, дерно и ночно
Самъ я себя проклиналъ. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отнынѣ безсиленъ; отнынѣ каждый, кто повѣсть
Бѣдственной жизни твоей прочитаетъ, тебя прославляя,
Будетъ отъ козней моихъ огражденъ, и власти подобныхъ
Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ. Смягченный молящимъ
Словомъ врага побѣжденнаго, Наль воздержался отъ клятвы.
Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и полное жизни
Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ изумился
Царь Ритупернъ [того же, что съ Налемъ въ эту минуту
Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ онъ]. Едва искуситель
Скрылся—отъ муки избавленный, радостно блещущій, новой
Жизнію пламенный, вдвое могучій, сѣлъ въ колесницу
Наль, и кони помчались; а онъ, упредивъ ихъ, душою
Былъ ужъ въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была Дамаянти, куда онъ

Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но все еще бѣдный, бездомный
Царь, возвращался подъ видомъ чужимъ, никому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.—Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнулъ
Царь Ритупернъ. Немедля о гостѣ нежданомъ царь Бима
Былъ извѣщенъ, и имъ приглашенный, въ сіяньи вечернемъ
Въѣхалъ въ Видарбу владыка Айоды. Какъ громъ отзывался
Стукъ колесницы его съ осьми сторонъ небосклона.
Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почуяли тотчасъ
Налевы кони [которыхъ еще до изгнанья царева
Къ Бимѣ съ дѣтьми сама Дамаянти прислала];
Радостнымъ ржаньемъ, какъ будто при Налѣ, они отвѣчали
Дружно на звукъ, имъ знакомый; и вслушавшись въ звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налево, въ вѣщее сердце
Вдругъ проникло—такъ и жена и кони узнали
Разомъ Наля по стуку его колесницы. И въ стойлахъ
Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой павлины, расширивъ
Радугой пышной хвосты, при этомъ неслыханномъ стукѣ
Вдругъ встрепенулись; подняли хоботъ слоны; закричали,
Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ павлины, какъ будто
Чуя грозы, обѣщающей дождь, приближенье. И съ райскимъ
Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ, про себя Дамаянти
Такъ говорила: мнѣ этотъ стукъ колесницы и этотъ
Топотъ, тревожащій небо и землю, насквозь проникаютъ
Душу. Это Наль мой владыка, Наль мой желанный!
Если его я нынѣче жъ лицомъ къ лицу не увижу,
Если нынѣче же въ сладкихъ объятіяхъ Наля не буду,
Если это не онъ, столь чудно гремящій, не свѣтлый

Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло
Сердце, то болѣе жить мнѣ не должно; и въ жаркое лоно
Пламени брошусь, чтобъ кончить тоску одинокія жизни.
О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
Страхъ одиночества, стыдъ нищеты, безпріютность, разлуки
Тяжкая боль—изъ сердца изглажено все; я не помню
Слова обиднаго, взгляда суроваго; помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избраннаго сердцемъ,
Радость души, благороднаго, кроткаго, сильнаго волей,
Тихаго нравомъ, разумомъ мудраго, сердцемъ младенца,
Наля, мою надежду, спасеніе, жизнь. Непрестанно
Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладкомъ
Голосѣ, нѣжныхъ рѣчахъ, и всею душой погружаясь
Въ думу любви, быть розно съ нимъ, несказано любимымъ—
Вотъ страданье, которому имени нѣтъ. Въ сокрушенныхъ
Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда на дворцовой
Верхней площадкѣ съ служанкой своей, молодою Кезиной.
Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ широкій влетѣли
Кони, гремя и дымясь, съ колесницей; и въ той колесницѣ
Были трое: царь Ритупернъ, Вагука, Варшнея.
Гдѣ же Наль?... Съ томительнымъ страхомъ глядитъ Дамаянти;
Видитъ царя; Варшнею потомъ узнаетъ; напослѣдокъ
Смотритъ на ихъ безобразнаго спутника—ей незнакомъ онъ.
Тою порой Ритупернъ сошелъ съ колесницы; Варшнея
Также; Вагука началъ разнуздывать коней; и въ это жъ
Время вышелъ Бима гостю навстрѣчу. Другъ другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что другъ другу сказать. Ритупернъ, осмотрясь, не примѣтилъ
Въ царскомъ дворцѣ ничего, что бъ канунъ означало большаго
Праздника; онъ подумалъ: я былъ легковѣрно обманутъ
Ложною вѣстью; и Бимѣ сказалъ онъ: здравья и долгихъ
Лѣтъ тебѣ я желаю. Бима такимъ же привѣтнымъ
Словомъ отвѣтствовалъ. Что, потомъ онъ спросилъ, привело

къ намъ

Въ нашу столицу Видарбу такого великаго гостя?
Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ никакого
Знака, чтобъ были другіе царй и царевичи въ царскомъ
Домѣ, владыка Айоды отвѣтствовалъ: видѣть хотѣлъ я,
Царь благодушный, тебя и, съ тобой познакомясь, провѣдать
Все ли въ твоемъ благоденствуетъ царствѣ? Мудрому Бимѣ
Страннымъ отвѣтъ такой показался, и было ему непонятно,
Какъ могло прійти на умъ царю Риту перну
Путь такой предпринять лишь за тѣмъ, чтобъ провѣдать,
здоровъ ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. Тутъ есть, онъ подумалъ,
Вѣрно другая причина. Узнаемъ мы послѣ. И руку
Ласково гостю подавши, сказалъ онъ: милости просимъ,
Царь Риту пернъ; мы рады весьма твоему посѣщенью,
Но ты усталъ; войди къ намъ въ палаты и тамъ успокойся;
Что ни прикажешь, все будетъ исполнено. Вмѣстѣ съ Варшнеей
Царь Риту пернъ вошелъ во дворецъ; а Вагука, отпрягши
Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню; потомъ, возвратяся,
Сѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колесницѣ и скоро
Въ грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. Уже ль обманулось
Сердце мое? сказала она; но стукъ колесницы
Былъ мнѣ знакомый, былъ подлинно Налевъ.... а Наля не
вижу,
Или Варшнея искусство его перенялъ? Иль открыли
Боги его царю Риту перну? Такъ Дамаянти
Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ наконецъ, обратяся
Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она ей сказала:
П.—Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто въ колесницѣ
Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицомъ некрасивый,
Руки короткія? Съ нимъ заведя разговоръ, постарайся
Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье тревожитъ: не самъ ли
Наль таится подъ этимъ уродливымъ видомъ? Ты вотъ что
Сдѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ будто случайно
Тѣ слова, которыя всюду браминамъ велѣла

Я повторять; увидишь, не дастъ ли какого отвѣта
Онъ на нихъ, и ежели дастъ, то все, что ни скажетъ,
Ты замѣть и мнѣ передай.—Кезина къ Вагукѣ
Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ, на прежнемъ мѣстѣ оставшись,
Сверху смотрѣла на нихъ. Кезина, приближась къ Вагукѣ,
Такъ сказала ему: благородные гости, будь въ добрый
Часъ вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мнѣ приказала узнать, зачѣмъ вы здѣсь и откуда?
Мы изъ Айоды, царю Ритуперну подвластнаго царства,
Такъ Вагука сказалъ. Узнавъ отъ брамина, что будетъ
Снова супруга себѣ выбирать Дамаянти, айодскій
Царь на своихъ быстроногихъ коняхъ, которыми правлю
Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ другими на выборъ.—
Ты не одинъ при царѣ; васъ двое; кто твой товарищъ?
Кто ты самъ, и откуда, и какъ къ царю Ритуперну
Въ службу вступилъ? — Мой товарищъ Варшнея, бывшій конюшій
Наля; меня называютъ Вагука; что я не красавецъ,
Это ты видишь; служу у царя на конюшнѣ, но могъ бы
Также служить и на кухнѣ, ибо я столь же искусенъ
Вкусную пищу готовить, какъ править конями.—Скажи жъ мнѣ,
Снова спросила Кезина его, не дошла ль до Варшнеи
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты объ немъ не слыхалъ ли?—
Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагука сказалъ, проводивши
Къ дѣду и царскихъ коней оставивъ въ Видарбѣ, Варшнея
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну. О участи Наля
Онъ не знаетъ, и нѣтъ на землѣ никого, кто о ней бы
Что нибудь зналъ; подъ видомъ чужимъ, въ невѣдомомъ мѣстѣ
Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ о Налѣ
Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ одно; никому онъ,
Кромѣ ея, не открылъ своихъ таинственныхъ знаковъ. —
Но [сказала Кезина] браминъ, посѣтившій Айоду,
Встрѣтясь съ тобою, тебѣ повторилъ слова Дамаянти:
«Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ
Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,

Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
Къ ней ты пришелъ; о тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ на погибель заснула
Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
Мужъ для жены; а ты что сдѣлалъ съ своею женою?
Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благороднымъ?»
Помнишь ли, что на эти слова отвѣчалъ ты брамину? —
Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный незапною болью любви, не имѣлъ онъ
Силы вымолвить слова; рыдающимъ голосомъ, очи
Полныя слезъ опустивъ, напослѣдокъ тихо сказалъ онъ:
«Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду;
Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
Самъ уничтожить могъ; если отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй женою
Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣтилось, доброе, злое,
Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
Радость не радостью — будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады.»
Съ этимъ словомъ вся Налева скорбь пробудилась въ Вагукѣ;
Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полилися. Кезина
Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣстить Дамаянти.

III. — Это Наль! [Дамаянти сказала въ смезахъ, съ замираньемъ
Сердца Кезину выслушавъ] это мой царь, мой владыка,
Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно слѣдуй за каждымъ
Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ль въ томъ, что замѣтишь,

Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужинъ начнетъ онъ готовить царю Ритуперну — смотри же,
Такъ устрой, чтобъ онъ ни воды, ни огня для варенья
Пищи не могъ получить и замѣть потомъ, что начнетъ онъ
Дѣлать: и все другое, что въ немъ покажется чуднымъ,
Также мнѣ опиши. — Кезина пошла, и исполнивъ
Волю царицы, явилася къ ней своимъ донесеньемъ:
Нѣтъ! ни прежде видать не случалось, ни послѣ увидѣть
Мнѣ не случится того, что теперь предо мною сбылося;
Этотъ Вагука не просто земной человѣкъ; онъ съ богами
Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни низко, ни тѣсно;
Къ низкимъ дверямъ подойдетъ — головы не наклонитъ, а сами
Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное мѣсто просторнымъ
Вдругъ при его приближеньи становится. Всякихъ припасовъ
Вмѣстѣ съ посудой царь Бима велѣлъ приготовить, чтобъ ужинъ
Онъ для царя Ритуперна сварилъ; но воды, какъ тобою
Было приказано, не дали; онъ того не замѣтилъ,
Только взглянулъ, и водой всѣ сосуды наполнились, также
Онъ и огня подъ дрова попросить не подумалъ, а только
Взялъ соломы и мигомъ сама собою солома
Вспыхнула. Много другаго замѣтила я: безъ обжоги
Голой рукой разгребалъ онъ огонь: вода закипала,
Только что къ ней онъ касался. Но чудо послѣднее болѣ
Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую розу
Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ лежала;
Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее и явилась живая
Роза въ рукѣ у него на мѣстѣ прежней, поблекшей.
Послѣ такого неслыханно-чуднаго дѣла, царица,
Я побѣжала немедля къ тебѣ. — Но уже Дамаянти
Болѣ сомнѣнья имѣть не могла, то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные въ самый день брака
Имъ отъ боговъ, и она ужъ, блаженствуя, видѣла сердцемъ
Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще для очей былъ Вагука.

Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Кезинѣ царица;
Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной, чудно пріятенъ;
Хочется знать мнѣ, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркова кусокъ.—Побѣжала Кезина къ Вагукѣ
Снова, и скоро назадъ возвратилась съ дымящимся мясомъ.
Налевъ знакомый ей вкусъ Дамаянти узнала, отвѣдавъ
Мяса. Онъ здѣсь! онъ здѣсь! въ восхищеньи она повторяла
Мысленно; болѣ сомнѣнія нѣтъ. Но долго ль онъ будетъ
Свѣтлый свой образъ таить отъ жаждущихъ взоровъ и мучить
Бѣдное сердце мое нестерпимымъ желаньемъ свиданья? —
Такъ сокрушаясь, она наконецъ приказала Кезинѣ
Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца, чтобъ Вагукѣ
Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только Вагука увидѣлъ
Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявшихъ отца, въ немъ душа загорѣлась:
Кинулся къ нимъ онъ навстрѣчу, по имени назвалъ обоихъ,
Къ сердцу прижалъ и заплакалъ, и долго, долго, слезами
Ихъ обливая, отъ нихъ оторваться не могъ, но опомнясь,
Вдругъ отскочилъ и Кезинѣ сказалъ: я также имѣю
Двухъ дѣтей малолѣтныхъ, сына и дочь; совершенно
Съ этими сходны они, и давно я съ ними въ разлукѣ.
Вотъ отчего я и былъ такъ сильно встревоженъ ихъ встрѣчей;
Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто ко мнѣ ты
Ходишь, и будетъ тебѣ оттого безъ вины нареканье;
Съ миромъ отсюда поди и болѣ ко мнѣ не являйся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.—Все, что было ей нужно, узнавъ, Дамаянти рѣшилась
Сдѣлать опытъ послѣдній и матери вотъ что сказала:
Кликни Вагуку къ себѣ, я тайну эту открою;
Наль отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я вѣрю. Царица, согласно
Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей, царь съ трепетаніемъ тайнымъ

Сталъ наконецъ предъ лицомъ своей Дамаянти. Безгласенъ
Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ скорби,
Чистаго ангела радости въ платьѣ печальномъ вдовицы.
Сердцу его несказанный упрекъ, передъ нимъ Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взоръ на него устремивши.
Дай отвѣтъ мнѣ, Вагука! — она напослѣдокъ сказала —
Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который былъ бы способенъ
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую съ твердой
Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащитную бросить,
Бросить одну, безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, дотолѣ
Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣломъ, ни словомъ,
Ниже какимъ помышленьемъ предъ нимъ невиновную? Вотъ что
Сдѣлалъ со мною, Вагука, супругъ мой Наль Шуньялока.
Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Онъ предъ богами
Выбранъ былъ мной, предъ богами я съ нимъ сочеталась, и боги
Слышали клятву, имъ данную мнѣ, въ любви неизмѣнной.
Какъ же, Вагука, онъ могъ измѣнить своей Дамаянти,
Радостнымъ сердцемъ и горе и бѣдность и стыдъ и изгнанье
Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, которой сказалъ онъ,
Руку ей давъ предъ святымъ алтаремъ: «тебя я отнынѣ
Буду чтить и любить, защищать и питать, и съ тобою
Горе и радость, богатство и бѣдность и все неизмѣнно
Въ жизни дѣлить обѣщаюсь?» Вагука, скажи мнѣ, какъ могъ онъ
Такъ измѣниться, такъ все позабыть? — Сокрушенный и блѣдный
Слушалъ въ безмолвіи Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покрыты
Облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ сквозь густыя рѣсницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихимъ,
Трепетнымъ голосомъ Наль отвѣчалъ: что нишадское царство
Было проиграно Налемъ, не онъ въ томъ несчастный виновенъ;

Злобный Кали обезумилъ его и имъ же, коварно
Вкравшимся въ сердце къ нему, очарованный Наль, въ изступленьи
Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу ты — не зная,
Кто онъ—врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго Налевымъ сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
Адски страдалъ онъ, какъ въ пламени пламень горя, заключенный
Въ страждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной тюрьмѣ. Отъ нечистаго духа
Наль избавленъ и будетъ отъ всякой онъ клятвы свободенъ,
Если, увидясь съ женою, найдетъ, что ему сохранила
Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай, Дамаянти,
Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты вѣрность?
По свѣту ходятъ гонцы отъ тебя и отвсюду сзываютъ
Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну погибшаго Наля.
Вотъ что сюда привело и царя Ритуперна, и самъ я,
Бѣдный конюшій Вагука, его конями былъ долженъ
Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на счастливый выборъ.— Услышавъ
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и съ чистымъ
Взглядомъ небеснаго ангела, ангелъ земной, Дамаянти
Такъ отвѣчала: тебѣ ль, мой избранный, тебѣ ль, предпочтенный
Мною богамъ, меня оскорблять такимъ подозрѣньемъ?
Вѣдай, сама я послала брамина къ царю Ритуперну
Съ ложною вѣстью о выборѣ новомъ въ Видарбѣ. Узнало
Сердце мое, что Вагука былъ ты, и невинный обманъ мой
Былъ удаченъ — ты мнѣ возвращенъ. И съ клятвою правды
Здѣсь, государь, прикасаясь къ колѣнамъ твоимъ, предъ тобою
Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ небомъ самимъ, говорю я:

Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей чистотѣ сохранила.
Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему поднебесью;
Вѣдаетъ все онъ; пускай онъ моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Солнце въ высокомъ блаженствѣ сіяетъ, горитъ надъ водами,
Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моимъ обвинителемъ будетъ
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ ночномъ замѣчаетъ
Тайное все въ небесахъ и тайное все въ поднебесьи,
Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила.
Пусть и небесныя силы, хранящія небо и землю,
Правду мою подтвердятъ пль смерть мнѣ пошлютъ за неправду.—
Такъ вызывала и небо и землю въ свидѣтелц чистой
Жизни своей Дамаянти; и вотъ ей откликнулся съ неба
Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ пространства лазурнаго свѣжимъ
Словомъ провѣялъ: «какъ небо мое, чиста Дамаянти,
Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова ея правда;
Вѣрь ей, и руку подай, какъ женѣ безпорочной, и будутъ
Снова межъ вами союзъ и покой, и любовь и согласье.»
Вѣтеръ умолкнулъ и райской прохладой отвсюду повѣялъ
Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ благовоннымъ
Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпановъ. Такимъ нескаванно
Чуднымъ свидѣтельствомъ Наль исцѣленный отъ всѣхъ подозрѣній,
Вспомнилъ о томъ, что ему сказалъ царь-змѣй на прощаньи,
Въ данный имъ зеркальный щитъ поглядѣлъ и въ минуту явился
Прежнимъ Налемъ, и руки простеръ къ своей Дамаянти.
Съ крикомъ пронзительнымъ кинулась въ нихъ Дамаянти и этотъ

Мигъ единый стократъ заплатилъ имъ за долгія муки.
Голову Наля прижавши къ своей цѣломудренной груди,
Въ сладкомъ забвеньи всего, въ упоеньи любви Дамаянти
Долго безгласна была; она—то сквозь слезъ улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то отъ избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетавшихся снова
Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ наконецъ отдохнули
Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повѣсть о томъ, что розно другъ съ другомъ они претерпѣли,
Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣлъ и сліянье,
Все въ одномъ заключилося чувствѣ: мы вмѣстѣ; и память
Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостью, свѣтомъ отъ тѣни
Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ разсказомъ
Сдѣлалась. Такъ, по долгой въ изгнаньи тоскѣ, возвратился
Наль къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго, хладнаго знака
Въ знакъ весны возвращается; такъ Дамаянти, приникнувъ
Къ сердцу Наля, опять расцвѣла, какъ сіяющій вешнимъ
Цвѣтомъ садъ живѣй расцвѣтаетъ, дождемъ орошенный.
Тутъ пропѣли два соловья имъ пѣсню такую:

«Снова Дамаянти съ Налемъ неразлучна;
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья; такъ ликуетъ въ небѣ
Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный—мѣсяцъ.»

II.—Рано, лишь только что день занялся на востокѣ, царица
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вѣстью.
Наль возвратился, Бимѣ сказала она, Дамаянти
Съ мужемъ опять и снова съ ними согласіе.—Бима
Поднялъ брови, незапною вѣстью такой изумленный.
Тутъ царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля царя заманила въ Видарбу, какою
Выдумкой царь Ритупернъ былъ обманутъ. И ей, улыбаясь,

Бима отвѣтствовалъ кротко: я вашу женскую хитрость
Вамъ прощаю за то, что она удалась.—Тутъ явился
Наль съ Дамаянти и съ ними ихъ дѣти. Приблизился къ тестю
Наль, Дамаянти приблизилась къ матери. Зятя, какъ сына,
Ласково принялъ царь благодушный Бима и нѣжнымъ
Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся счастьемъ.
Скоро потомъ пришли и братья и подали руку
Налю и братски съ сестрой обнялися; потомъ отовсюду
Стали сходиться сродники, ближніе; вотъ напослѣдокъ
Вся Видарба наполнилась шумомъ торжественнымъ; домы
Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ явились знамена;
Площади, улицы всѣ закипѣли народомъ, и въ храмахъ
Жертвы зажглися. И вотъ наконецъ до царя Ритуперна
Слухъ дошелъ, что Вагука, конюхъ его, обратился
Въ Наля, что мужа нашла Дамаянти, что новаго дѣлать
Выбора ей не нужно. И царь Ритупернъ дружелюбно,
Къ Налю пришедши, сказалъ: поздравляю тебя благородный
Царь нишадскій, съ благой перемѣной судьбы, съ возвращеньемъ
Прежняго вида и болѣ всего съ обрѣтѣніемъ милой,
Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣлалъ,
Наль знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ образѣ царскомъ
Жилъ ты слугой у меня, то въ томъ виноватъ безъ вины я;
Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя извиненья.—
Царь Ритупернъ, отвѣтствовалъ Наль, оскорбленья и тѣни
Я не видалъ отъ тебя; но когда бъ и обиженъ тобою
Былъ я, то Налю царю обидъ, нанесенныхъ Вагукѣ
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритупернъ, и чту и люблю, какъ царскаго брата.
Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господиномъ, когда подъ твоею
Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь благосклоннымъ
Другомъ будь мнѣ, царю нишадскому Налю. Ты видишь
Самъ, что Вагукѣ конюшимъ твоимъ ужъ не быть; безъ сомнѣнья

Также захочетъ въ прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но въ убыткѣ ты, царь Ритупернъ, не останешься; даръ мой
Править конями тебѣ отдаю я рукою и словомъ,
Такъ же, какъ самъ отъ тебя могущество счета съ искусствомъ
Въ кости играть получилъ, и нынѣ въ Айоду ты столь же
Быстро пріѣдешь одинъ, сколь быстро пріѣхалъ оттуда
Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ даннымъ.—Другъ другу
Подали руку цари на любовь и союзъ; и въ Айоду
Царь Ритупернъ возвратился. Наль, горя нетерпѣньемъ
Выиграть тронъ свой, также недолго остался въ Видарбѣ.

III.—Мѣсяцъ проживши у тестя, съ избранной дружиною храбрыхъ
Наль пошелъ наконецъ на свое нишадское царство;
Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестящей; могучіе кони
Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его покоряясь;
Слѣдомъ за нимъ шестнадцать слоновъ боевыхъ съ крѣпостными
Башнями, полными ратниковъ, шли; за слонами скакали
Конные, легкій отрядъ, пятьдесятъ копьеносцевъ; за ними
Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ стрѣлковъ. Не сражаться
Велъ ихъ Наль, а украсить свое вступленье въ Нишаду.
Такъ снарядившись, царь на прощаньи сказалъ Дамаянти:
Ты оставайся подъ кровлей отцовской, покуда не ввелъ я
Новаго счастья въ нашъ домъ и его отъ врага не очистилъ,
Счастіе прежнее въ немъ истребившаго; съ миромъ тогда ты
Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься, какъ на небо свѣтлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
Въ радости здѣсь, ожидая блаженной минуты возврата
Въ домъ семейный, на новое счастье, на новую славу.—
Взоромъ однимъ Дамаянти царю отвѣчала, но въ этомъ
Взорѣ, полномъ небесной души, была ужъ побѣда.

Быстрою бурею Наль полетѣлъ и скоро достигъ онъ
Въ грозномъ величіи царства, изъ коего нѣкогда вышелъ
Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкарѣ, владѣвшему нынѣ
Бывшимъ престоломъ его, онъ сказалъ: я тебя вызываю
Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену; ты поставишь
Все нишадское царство — довольно ль съ тебя? Но сначала
Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ: когда проиграешь
Ты — то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ, и надъ самой
Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ проиграю
Я — то все, чѣмъ владѣю, возмешь ты, ежели можешь:
Знай напередъ, что тогда мы съ тобою мечемъ разочтемся.
Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры мнѣ на вызовъ
Къ новой игрѣ отказать невозможно; и властенъ теперь ты
Выбрать изъ двухъ любую игру: въ желѣзо, иль въ кости.
Хочешь отвѣдать меча — выходи; я радъ поединку;
Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой
Должно умѣть намъ его возвратить; такъ учили насъ предки.
Часъ наступилъ; принимайся, Пушкара, за мечъ иль за кости.
Или тебѣ живому не быть, иль я Дамаянти
Съ жизнью тебѣ уступлю. — На этотъ вызовъ Пушкара
Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: готовъ я еще разъ съ тобою
Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ игра роковая:
Го́ря съ тобой въ нищетѣ Дамаянти довольно терпѣла;
Власть и богатство со мною раздѣлитъ она и забудетъ
Прошлое скоро; а я и на тронѣ нишадскомъ всечасно
Думалъ объ ней, и ждалъ, что придешь ты; и вотъ напослѣдокъ
Ты пришелъ, и будетъ моей Дамаянти, и болѣ
Мнѣ ничего на землѣ желать не останется. — Этимъ
Дерзкимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ свой хулителю въ сердце
Чуть не вонзилъ въ запальчивости Наль, но собой овладѣвши,
Онъ сказалъ, трепеща и кипя и сверкая: безумецъ,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь.—И кости

Брошены — все рѣшено: обратно нишадское царство
Съ первымъ ударомъ выигралъ Наль у Пушкары. Со смѣхомъ
Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, побѣжденнаго. Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которымъ
Думалъ владѣть ты, по-прежнему стало моимъ и отнынѣ
Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ; теперь межъ царемъ и межъ царствомъ
Третій никто не дерзнетъ протѣсниться. Мою жъ Дамаянти
Ты и во снѣ недостоинъ увидѣть; ты рабъ мой отнынѣ;
Такъ рѣшила судьба. Но слушай: не властью твоею
Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола; Кали искуситель,
Врагъ мой, тебѣ помогалъ, ты объ этомъ не зналъ безразсудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебѣ преступленья чужаго
Я не хочу. Живи, и будь милосердіе неба
Вѣчно съ тобой, и вражды да не будетъ межъ нами, Пушкара,
Братъ мой; живи, благоденствуя многіе, многіе годы. —
Весь уничтоженный благостью брата, предъ нимъ на колѣна
Бросился, плача, Пушкара. О Наль Пуньялока, да будетъ
Милость боговъ и всякое благо земное съ тобою.
Въ скромномъ удѣлѣ моемъ я, твой подданный, буду спокойнѣй
Жить, чѣмъ на тронѣ твоемъ, гдѣ покой мой основанъ
Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и своими отнынѣ
Буду я столь же любимъ, сколь былъ ненавидимъ твоими.
Прежде однако очищу себя отъ вины омовеньемъ
Въ Гангесѣ грѣшнаго тѣла; въ его благодатныя волны
Брошу, проклявъ ихъ, враждебныя кости, которыми злые
Властвуютъ духи. А ты, сюда возвративъ Дамаянти
Въ блескѣ прекраснаго солнца, скажи ей, чтобъ гнѣва
Въ сердцѣ ко мнѣ не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищеннымъ въ опытѣ счастьемъ.

1842

1 іюля 1842. *

Встаетъ Христовъ знаменоносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ;
Сѣдлаетъ бѣлаго коня,
И въ панцырѣ, свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ
По свѣтозарнымъ небесамъ,
По громоносным облакамъ
Летитъ въ знакомый край полночи;
Горятъ звѣздами чудны очи;
Прекрасенъ блескъ его лица;
Въ рукѣ могучей два вѣнца:
Одинъ вѣнецъ изъ лавровъ чистыхъ,
Другой изъ бѣлыхъ розъ душистыхъ.

Зачѣмъ же онъ на Русь летитъ?....
Онъ съ тѣхъ временъ, какъ Русь стоитъ,
Всегда пророчески являлся,
Какъ скоро Божій судъ свершался,
Во славу, иль въ спасенье намъ.
Онъ въ первый разъ явился тамъ —
Какъ вождь, сподвижникъ и хранитель —
Гдѣ вѣнценосный нашъ крститель
Во іордань днѣпровскихъ водъ
Свой вѣрный погрузилъ народъ,

* Сіи стихи, писанные на праздникъ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ то же время изъясненіемъ картины [поднесенной Рейтерномъ императору Николаю], на которой изображенъ Георгій побѣдоносецъ съ двумя вѣнками въ рукахъ: одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый. — В. Ж.

И стала Русь земля Христова.
Тамъ у Крещатика святова
Союзъ свой съ нами заключилъ
Великій ратникъ Божьихъ силъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ.
Когда свирѣпый бѣдоносецъ
На Русь половчанинъ напалъ,
Передъ врагомъ невѣрнымъ сталъ
Онъ вмѣстѣ съ бодрымъ Мономахомъ,
И надолго, объятый страхомъ,
Врагъ заперся въ своихъ степяхъ.
Но нашъ великій Мономахъ,
Тѣхъ дней послѣднее свѣтило,
Угасъ, и время наступило
Неизглаголанное золъ:
Пожаръ усобицъ и крамолъ
Повсюду вспыхнулъ; братъ на брата
Пошелъ войной и супостата
Губить отчизну подкупилъ,
И, обезумясь, потащилъ
Самъ русскій матерь-Русь ко гробу....
Тогда Господь на нашу злобу
Свой гнѣвъ карающій послалъ:
На насъ ордынецъ набѣжалъ,
И опозорилъ Русь святую,
Тяжелую, двухвѣковую
На шею цѣпь набросивъ ей;
Тогда погибла честь князей:
Топоръ ордынца своенравно
Ругался ихъ главой державной,
И прежней славы самый слѣдъ
Исчезъ... одинъ во мглѣ сихъ бѣдъ,
Въ шуму сихъ страшныхъ вражьихъ оргій,
Нашъ Божій ратникъ, нашъ Георгій,
Намъ неизмѣнно вѣренъ былъ;

Звѣздой надежды онъ свѣтилъ
Намъ изъ-за тучи испытанья;
О бодрыхъ праотцахъ преданья
Унывшимъ внукамъ онъ берегъ:
Его къ намъ милующій Богъ
Ниспослалъ, чтобъ подкрѣплялъ насъ,
Когда въ огнѣ скорбей ковалъ насъ
Въ несокрушаемый булатъ
Тяжелый испытанья млатъ;
И, мученикъ побѣдоносный,
Онъ плѣнъ мучительно-поносный
Терпѣть насъ мужески училъ:
Въ бояхъ же нашъ сподвижникъ былъ;
Онъ съ Невскимъ опрокинулъ шведа —
И стала невская побѣда
Въ началѣ долгихъ рабства бѣдъ
Святымъ пророчествомъ побѣдъ,
Создавшихъ снова нашу силу;
Онъ былъ Тверскому Михаилу
Утѣшнымъ спутникомъ въ Орду,
Предсталъ съ нимъ ханскому суду,
И братскую страдальцу руку
Простеръ, чтобъ онъ во славу — муку
За Русь и вѣру воспріялъ;
Когда Донской народъ созвалъ,
Чтобъ дать ордынцу пиръ кровавый,
Въ день воскресенья нашей славы,
Надъ нашей ратью въ вышинѣ
Побѣдоносецъ на конѣ
Явился грозный, и блистая,
Какъ въ небѣ туча громовая,
Воздвиглось знамя со крестомъ
Передъ испуганнымъ врагомъ,
И первый русскій бой свободы
Однимъ великимъ днемъ за годы

Стыда и рабства отомстилъ.
Срокъ искупленья наступилъ;
Въ насъ запылала жизнь иная;
Преображенная, младая,
Свершивъ дорогу темныхъ бѣдъ,
Дорогой свѣтлою побѣдъ
Пошла къ своей чредѣ Россія;
И все, что времена лихія
Насильно взяли, то она,
Въ благія славы времена,
Сама взяла обратно съ бою;
И вмѣстѣ съ ней рука съ рукою
Ея побѣдоносецъ шелъ.
Орды разрушился престолъ;
Казань враждебная исчезла;
За грань Урала перелѣзла
Лихая шайка Ермака,
И передъ саблей казака
Съ своими дикими ордами
И златоносными горами
Смирилась мрачная Сибирь...
Тогда святой нашъ богатырь,
Съ нашествіемъ и плѣномъ сладивъ,
И съ Руси слѣдъ послѣдній сгладивъ
Стыда и бѣдъ, взмахнулъ мечемъ,
И быстро обскакалъ кругомъ
Ея врагамъ доступной грани;
И начались иныя брани
На всѣхъ концахъ ея тогда:
Чудотворящая звѣзда
Петрова знаменіемъ славы
Намъ возсіяла въ день Полтавы,
И свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ
Свою торжественно развилъ
Хоругвь съ крестомъ надъ Русью славной;

Изъ Бельта флотъ ея державный
Намъ путь открылъ во всѣ моря;
Смирился Каспій, отворя
Ей древнія свои пучины;
Горами смерзшіяся льдины
И неподвижный свой туманъ
Ей Ледовитый океанъ
Воздвигъ на полночь твердой гранью;
Могучею покрыла дланью
Весь сѣверъ Азіи она;
Ея съ побѣдой знамена
Черезъ Кавказъ переступили,
И грозно пушки огласили
Предъ ней Балканъ и Араратъ,
И дрогнулъ въ ужасѣ Царьградъ.
Отмстились древнія обиды:
Законно взяли мы съ Тавриды,
Что было взято съ насъ Ордой;
И за отнятое Литвой
Намъ Польша съ лихвой заплатила
Въ кровавый день, когда рѣшила
Судьба межъ двухъ родныхъ племенъ
Споръ, съ незапамятныхъ временъ
Сосѣдствомъ гибельнымъ зажженный,
И роковымъ лишь погашенный
Паденьемъ одного изъ двухъ.
И все свершилося: потухъ
Для насъ въ побѣдахъ пламень брани;
Несокрушаемыя грани
Намъ всюду создала война;
Жизнеобильна и сильна,
Въ могуществѣ миролюбива,
Въ избыткѣ славы не строптива,
Друзьямъ сподвижникъ, врагъ врагамъ,
Надежный царствамъ и царямъ

Союзникъ въ дѣлѣ правды, славы,
Россія всѣ зоветъ державы
Въ могучій съ ней союзъ вступить,
Чтобъ миротворной правдой слить
Въ одно семейство всѣ народы.

Небесные покинувъ своды,
Зачѣмъ же нынѣ посѣтилъ
Насъ свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ,
Сподвижникъ нашъ побѣдоносный?
Давно ордынскій плѣнъ поносный
Забытъ; иноплеменный врагъ
На нашихъ нивахъ и поляхъ
Не разливаетъ разоренья;
Мы сами для побѣдъ иль мщенья,
Какъ то бывало въ старину,
Не мыслимъ начинать войну —
Зачѣмъ же нынѣ вдругъ предсталъ онъ?
Зачѣмъ поспѣшно осѣдлалъ онъ
Лихаго бѣлаго коня,
И въ панцырѣ, свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По небесамъ, по облакамъ,
Нежданый вдругъ примчался къ намъ? —
Не бранный гость, а миропосецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ,
Теперь пришелъ, не звать насъ въ бой,
А вмѣстѣ съ нами нашъ святой
Семейный пиръ царевъ отправить,
И русскій весь народъ поздравить
Съ прекраснымъ царской жизни днемъ,
Съ такимъ поздравить торжествомъ,
Какого царство не видало,
Какого прежде не бывало

Подъ кровлей царскаго дворца.
И два въ рукахъ его вѣнца:
Одинъ вѣнецъ царю въ подарокъ;
Изъ свѣжихъ лавровъ онъ, и ярокъ
Нетлѣнный блескъ его листовъ;
Онъ не увянетъ, какъ любовь
Къ царю, какъ царская держава,
Какъ честь царя, какъ Руси слава.
Царицѣ въ даръ вѣнецъ другой
Изъ бѣлыхъ розъ — ихъ блескъ живой
Съ ея душою сходенъ ясной;
Какъ роза бѣлая, прекрасно
На тронѣ жизнь ея цвѣтетъ,
И благодатное лiетъ
На все любви благоуханье;
Родной семьи очарованье,
Народа русскаго краса,
Свѣтла, чиста, какъ небеса,
Да долго намъ она сiяетъ,
Насъ радуетъ, насъ умиляетъ,
Незаходимою звѣздой
Горя надъ русскою землей....

Серебряную свадьбу правя
Царя великаго, и славя
Его домашнiй царскiй бытъ,
Которымъ онъ животворитъ
На всѣхъ концахъ своей державы
Семейные благiе нравы —
Любви супружней образецъ,
Дѣтей заботливый отецъ —
Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
«Да нѣкогда царю дозволитъ,
Чтобъ онъ съ царицею своей,
Всѣхъ сыновей и дочерей

И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
И тратъ въ семьѣ не испытавши,
Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
На праздникъ свадьбы золотой.»

Дюссельдорфъ. Іюня 22 [іюля 4] 1842.

1843

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

КОРСИКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ, ИЗЪ МЕРИМЕ.

Въ кустахъ, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккіо, со всѣхъ
Сторонъ звучали голоса и часто
Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ
Разсыльныхъ егерей; они ловили
Бандита стараго Санпьеро; но,
Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
Имъ не давался онъ, хотя на вылетъ
Простр҃ѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ
Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ,
Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео
Фальконе; но къ несчастью въ это время
Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома:
Онъ у воротъ стоялъ и на долину
Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ,
Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санпьеро
Бросается къ нему и говоритъ:
Спаси меня, я раненъ; егеря
За мною гонятся; они ужъ близко!
«Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать.» Что нужды! спрячь меня
Скорѣй. «Да что отецъ на это скажетъ?»

Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня жъ
На память вотъ тебѣ монета. — Мальчикъ,
Монету взявши, ввелъ на дворъ Санпьеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато жъ
[Такъ звали мальчика] проворно сѣномъ
Его закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,
И видъ спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ на дворъ съ своими Гамба [главный
Разсыльщикъ; онъ былъ родственникъ Маттео].
Не попадался ли тебѣ Санпьеро?
У мальчика спросилъ онъ; вѣрно здѣсь
Его ты видѣлъ. «Нѣтъ, я спалъ.» Ты лжешь;
Когда стрѣляютъ, спать нельзя. «Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я
И тутъ не просыпаюсь.» Отвѣчай же,
Куда ушелъ Санпьеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется. «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь?» Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высѣчетъ. «Анъ нѣтъ,
Не высѣчетъ.» Да гдѣ же твой отецъ?
«Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что я одинъ.» Къ товарищамъ тогда
Въ недоумѣньи обратившись, Гамба
Сказалъ: кровавый слѣдъ привелъ насъ прямо
Сюда; онъ вѣрно здѣсь; но этотъ домъ
Обыскивать не стану я; съ Маттео
Фальконе ссориться опасно. — Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Санпьеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ будто безъ намѣренья цѣпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвесть отъ мѣста роковаго

Старался. Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ: я ужъ давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Вѣдь у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ?
«Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ скоро
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ.» А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта пѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы. — И онъ на солнцѣ
Вертѣлъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгалъ
Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато....
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорной циферблатъ....
Ну что же, гдѣ Санпьеро? «А часы
Ты дашь мнѣ?» Дамъ. — И Гамба поднялъ выше
Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ,
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшися, они остановились.
Онъ искушенія не вынесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ лихорадкѣ
Онъ задрожалъ и, правую тихонько
Поднявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Санпьеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ онъ
На мальчика и, въ руки егерямъ
Отдавшися, сказалъ: другъ Гамба, ты
Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я идти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,

Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ. — И о немъ, какъ о родномъ
[Любя за храбрость и врага], они
Заботиться усердно принялися.
Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ
Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незваныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,
И подалъ знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
Въ его лицо всмотрѣвшися, онъ дуло
Ружья нацѣленнаге опустилъ.
«Маттео! — Гамба продолжалъ, къ нему
Навстрѣчу вышедъ — мы лихаго
Поймали звѣря; но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое нашихъ
Легли.» Кого? «Санпьеро, твоего
Пріятеля; вѣдь онъ и у тебя
Укралъ двухъ козъ.» То правда; но большая
Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь,
Не свой братъ.— «Вотъ стрѣлокъ! Отъ насъ бы вѣрно
Онъ ускользнулъ, когда бъ не Фортунато,
Мальчишка твой, помогъ намъ.» Фортунато!
Маттео вскрикнулъ. — Фортунато! мать
Со страхомъ повторила. «Да! Санпьеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато

Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы
Получите спасибо отъ начальства.»
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
Отъ раны изнемогши, суетились;
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу, но какъ скоро шумъ
Услышалъ и, глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшенъ былъ тотъ хохотъ.
Онъ плюнулъ на стѣну и, задыхаясь,
Глухимъ, осиплымъ голосомъ сказалъ:
Будь проклятъ этотъ домъ; Іуды здѣсь
Предатели живутъ! — Какъ полотно
Маттео поблѣднѣлъ, и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ какъ мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины; вслѣдъ за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужъ всѣ пропали за кустами....
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшися, хотѣлъ отцову руку
Поцѣловать; Маттео взвизгнулъ: прочь!
У мальчика подрѣзалися ноги;
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
«Моя ль въ немъ кровь?» сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео.
Вѣдь я жена твоя, она сказала,

Вся покраснѣвъ. «И онъ предатель!» Тутъ
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,
Увидѣла часы. Кто далъ тебѣ ихъ?
Она спросила. «Дядя Гамба.» Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у сына
Часы, ударилъ о́земь ихъ Маттео,
И въ дребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ будто въ забытьи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ, очнувшись, сыну
Сказалъ: за мной! — И онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: онъ
Твой сынъ! твой сынъ! кричала. Вырвавъ полу
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: а я
Его отецъ, пусти. — Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадоною она упала. —
Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ
Копнулъ: земля рыхла. «Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ, читай молитву.»
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу и завизжалъ: отецъ, прости
Меня; не убивай меня, отецъ.
«Читай молитву.» Мальчикъ, задыхаясь,
Пролепеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. «Ты кончилъ?» Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мнѣ выучить отецъ Франческо

Велѣлъ. «Она длинна; но съ Богомъ.» Дуломъ
Ружья подперши лобъ, онъ руки сжалъ,
И про себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. «Готовъ ты?» Ахъ, отецъ,
Не убивай меня. «Готовъ ты?» Ахъ!
Прости меня, отецъ. «Тебя проститъ
Всевышній Богъ». И выстрѣлъ загремѣлъ.
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На ногахъ онъ
Былъ твердъ; но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ
За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему навстрѣчу,
Услышавъ выстрѣлъ, кинулась жена:
«Мое дитя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
Маттео?» Долгъ свой. Тамъ онъ на полянѣ
Лежитъ. По немъ помпики будутъ: онъ,
Какъ христіанинъ, умеръ съ покаяньемъ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ. Ты же,
Когда сберешься съ силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Рѣшительную волю, чтобъ онъ нынѣче жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился.

КАПИТАНЪ БОППЪ.

ПОВѢСТЬ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ

Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бъ
Не сдобровать.... но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дни четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?» — То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?» Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
«Я, капитанъ.» Ахъ! Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ

Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить.» Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ смѣлѣе ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни-слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Непримиренный, еслибъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ

Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ, капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!... Что
Мнѣ дѣлать! Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего инаго
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ. «Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь.» Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?—Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость — но напрасно. Разъ, когда
По-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
Послушай, Робертъ; мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангелье: попробуй, поищи.
И подлинно, Евангелье нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»
Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ Евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется.—Робертъ

Раскрылъ Евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ,
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало,
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я.... что съ моей душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ!
Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?
«Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
Молитвы, кромѣ Отче нашъ не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ.» Ахъ! Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это онъ тебя благословитъ.

Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.—
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня! И оба
Рыдали. — Ради Бога, на колѣна
Стань, Робертъ, и молися за меня. —
И увлеченный жалостію мальчикъ
Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
Ты моего больнаго капитана!
Онъ хочетъ, чтобъ тебѣ я за него
Молился — я молиться не умѣю.
Умилосердись ты надъ нимъ; онъ бѣдный
Боится, что ему погибнуть должно —
Ты, Господи, не дай ему погибнуть;
Онъ говоритъ, что быть ему въ аду —
Ты, Господи, возьми его на небо;
Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
Его душой — ты, Господи, вели,
Чтобъ ангелъ твой вступился за него!
Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ
Покинули; но я, пока онъ живъ,
Ему служить не перестану; только
Спасти его я не умѣю; сжалься
Надъ нимъ ты, Господи, и научи
Меня молиться за него.» — Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову, и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также

Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое;
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней;
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я — кого же? Самого
Спасителя Христа; онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я, и приползъ къ его
Ногамъ, и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,

О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Исусъ Христосъ, помилуй! И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня—
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана, онъ взглянулъ....
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ нему поднять
Осмѣлился глаза.... и что же? Онъ....
Да, Робертъ!... онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О, что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на него глядѣлъ.... глядѣлъ.... и ждалъ....
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня....
И вдругъ его уста пошевелились,
И я его услышалъ голосъ.... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ.... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись....
Но сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: тотъ меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,

Что онъ сказалъ на вечери святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ.... При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.»
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ....
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ.... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.

Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣнахъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло.... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постели. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По-прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничъ
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

1843.

1844

ДВѢ ПОВѢСТИ.

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ ИЗДАТЕЛЮ МОСКВИТЯНИНА.*

[ИЗЪ ШАМИССО И РЮККЕРТА].

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, Кирѣевскій, теперь сталъ и москвичъ
И москвитянинъ. Въ добрый часъ; приняться
Давнымъ давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поётся; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза, и думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все однако
На новый годъ мнѣ должно подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Коню, ты знаешь самъ, не смотрятъ въ зубы.
И такъ прошу принять мой лептъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилося найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ

* Ив. Вас. Кирѣевскій.

Въ Талмудѣ. Я хочу преданье это
Здѣсь разсказать такъ точно, какъ оно
Разсказано въ еврейской древней книгѣ.
Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежемъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посредп спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ;
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава,
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастію; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
Туда! туда! съ мечемъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой

Принять, какъ даръ моей щедроты царской.
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечемъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя.—Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Ктобъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.
«Я царь земли!» воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ.
— Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ.
«Я Александръ!» — Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ. — На это Александръ:
«И такъ назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ.» На это стражъ:
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно

Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми. — Онъ взялъ; и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,
Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. Мнѣ! повторялъ онъ въ гнѣвѣ,
Мнѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости! — Сынъ Филипповъ,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ.
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ,
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И.... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ; онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу —
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
И онъ спросилъ: какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить? —
Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку,
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: великій государь,
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній

Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ пожрать голоднымъ взоромъ.
Все золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото.... все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли —
И пропадетъ его ненасытимость;
Сквозь легкій праха грузъ ужъ не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты жъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.
Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.—
Но царь внималъ съ поникшей головой,
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ,
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва,
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
«Греми труба! впередъ, мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ!»
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверстымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой,
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли — онъ утихъ.

Но кажется, почтенный москвитянинъ,
Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
Некстати мраченъ: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,

Тщета величій.... въ новый годъ дарить
Такимъ добромъ неловко; виноватъ,
И вотъ тебѣ разсказъ повеселѣе.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два; послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ.
Мой слабый умъ его обнять не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись,
Кто хочетъ, и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ,
А на столахъ предъ ними безъ числа

Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ: спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Немало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. — Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый,
Ему убѣжищемъ была пещера:
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И немедля
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: послушай; черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго его торчали

Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустаго водоема:
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины [за который онъ
Держался] корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали
Всѣ вѣтви корня, а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно

Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей — а самъ, рукой добравшись
До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
Кто этотъ жалкій путникъ? Человѣкъ.
Пустыня жъ съ водоемомъ свѣтъ; а путь
Черезъ пустыню наша жизнь земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель, грѣхъ:
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть —
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье день и ночь;
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть;
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день,
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
Забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышинѣ,
И смерть — внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи —
Мышей грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ — тебя манитъ одно

Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: святой отшельникъ, твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ. —
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ. Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ? — На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если
Увидишь ты арфиста, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ слѣпой:
Такого мнѣ арфиста ужъ случалось

Видать здѣсь; я безногаго за нимъ
Отправлю; онъ его въ одну минуту
Найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро
Нашелъ арфиста; былъ арфистъ безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ, и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался; то слѣпой увидя
Всплеснулъ руками; вслухъ нѣмой хвалить
Сталъ музыканта, а безногій началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько мудрость, и увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой

Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный,
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицомъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
Что жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь? — Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, что милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать — оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: угодить
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ, и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой

Обители твоей, какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ и я постигнулъ
Что наша жизнь есть—странствіе по свѣту
Такое жъ какъ мое, во исполненье
Верховной воли высшаго царя.
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

И для тебя, мой добрый москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обѣихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленье.
Хотя урокъ, такъ безуспѣшно данный
Эдемской костью Александру, болѣ
Земнымъ царямъ приличенъ; но и ты,
Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды;
Съ журналами другими не воюй;
Ни съ Библіотекой для чтенья, ни
Съ Записками, ни съ Сѣверной Пчелою,
Ни съ Русскимъ Вѣстникомъ; живи и жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану; мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно вѣдаешь: куда, зачѣмъ
И кто тебѣ по ней идти велитъ.

1845

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

повѣсть, изъ шамиссо.

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ,
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: «отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны;

Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ и моя душа
Погибнетъ.» Такъ въ безсмыслiи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великiй
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми.» И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ нелегòкъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: «Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ.» И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

СКАЗКА.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
И добрый человѣкъ. Онъ былъ женатъ,
И всей душой любилъ свою жену;
Но не было у нихъ дѣтей; и это
Ихъ сокрушало, и они молились,
Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды [это
Случилось въ зимній день] жена сидѣла
И съ яблока румянаго ножемъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она
Подумала: о, если бъ Богъ намъ далъ
Дитя, румяное какъ эта кровь,
И бѣлое какъ этотъ чистый снѣгъ!
И только что она сказала это, въ сердцѣ
Ея какъ будто что зашевелилось,
Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудется. Пошла въ раздумьи
Домой. Проходитъ мѣсяцъ — снѣгъ растаялъ;
Другой проходитъ — все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло; третій мѣсяцъ миновался —
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
Прошелъ четвертый — всѣ въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,

И съ ними весь широкій лѣсъ запѣлъ.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходѣ —
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо
Благоухало, что ея душа
Глубокою, невѣдомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился мѣсяцъ — стали наливаться
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише; наступаетъ
Седьмой — и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ, и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое; насталъ
Осьмой — она въ концѣ его больная
Слегла въ постелю, и сказала мужу
Въ слезахъ: когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ; мѣсяцъ
Девятый кончился — и родился
У ней сынокъ, какъ кровь румяный, бѣлый
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ, и начала печаль
Въ немъ утихать; и наконецъ утихла
Совсѣмъ, и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа; въ домъ его
Не принесла она съ собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася душа;
Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены невольно обращала,

Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него нашептывалъ всечасно
Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка росъ и ни одной минуты
Веселой въ домѣ не было ему.
Однажды мать была въ своей каморкѣ,
И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованной желѣзомъ кровлей
И съ острымъ нутрянымъ замкомъ; сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка [такъ называли дочь]:
Дай яблочко, родная, мнѣ. — Возьми,
Ей отвѣчала мать. — И братцу дай,
Прибавила Марлиночка. — Сначала
Нахмурилася мать; но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда твой братъ воротится домой.
[А изъ окна ужъ видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,
Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье]; кованый сундукъ
Закрывъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лицо
Бѣлѣе стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока. При этомъ словѣ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ: а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ; зачѣмъ ты на меня

Такъ страшно смотришь? — Выбирай скорѣе!
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ея глаза
Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ робко
За яблокомъ нагнулся головой
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ шепнулъ:
Скорѣй! И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундукъ, и голова
Малютки, какъ ножемъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ, и отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
И голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтить ничего
Не можно было, и потомъ она
Передъ дверями мертваго на стулъ
[Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ] посадила,
И наконецъ, какъ будто не была
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать. Вдругъ
Марлиночка въ испугѣ прибѣжала
И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукѣ; но самъ
Не ѣстъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
На то сказала мать: поди къ нему
И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери

Его покрѣпче за́ ухо; онъ спитъ.
Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ какъ снѣгъ;
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѣстъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ: дай яблочко мнѣ, братецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула — и вдругъ
Отъ плечъ его отпала голова
И покатилась. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу. — И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей
Сказала мать: Марлиночка, ужъ горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возьми и отнеси
Его покуда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра
Его сама въ оврагъ я брошу; волки
Его съѣдятъ, и косточекъ никто
Не сыщетъ; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю. — Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпаннымъ положила
На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его.... И что же?
Могилка вдругъ раскрылася, и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней, и расцвѣли на ней цвѣты,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,

И весело запѣла, и взвилась
Подъ облака и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ [какъ будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ] ей стало вдругъ
Легко — пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ онъ? Мать,
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
Ранехонько ушелъ онъ со двора,
И все еще не возвращался. Было
Ужъ заполдень; была пора обѣдать,
И накрывать на столъ хозяйка стала.
Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревъ, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
«Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.»
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:
Пропой еще разъ, милая пичужка.
«Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка

Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
И запою.» Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши,
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:
«Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.»
Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,
И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка
Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть? «Я даромъ дважды не пою,
Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
Сафьянныхъ башмаковъ.» Башмачникъ тотчасъ
Ей вынесъ башмаки. И лѣвой лапкой
Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши,
Спорхнула съ кровли съ новою добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На мельницу, которая стояла
Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ
Прохладныя долины, прилетѣла.
Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,
И съ громомъ въ ней мололъ огромный жерновъ;

И въ воротахъ ея рубили двадцать
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Оставили еще работу двое.
Сестрица же Марлиночка меня;
Тутъ пятеро еще, глаза на липу
Оборотивъ, работать перестали.
Близъ матушки родной моей въ саду;
Еще тутъ восемь вслушалися въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкнула, послѣднее пропѣвъ:
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла,
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ
И закричали: птичка, птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою. На это
Сказала птичка: «дважды пѣть не стану
Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
Дадите мнѣ, я запою.» Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Поднявъ съ земли, они его надѣли
На шею птичкѣ; и она, какъ будто
Въ жемчужномъ ожерельѣ, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запѣла
Звучнѣй, чѣмъ прежде, и допѣвъ, спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она

На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; по-прежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.
Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣтелъ
И тепелъ майскій день! «А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ будто бы сбирается гроза.»
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча,
И плакала. А птичка той порой,
На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ, какъ будто бы кого
Роднаго мнѣ увидѣть. «Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ;
И кровь по жиламъ льется какъ огонь.»
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣньи
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши
Гудѣло ей, какъ будто шумъ грозы,
Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
Что скажешь: вся земля въ цвѣты одѣлась.
Пойду и посмотрю на эту птичку.

«Останься, не ходи, сказала въ страхѣ
Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
Въ огнѣ.» Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
Упала передъ нимъ. Смотрите, онъ
Сказалъ, какой подарокъ дорогой
Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
Жена отъ страха устоять на мѣстѣ,
И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать
По горницѣ. Опять запѣла птичка:
Зла мачиха зарѣзала меня —
А мачиха блѣднѣла и шептала:
О, еслибъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слыхать!
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ —
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня —
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ? И, выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала. Мнѣ было
До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо! —
Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть. И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулась.... но только

Ступила за порогъ, тяжелый жерновъ —
Бухъ!.... и ея какъ будто не бывало;
На мѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилась,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулась. Отецъ же долго
Искалъ жены глазами; но ея
Онъ не нашелъ. Потомъ всѣ трое сѣли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всѣ
Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
Спокойно, какъ бываетъ всякій разъ,
Когда оно почувствуетъ живѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

1845. Франкфуртъ на М.

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И.... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній; а меньшому дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;

А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту — самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. — Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапкахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.

Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,
Маркиза Карабаса [такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина]; имѣетъ честь
Онъ вашему величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ. —
Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ. — Королю
Откланявшися, котъ пошелъ домой;
Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
И съ нимъ на единѣ [и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ] такъ долго
Бесѣдовалъ; а котъ былъ такъ учтивъ
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ;
И ихъ немедленно онъ къ королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ

Кота, и перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью [а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ], и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. — Такой
Совѣтъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ! — Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили въ рѣку;
Онъ тонетъ». — Тутъ, по слову короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ вашему величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;

Разбойники все платье унесли.
[А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ].
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя миндиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И котъ его представилъ королю;
И королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
[Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому что брюхо было
У королевскаго министра] видъ
Ему отличный придавалъ — короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбравшихъ сѣно; котъ имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасный лугъ
Принадлежитъ? — Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
[Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный котъ].
Богатые луга у васъ, маркизъ,
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга

Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? Онъ
Спросилъ жнецовъ. — Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный за́мокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи, и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: «какую нужду
Вы, котъ, во мнѣ имѣете?» На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умѣете во всякій превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? «Это правда; сами, котъ,
Увидите.» И мигомъ онъ явился

Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой,
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что [хоть былъ и въ сапогахъ]
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, котъ
Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ напримѣръ, въ мышенка превратиться?
«Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что жъ тутъ мудренаго?» — И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ—цапъ! и съѣлъ мышенка.
Король тѣмъ временемъ, подъѣхалъ къ замку.
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу? — Какъ, маркизъ,
Спросилъ король, и этотъ замокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ. —
И приказалъ король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
[На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли и всѣ домой
Отправились]. И сѣвъ за столъ роскошный,

Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ? — Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и силинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

1845, въ мартѣ.

СКАЗКА

О ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ

И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался

Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ,
И золотыхъ ужь очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.
И возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,

Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ также,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло,
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ

Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ чудную жаръ-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ: Климъ царевичъ
И Петръ царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. — Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.
На это царь сказалъ: Иванъ царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня

Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство? — Но Иванъ царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: «кто
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ.» Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ царевичъ,
Повѣсивъ голову пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился сѣрый волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что̀ на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,

Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И сѣрому Иванъ царевичъ волку
Все разсказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ, и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
«Пріѣхали, Иванъ царевичъ! волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду.» Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И позабывъ, что̀ сѣрый волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь [онъ назывался
Далматомъ] такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты? — Я Иванъ царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ

Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ. — На это царь
Далматъ сказалъ: царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-птицу;
И я тебѣ ее руками бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ. —
Повѣсивъ голову, Иванъ царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ
Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ

Остановились. — Ну, Иванъ царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюхи спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ царевичъ
Вошелъ и вывелъ опъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею, такъ что позабылъ
Совѣтъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюхи вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ. —
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ

Туда Иванъ царевичъ, гдѣ его
Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ царевичъ! если бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло.
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужь тридевять земель,
И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ;
И сѣрый волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ — все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ

Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ; царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ [такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перепугалъ].
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла, и совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ, и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба-службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый волкъ сказалъ:
Иванъ царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай и, получивъ
Коня золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,

Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на́ руки царю Афрону,
И получивъ коня золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ; сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться: онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ дверп.
Всѣ принялись кричать:
Лови, лови! — Куда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужь впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Далматово они. И сѣрый волкъ
Сказалъ: теперь въ коня золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ волкъ устроилъ,
Немедленно велѣлъ золотогрива

Царь осѣдлать, и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и по плеча ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками, и напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами; вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать: лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на волкѣ
Уже по-прежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичъ; на конѣ жъ золотогривѣ
Царевна и подъ ней золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало ль, долго ль
Ихъ длилася дорога — наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и ласкою твоею
Доволенъ, и покуда живъ тебя

Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ. Съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на конѣ золотогривѣ,
И ѣхали они дня три, четыре;
И вотъ, подъѣхали къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ; увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли.... кто же? Климъ
И Петръ царевичи. Иванъ царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой

Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.
А между тѣмъ недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на́ полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ. — Вдругъ
Откуда ни возьмись, явился сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще бъ минута,
И было бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воронъ.
Пусти меня на волю, сѣрый волкъ,
Кричалъ онъ. — Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать

О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ — и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ; его онъ вспрыснулъ
Живой водой — и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ же долго прòспалъ я? —
И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Послѣдняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ; а отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель

И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору, живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ:
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и внизъ по лѣстницѣ сойди;

Тамъ за двѣнадцатью дверями запертъ
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичъ съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ онъ слышитъ, конь заржалъ, и ржанье
Такъ было сильно, что съ петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свистнулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ богатырскій конь изъ стойла прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,

Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива; словомъ, конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой, и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;

Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ.... и что же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? — Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались:
Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
Да шапка невидимка — насъ же двое;
Какъ по́ровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты,
Разумный человѣкъ, подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? — А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ: пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пусти́тесь въ запуски ко мнѣ: кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? — Согласны, закричали
Рогатые, и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичъ. Лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшіямъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскій конь

Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задóмъ, ко мнѣ
Стань передóмъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился
На всѣ четыре стороны, потомъ
Какъ должно поклонился, и глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхóмъ,
Не видано видóмъ, а нынѣче русскій
Духъ ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
Неволею иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубровный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ.

Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ? — Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, мо́лодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду́ жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.—
Иванъ царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и про́спалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый мо̀лодецъ Иванъ царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на́ морѣ на Окіанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ,
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заецъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть

Кощеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его пріѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ;
А ты, надѣвши шапку невидику,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ.—Иванъ царевичъ
Простившись съ Бабою Ягою, сѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окіанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
Иванъ царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ
И что въ томъ неводѣ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ

Царевичъ, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлестнувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и не далёкъ,
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебѣ корабль: сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутаго берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ

Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морскаго
На высотѣ муравчатаго холма.
И къ дубу подошедъ, Иванъ царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ — дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе—
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
Всей силою рванулъ его — и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувырнулась утка,
И изъ нея вдругъ выпало яйцо —
И прямо въ море, и пошло какъ ключъ

Ко дну. Иванъ царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла, и къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приблизясь, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ замокъ былъ; ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью по два раза для надзора
Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ, и только самъ себя
Могъ умертвить, чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ: онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ царевичъ къ шапкѣ невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ

Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ
Иванъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить — анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать — она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
Гуляетъ и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ — она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю — все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя, и когти въ грудь

Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое, и съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой невидимкой,
Съ дубинкою на случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ замокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы;
Вотъ наконецъ добрался и до замка
Кощеева Иванъ царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалекò
Играютъ гусли самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ идти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,

Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я.... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣлòмъ ему
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей
И глупымъ сватовствомъ своимъ прекраснымъ
Царевнамъ; злаго сна не наводи
На царства! крѣпче бей его, дубинка.
«Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?» А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ царевичъ, шапку невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ то жъ мгновенье
Ударилъ òземь онъ яйцо; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,
Жаръ-птицу и коня золотогрива.
Когда жъ они съ крутой горы спустились,
И сѣвши на коней, въ обратный путь

Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ замкомъ и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ;
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало: на́ полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ

Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча,
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ; люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленою прекрасной,
И на широкій взъѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ царевичъ;
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту

Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли самогуды;
И заиграли гусли самогуды....
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на миіуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ возвѣстить, что возвратился
Иванъ царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ

Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
«Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью царевной
Еленою прекрасною!» всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости — вся его столица;
Въ домахъ остался одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло — хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ; уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кострюляхъ;
Огромножирныя, длиною въ сажень

Изъ Волги стерляди, на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подо́вые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки —
Короче молвить, скатерть самобранка
Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція — дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила; во дворцѣ
Держала караулъ; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо
На съѣзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
На вѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели; дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло́, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости

Ужъ музыки наслушались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей [трубачъ
Съ трубою впереди] къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
«Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною». Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель, сѣрый волкъ! Его
Встрѣчать бѣгомъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ какъ слѣдуетъ по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ

Отлично: красная на головѣ
Ермолка сь кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью — такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ: не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ-птица освѣтила,
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житьё и увѣрялъ,
Что всякую получитъ честь онъ,

Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ какъ дитя рѣзвился съ ними,
Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ наюслѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и въ свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

1 іюля 1845. Франкфуртъ на М.

1846

СТИХИ, ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ.

Какъ радость чистая, сердца влекла она;
Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
Была невинность ей въ сопутницы дана,
И младость ей свои всѣ блага обѣщала.
Но жизнь ея—призракъ! Плѣнилъ насъ и исчезъ!
Лишь плачущимъ о ней гласитъ ея могила,
Что совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, а для небесъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. АЛЯБЬЕВОЙ.

[рожденной римской-корсаковой].

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастія замѣтитъ,
И скажемъ случаю «спасибо» всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо! всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутчикомъ любезнымъ далъ
Пріятное объ васъ воспоминанье.
На чужѣ страннику сей даръ благодѣянье!
Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое!
Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольно въ грудь

Вселяется желаніе живое:
Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда нибудь,
Чтобъ, стоя счастія, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знакомца не забыли.

ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА.

[ПРЕМ. СОЛОМ. ГЛАВА XVII].

Великъ, неизглаголанно великъ
Твой судъ, Господь!
Онъ въ помѣшательство ввергаетъ нечестивыхъ.
Святой народъ возмнили притѣснить
Они, безумцы, связанные тьмою,
Опутанные долгой ночью;
И, бѣглецы отъ промысла, они
Подъ кровлями домовъ лежали тайно;
Подъ мрачной пеленой забвенья
Они укрыться мнили
Съ своими темными грѣхами....
И были вдругъ великимъ трепетаньемъ
Проникнуты; отвсюду
Ихъ несказанныя видѣнья обступили;
Въ вертепахъ ихъ все стало страшно;
Имъ слышались невѣдомые шумы;
И дряхлые съ лицомъ печальнымъ мертвецы
Смотрѣли имъ въ глаза;
И былъ огонь безсиленъ
Давать имъ свѣтъ; и звѣзды не могли
Разсѣять мглу ихъ страшной ночи;
И лишь одинъ невыразимый,
Самогорящій, страха полный огнь
Предъ ними вдругъ воспламенялся;
И ввергенные въ трепетъ

Страшилищемъ, которое и было
И не было, они за нимъ
Еще страшнѣйшее живое мнили видѣть;
И были ихъ волхвы не властны
Подать имъ помощь; кто жъ пытался
Болящую имъ душу исцѣлить,
Былъ самъ объятъ болѣзнью страха,
И трепеталъ; и слышались ему
Звѣриный бѣгъ, змѣиный свистъ,
И въ воздухъ онъ, которымъ тягостно дышалъ,
Боялся очи устремить....
Въ своемъ свидѣтельствѣ сама
Свое пріемлетъ осужденье злоба;
И страхъ двойной рождаетъ совѣсть,
Томимая виною сокровенной;
Тревожитъ все того, въ комъ вѣры нѣтъ
Въ спасенье, чье неутѣшимо сердце;
Ему гроза грядущія бѣды
Ужаснѣе самой бѣды наставшей.
И тѣмъ, которые въ ту ночь
[Изъ адовыхъ исшедшую вертеповъ]
Смятеннымъ сномъ объяты были,
Мечталися бѣгущія за ними
Страшилища, и силились напрасно
Они уйти.....
На нихъ лежалъ тяжелый ужасъ!
И тотъ, на комъ лежалъ тотъ ужасъ,
Какъ брошенный въ темницу узникъ
Былъ скованъ безъ желѣзъ;
И кто бъ онъ ни былъ, пахарь иль пастухъ,
Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,
Отъ неизбѣжнаго не могъ онъ убѣжать;
Всѣ были вдругъ
Опутаны одною цѣпью тьмы;
Свисталъ ли вѣтеръ, мимо пролетая,

Былъ слышенъ ли въ густыхъ
Древесныхъ тѣняхъ говоръ птицъ,
Шумѣли ль быстролыющіяся воды,
Иль громъ отъ падающихъ камней былъ,
Или играющихъ животныхъ
Теченіе, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рыкъ звѣрей пустынныхъ раздавался,
Или изъ дебрей горныхъ
Отзывный голосъ говорилъ —
Все въ трепетъ ихъ ввергало несказанный.
Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ,
И каждый, всюду, невозбранно,
Могъ трудъ обычный мирно совершать:
На нихъ же темная лежала ночь,
Прообразитель той великой ночи,
Которой нѣтъ конца;
А сами для себя они
Тяжелѣ тьмы, на нихъ лежавшей, были.

ПОВѢСТЬ О ІОСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

I.

Іаковъ жилъ въ землѣ, гдѣ Исаакъ
Его отецъ жилъ прежде, въ Хананейской
Землѣ богатой; сыновья его
Пасли въ горахъ обильныя стада.
Межъ ними самый младшій былъ Іосифъ.
Онъ родился Іакову подъ старость,
И болѣ всѣхъ любилъ его отецъ;
Онъ пеструю одежду далъ ему
И веселился, видя красоту
Его лица, а братьямъ было то

Завидно, на сердцѣ ихъ кипѣла
Вражда къ Іосифу, и никогда
Они привѣтливаго слова брату
Не говорили. Разъ приснился сонъ
Ему — и братьямъ разсказалъ Іосифъ
Тотъ сонъ. Послушайте, онъ говорилъ,
Привидѣлося мнѣ, что будто всѣ
Мы въ полѣ, и что будто всѣ мы вяжемъ
Снопы; вдругъ снопъ мой поднялся, а ваши
Передъ моимъ, какъ будто поклоняясь
Ему, легли. На это братья всѣ
Сказали: видно, хочешь надъ родными
Господствовать и нашимъ быть царемъ?
И болѣе съ тѣхъ поръ его они
Возненавидѣли. — Потомъ ему
Опять приснился сонъ. Его отцу
И братьямъ разсказалъ Іосифъ: мнѣ
Привидѣлось, что солнце и луна
Съ одиннадцатью свѣтлыми звѣздами
Мнѣ поклонились. Но отецъ ему
Велѣлъ умолкнуть, говоря: что̀ можетъ
Твой сонъ знаменовать? Иль мыслишь ты,
Что и отецъ, и мать, и братья, въ землю
Тебѣ поклонятся? И братья пуще
Противъ него за этотъ чудный сонъ
Озлобились; отецъ же про себя
Его слова на памяти сберегъ.
И скоро братья на поля Сихема
Отцовскія стада перевели.
Тогда, призвавъ Іосифа, Іаковъ
Ему сказалъ: твои всѣ братья нынѣ
Въ Сихемѣ на лугахъ стада моихъ
Овецъ пасутъ; поди, мой сынъ Іосифъ,
Туда, провѣдай, здравствуютъ ли братья
И овцы, и объ нихъ мнѣ принеси

Извѣстіе. — Покинувши долину
Хевронскую, пошелъ въ Сихемъ Іосифъ.
Онъ не нашелъ тамъ братьевъ, но ему
Искавшему ихъ, человѣкъ одинъ
Прохожій встрѣтился и у него
Спросилъ: кого ты ищешь? Онъ ему
Сказалъ въ отвѣтъ: ищу своихъ я братьевъ.
И тотъ ему отвѣтилъ: я слыхалъ
Ихъ говорящихъ здѣсь: мы въ Доффаимъ
Пойдемъ отсюда. — И за ними вслѣдъ
Пошелъ Іосифъ въ Доффаимъ, и ихъ
Нашелъ онъ въ Доффаимѣ. Издали
Увидѣвши идущаго его,
Они сказали: вотъ идетъ сновидѣцъ!
И замыслъ погубить его въ ихъ сердце
Проникъ. Другъ другу такъ они сказали:
Когда придетъ онъ, мы убьемъ его
И бросимъ тѣло въ этотъ водостокъ,
И скажемъ, что его съѣлъ дикій звѣрь.
Тогда увидимъ, сбудется ли сонъ,
Которымъ хвасталъ онъ. Услышалъ ихъ
Слова Рувимъ. Чтобы изъ рукъ ихъ брата
Спасти, онъ такъ сказалъ: не убивайте
Его на вашу душу; рукъ своихъ
Не обагряйте кровью, а живымъ
Его спустите въ этотъ водоемъ
И тамъ оставьте. Такъ онъ говорилъ,
А въ тайнѣ былъ намѣренъ отвести
Его къ отцу. Когда жъ къ нимъ подошелъ
Ихъ братъ Іосифъ, пеструю съ него
Одежду снявши, въ водоемъ они
Его спустили; былъ тотъ водоемъ
Глубокъ, но безъ воды. Потомъ всѣ вмѣстѣ
Обѣдать начали; но въ это время,
Поднявъ глаза, увидѣли они

Толпу людей. Измаильтяне шли
Изъ Галаада на своихъ верблюдахъ;
Коренья пряные, бальзамъ и мирру
Они везли въ Египетскую землю.
Увидѣвъ ихъ, сказалъ Іуда братьямъ:
Какая будетъ польза намъ, когда
Его мы умертвимъ; онъ наша кровь,
Онъ братъ нашъ! Лучше продадимъ его
Купцамъ измаильтянскимъ. — Братьямъ этотъ
Совѣтъ понравился; когда жъ купцы
Приблизились, они, изъ водоема
Іосифа немедленно извлекши,
Его за двадцать золотыхъ монетъ
Купцамъ тѣмъ продали; и ими онъ
Былъ уведенъ въ Египетскую землю.
Когда жъ Рувимъ, который не случился
При этомъ торгѣ, въ вечеру пришелъ
Къ пустому водоему, чтобъ оттуда
Взять брата, въ водоемѣ брата онъ
Ужъ не нашелъ; свою отъ скорби ризу
Съ себя сорвавъ, онъ началъ горько плакать,
И говорилъ: я брата не нашелъ!
Куда теперь пойду я? Тѣ же, взявъ
Іосифову ризу и козленка
Зарѣзавъ, кровью облили ее
И повелѣли отнести ту ризу
Къ Іакову и такъ ему сказать:
Вотъ что нашли въ лѣсу мы, посмотри!
Не риза ли, которую ты далъ
Іосифу? — Іаковъ посмотрѣлъ
И во мгновенье въ лоскутѣ кровавомъ
Онъ пеструю Іосифову ризу
Узналъ. И онъ воскликнулъ: это платье
Іосифа; звѣрь лютый съѣлъ его!
Іосифа похитилъ лютый звѣрь!

И пепломъ голову свою Іаковъ
Осыпалъ, и сорвалъ съ себя одежды,
И вретищемъ облекся, и о миломъ
Іосифѣ дни многіе онъ плакалъ.
И сыновья, и дочери отца
Сошлися утѣшать, но утѣшенья
Не принималъ онъ и твердилъ: хочу
Я въ землю; къ милому хочу я сыну!
И объ Іосифѣ безъ утѣшенья
Іаковъ плакалъ. — А Іосифъ былъ
Въ Египтѣ далекò. Въ Египтѣ былъ онъ
Пентѐфрію, евнýху Фараона,
Измаильтянскими купцами проданъ.

II.

Но былъ съ Іосифомъ Господь. И въ домѣ
Пентефрія онъ жилъ благополучно,
Понеже зналъ Пентефрій, что Господь
Іосифу успѣхъ во всякомъ дѣлѣ
Ниспосылалъ, и въ милости великой
Іосифъ былъ у господина: ввѣрилъ
Ему весь домъ свой, всѣ свои поля,
И все свое имущество Пентефрій.
И водворилъ свою щедроту, ради
Іосифа, въ Пентефріевомъ домѣ
Господь. Но восхотѣлъ онъ напослѣдокъ
Іосифа подвергнуть испытанью,
И допустить благоволилъ, чтобъ въ сердцѣ
Пентефріевомъ злою клеветой
Противъ Іосифа великій гнѣвъ
Былъ возбужденъ. И гнѣвомъ ослѣпленный
Іосифа Пентефрій повелѣлъ
Въ темницу заключить, гдѣ содержались
Царевы узники. Но и въ бѣдѣ
Великой былъ Іосифъ сердцемъ веселъ

Предъ Господомъ. И преклонилъ Господь
Темничнаго старѣйшину на милость
Къ Іосифу; и возлюбилъ его
Старѣйшина темничный; и въ темницѣ
Ему надзоръ за узниками всѣми
Онъ ввѣрилъ, и главою онъ поставилъ
Іосифа надъ стражами другими,
И отдалъ всю во власть его темницу,
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

III.

Случилося тогда, что Фараона
Прогнѣвали и царскій виночерпій,
И царскій хлѣбодаръ. Ихъ царь велѣлъ
Окованныхъ въ темницу заключить;
Темница же та самая была,
Въ которой столько времени томился
Іосифъ. И старѣйшина темничный
Ему въ надзоръ обоихъ ввѣрилъ знатныхъ
Царевыхъ узниковъ. Въ одну имъ ночь
Тревожные привидѣлися сны.
Когда пришелъ по утру къ нимъ Іосифъ,
Увидѣлъ онъ, что были оба мрачны,
И онъ спросилъ ихъ: отчего такое
Уныніе на вашихъ блѣдныхъ лицахъ?
Они сказали: видѣли мы сны;
Ихъ знаменье тревожитъ насъ. — Іосифъ
Отвѣтствовалъ: намъ сны отъ Бога; что жъ
Вамъ снилось? — Мнѣ привидѣлось, сказалъ
Великій виночерпій, будто я
Стою передъ лозою виноградной,
Что та лоза три отрасли пустила,
Что зрѣлые на ней висѣли грозды,
Что въ правой я рукѣ цареву чашу
Держалъ, а лѣвою рукой давилъ

Въ нее царю душистый сокъ изъ гроздьевъ.
И виночерпію сказалъ Іосифъ:
Три на лозѣ отростка значатъ три дня;
По истеченьи трехъ дней вспомнитъ царь
Тебя, и ты по прежнему возвышенъ
Въ свой знатный будешь санъ и будешь въ пирѣ,
По прежнему, какъ царскій виночерпій,
Напитокъ подносить царю. Когда же
То сбудется съ тобою, помяни
При счастіи меня и сотвори
Со мною милость: извлеки изъ мрака
Темничнаго, гдѣ заключенъ давно
Я, никакого зла не сотворившій.
То слыша, въ свой чередъ и хлѣбодаръ
Іосифу сказалъ: а мнѣ приснилось,
Что будто я на головѣ несъ три
Корзины съ царскимъ хлѣбомъ, что отвсюду
Слетѣлись птицы, что онѣ обсѣли
Корзины, и что ими весь расклеванъ
Былъ царскій хлѣбъ.—На то сказалъ Іосифъ:
Пройдетъ три дня, и Фараонъ велитъ
Твою взять голову, и ты на древѣ
Повѣшенъ будешь, и слетятся птицы
И расклюютъ твой трупъ. Три дня прошли,
И праздновалъ свое рожденье царь;
И пригласилъ въ свои палаты всѣхъ
Вельможъ на пиръ великій; вспомнилъ онъ
О виночерпіи и повелѣлъ
Ему вступить въ высокій санъ его;
И сталъ опять въ цареву руку чаши
Съ виномъ онъ подавать. А хлѣбодаръ,
Какъ предсказалъ ему Іосифъ, былъ
На третій день казненъ. Но виночерпій
Объ узникѣ Іосифѣ забылъ,
И на̀ долго въ темницѣ онъ остался.

IV.

Два года протекли. Вдругъ царь встревоженъ
Былъ чуднымъ сномъ. Приснилося ему,
Что при рѣкѣ стоялъ онъ, и что семь
Коровъ большихъ, красивыхъ, тучныхъ вышли
Изъ той рѣки, и стали на прибрежномъ
Лугу пастись, и злаками питались;
Что изъ рѣки другія семь коровъ
Ужасныхъ видомъ, злыхъ и тощихъ, вышли,
И бросились на первыхъ, и сожрали
Ихъ всѣхъ, и что ихъ чрево стало
Пустѣй, чѣмъ было прежде. И въ испугѣ
Проснулся царь; но скоро онъ опять
Заснулъ, и сонъ другой ему приснился.
Онъ видѣлъ семь колосьевъ, на одномъ
Растущихъ стеблѣ, и колосья были
Полны прекрасныхъ, крупныхъ зеренъ; вдругъ
Другіе семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ,
Межъ первыми, на томъ же стеблѣ вышли,
И жирные колосья были разомъ
Безплодными поглощены. Въ испугѣ
Опять проснулся царь, и онъ ужъ болѣ
Заснуть не могъ. Его душа смутилась;
Когда жъ настало утро, онъ велѣлъ
Созвать гадателей и мудрецовъ,
Дабы они ему истолковали
Значенье сна. Но ни одинъ не могъ
Его истолковать. Тутъ виночерпій
О юношѣ, съ которымъ онъ былъ запертъ
Въ темницѣ, вспомнилъ и сказалъ царю:
Я тяжко согрѣшилъ, великій царь!
Я за добро оказанное мнѣ
Неблагодарностью воздалъ жестокой;

Мы были, я и хлѣбодаръ, твои
Рабы, заключены по волѣ царской
Твоей въ темницѣ. Тамъ мы были сномъ,
Какъ нынѣ ты, устрашены. Въ темницѣ жъ
Былъ съ нами юноша, еврей, невольникъ
Пентефрія, вельможи твоего.
Онъ наши сны истолковалъ, и все
Намъ сказанное имъ сбылося: я
Тобою былъ помилованъ, а царскій
Твой хлѣбодаръ тобою преданъ казни. —
И повелѣлъ представить Фараонъ
Къ себѣ Іосифа. Былъ изведенъ
Изъ мрачной онъ темницы, былъ омытъ,
Благоухающимъ натертъ елеемъ,
Очищенъ, въ ризу новую одѣтъ,
И такъ его представили царю.
И царь сказалъ: я видѣлъ сонъ, но мнѣ
Его никто истолковать не можетъ;
Ты, говорятъ, пророчественнымъ духомъ
Исполненъ. — Я, отвѣтствовалъ Іосифъ,
Ничто; одинъ лишь Богъ всевышній можетъ
Царю открыть въ грядущемъ зло и благо.
И царь ему сказалъ: приснилось мнѣ,
Что близъ рѣки стоялъ я, и что вдругъ
Изъ той рѣки семь добрыхъ, чистыхъ вышло
Коровъ, и что за ними слѣдомъ вышли
Другія семь коровъ, но злыхъ и тощихъ,
И что послѣднія сожрали первыхъ
И отъ того страшнѣй лишь отощали.
Потомъ я семь колосьевъ, на одномъ
Цвѣтущихъ стеблѣ, тучныхъ и зернистыхъ
Во снѣ увидѣлъ, и межъ ними вдругъ
На томъ же стеблѣ семь другихъ колосьевъ
Безплодныхъ выросли, и во мгновенье
Безплодные пожрали плодоносныхъ.

Вотъ что приснилось мнѣ. Я вопросилъ
Гадателей и мудрецовъ, но сна
Изъ нихъ никто не могъ мнѣ объяснить.
Тогда сказалъ Іосифъ Фараону:
Въ обоихъ снахъ одно знаменованье;
Тебѣ Господь имъ хочетъ отворить
Дверь помощи, временъ грядущихъ тайну.
И нынѣ знай, великій царь, семь тучныхъ
Коровъ и семь колосьевъ полныхъ значатъ
Семь лѣтъ обилія; а тощихъ семь
Коровъ и семь пустыхъ колосьевъ — семь
Голодныхъ означаютъ лѣтъ. Сперва
Семь лѣтъ во всей Египетской землѣ
Великое плодорожденье будетъ;
Потомъ семь лѣтъ безплодныя настанутъ,
И голодъ всю Египетскую землю
Обыметъ, и во дни великихъ бѣдствій
О временахъ благихъ забудутъ люди.
И надлежитъ тому свершиться скоро,
Понеже ты двукратно видѣлъ сонъ.
Но посланъ онъ отъ Бога во спасенье
Тебѣ и всей Египетской землѣ.
Моими онъ теперь тебѣ устами
Смиренными, царь мудрый, говоритъ:
Немедленно тобою долженъ быть
Мужъ многоопытный и мудрый избранъ;
Надъ всей землей Египетской его
Поставь, и купно съ нимъ назначь повсюду
Мѣстоначальниковъ; пускай отъ всѣхъ
Земныхъ плодовъ, въ теченіе семи
Обильныхъ лѣтъ, часть пятую они
Сбираютъ и хранятъ по городамъ;
Пускай пшеницею и всякимъ житомъ
Запасные наполнятся амбары,
Дабы во дни обилія на дни

Безплодія въ Египетской землѣ
Соблюдено богатство пищи было,
Чтобъ голодомъ народъ твой не погибъ.
Такъ говорилъ передъ царемъ Іосифъ.
Царю и всѣмъ вельможамъ царскимъ былъ
Его благой совѣтъ угоденъ. Царь
Помыслилъ: гдѣ и скоро ли найдется
Мужъ опытный и боговдохновенный?
И, обратясь къ Іосифу, сказалъ онъ:
Могу ли я кого избрать премудрѣй
И опытнѣй тебя? Ты откровенье
Пріялъ отъ Бога. Будь же ты отнынѣ
Въ моемъ дому. Веленьямъ устъ твоихъ
Да покорятся всѣ! Однимъ престоломъ
Тебя я выше буду. Поставляю
Тебя надъ всей Египетской землей.
И снявъ свой царскій перстень, Фараонъ
Украсилъ имъ Іосифову руку,
Облекъ его пурпуровой одеждой,
Златую цѣпь надѣлъ ему на шею,
И повелѣлъ, чтобъ въ царской колесницѣ
По городу всему его возили
И чтобъ предъ нимъ шелъ царскій провозвѣстникъ
Народу власть его провозглашать.
И властвовать въ Египетской землѣ
Іосифъ началъ, юноша цвѣтущій.
Изъ узника, забытаго въ темницѣ,
Въ единый мигъ онъ сдѣлался могучимъ
Правителемъ Египетской земли,
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

V.

Семь первыхъ лѣтъ роскошнѣйшую жатву
Въ Египетской землѣ давали нивы;
Былъ собранъ тамъ запасъ неисчислимый

Пшеницы, ржи и всѣхъ земныхъ плодовъ.
По городамъ, въ селеніяхъ, на полѣ,
Амбары полные сокровищъ нивныхъ
Безчисленны стояли. И когда
Прошло семь лѣтъ обильныхъ, и за ними
Семь лѣтъ безплодныхъ наступили, голодъ
По всей землѣ потоками разлился,
И возопилъ Египетскій народъ
Къ царю въ своей бѣдѣ. Но царь народу
Отвѣтствовалъ: къ Іосифу идите,
Онъ дастъ вамъ пищу. И открылъ Іосифъ
Всѣ житницы, и не одинъ народъ
Египетскій тогда нашелъ себѣ въ нихъ
Спасеніе: изъ ближнихъ и далекихъ
Земель во множествѣ стекаться стали
Въ Египетъ люди, и цѣною малой
Изъ царскаго великаго запаса
Іосифъ хлѣбъ имъ продавалъ, и всѣ
Премудраго Египетской земли
Правителя народы прославляли....

ЧАША СЛЕЗЪ.

[неоконченный отрывокъ].

Разъ матушка свою любила дочку
Такъ горячо, такъ глубоко, такъ нѣжно,
Что жизнь и свѣтъ и все, что есть на свѣтѣ,
Лишь милой дочкою ей было мило.
Но вдругъ Господь всевышній испытанье
Великое послать благоволилъ
На сердце матери. Ея малютка
Занемогла смертельно. День и ночь
Надъ нею мать сидѣла, не сводя

Съ страдалицы очей, слѣдя за каждымъ
Ея движеніемъ, ея дыханьемъ;
Съ волненьемъ слушая и непрестанно
Молясь, чтобъ Богъ помиловалъ ее.
Но милосердый Богъ о ней рѣшилъ
Иначе: онъ ее призвалъ къ себѣ
На небо, и она [какъ говорятъ иные
Безсмысленно на свѣтѣ] умерла.
Безъ всякаго осталась утѣшенья
Лишившаяся дочки мать, и съ горя
Такъ силы ослабѣли, что она,
Недѣли не прошло . . . . . .

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Сидъ [стр. 1]. Этотъ отрывокъ изъ Гердерова перевода испанскихъ романсовъ о Сидѣ напечатанъ въ первый разъ въ «Муравейникѣ» 1831 г., №№ 1 и 2, съ подписью W. Z. Поэтому Жуковскій, въ 5 изданіи сочиненій, неточно отнесъ его къ 1832 г.

Неожиданное свиданіе [стр. 20] явилось въ печати въ первый разъ безъ подписи въ томъ же «Муравейникѣ» 1831 г., № 3, но также отнесено Жуковскимъ къ 1832 г.

Двѣ загадки [стр. 23] напечатаны въ № 3 «Муравейника» 1831 г. послѣ предыдущаго стихотворенія и также безъ подписи. Ни въ одномъ изданіи сочиненій Жуковскаго, кромѣ посмертнаго, перепечатываемы не были.

Двѣ были и Замокъ на берегу моря [стр. 24 и 35] напечатаны въ «Муравейникѣ» 1831 г., № 4, а Сраженіе съ змѣемъ и Островъ [стр. 35 и 40] тамъ-же въ № 5, всѣ безъ подписи. Первыя три стихотворенія были потомъ отнесены Жуковскимъ къ 1832 г., а послѣднее вовсе не перепечатывалось.

Судъ Божій [стр. 41] напеч. въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 г., т. VI, а къ 1831 г. отнесено самимъ Жуковскимъ.

Спящая царевна, сказка [стр. 46], подъ заглавіемъ «Сказка о спящей царевнѣ», помѣщена въ «Европейцѣ» И. В. Кирѣевскаго, 1832 г., № 1, а въ № 2 того-же изданія напечатана: «Война мышей и лягушекъ» [стр. 57]. Въ посмертномъ изданіи, въ «опечаткахъ» при 2-мъ томѣ, приведена поправка къ стиху 7, стр. 64 [по нашему изданію], по которой этотъ стихъ долженъ читаться: «Крылья, словно какъ парусы», но ни въ первой редакціи «Европейца», ни въ послѣ-

дующихъ перепечаткахъ вовсе нѣтъ слова: крылья, отчего и стихъ выходилъ бы 7-стопнымъ, вмѣсто 6-стопнаго. Оба стихотворенія отнесены къ 1831 г. самимъ Жуковскимъ. Изъ кота «Ѳадея-Мурлыки» рукописи Жуковскій сдѣлалъ для печати «Ѳедота-Мурлыку», чтобъ «не смѣшивали съ Булгаринымъ».

Сказка о царѣ Берендеѣ и сынѣ его Иванѣ царевичѣ [стр. 67] напечатана въ «Новосельѣ», на 1833 г., томъ I, а къ 1831 г. отнесена Жуковскимъ. Судя по неизданному письму Ж. къ И. В. Кирѣевскому, которое хранится теперь у М. Н. Похвиснева можно предполагать, что сказка эта предназначалась также для «Европейца», но вѣроятно попала въ 3-й нумеръ журнала, хотя и отпечатанный, однако не вышедшій за запрещеніемъ «Европейца». Жуковскій писалъ: «вотъ вамъ и Иванъ царевичъ. Прошу господина Европейца хорошенько смотрѣть за корректурою и сохранить то препинаніе знаковъ, какое состоитъ въ манускриптѣ».

Появленіе весны, Дѣтскій островъ, Признаніе, Явленіе, Къ равнодушной красавицѣ и Утро на горѣ [стр. 81—83] при жизни Жуковскаго напечатаны не были и появились впервые только 9-й кн. «Русскаго Архива» 1873 г., куда были сообщены К. С. Сербиновичемъ, разбиравшимъ бумаги Жуковскаго, но почему-то не внесшимъ эти стихи въ посмертное изданіе сочиненій поэта. Къ 1831 г. они отнесены нами приблизительно, по близкому отношенію 2-го стихотворенія къ напечатанному въ «Муравейникѣ» 1831 г. стихотворенію «Островъ». Повидимому оба они написаны въ одно и тоже время. Дѣтскій островъ находится на озеркѣ, въ Царскомъ Селѣ, и былъ подаренъ покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ государю наслѣднику; а стихотвореніе написано Жуковскимъ какъ бы отъ лица августѣйшихъ дѣтей, игравшихъ тамъ съ другими дѣтьми.—Четвертое стихотвореніе, напечатанное въ Русскомъ Архивѣ ввидѣ «оригинальнаго» отрывка, представляетъ переводъ Шиллеровой: «Дѣвы изъ чужбины». Три строфы переведены вполнѣ, изъ 4-й и 5-й взято только по два первыхъ стиха, а 6-я совсѣмъ не переведена.

Старая пѣсня на новый ладъ [стр. 84] помѣщена была въ «Сѣверной Пчелѣ» 1831 г., № 201, и тогда же издана особой брошюрою вмѣстѣ съ стихотвореніями Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», подъ общимъ заглавіемъ: «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина». Стихотвореніе помѣчено 5-мъ сентября, а процензировано было 7 сентября 1831 г. Съ текстомъ «Сѣверной Пчелы» въ отдѣльномъ изданіи есть незначительныя разницы. Четыре стиха [За Араксомъ наши грани и пр.], скопированные съ автографа Жуковскаго Н. И. Уткинымъ, вырѣзаны были имъ подъ портретомъ гр. Паскевича, рисованнымъ Ф. Реймерсомъ въ 1831 г. и гравированнымъ Н. И. Уткинымъ въ январѣ 1832 г. Съ тѣхъ поръ ни въ отрывкахъ, ни въ полномъ составѣ стихотвореніе это до настоящаго изданія перепечатываемо не было. Гр. Паскевичъ остался, повидимому, очень доволенъ присылкою ему Жуковскимъ названной брошюры и благодарилъ поэта письмомъ [Рус. Архивъ 1875, № 11], гдѣ между прочимъ писалъ: «Сладкозвучныя лиры первостепенныхъ поэтовъ нашихъ долго отказывались бряцать во славу подвиговъ оружія. Такъ померкнула заря достопамятныхъ событій персидской и турецкой войнъ и голосъ выспренняго вдохновенія едва-едва отозвался въ отечествѣ въ честь тогдашнихъ успѣховъ нашихъ. Упрекъ сей впрочемъ не относится до васъ, ибо въ ту эпоху вы обязали меня поэтическимъ вниманіемъ.» Послѣднее указаніе, вѣроятно; относится къ стихотворенію Жуковскаго «На миръ съ Персіею» [см. т. 2-й, стр. 413].

Къ И. И. Дмитріеву [стр. 86]. Это стихотвореніе напечатано было въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., а Жуковскимъ отнесено въ 5 изданіи къ 1821 г., хотя въ стихотвореніи говорится о смерти Карамзина, послѣдовавшей какъ извѣстно въ 1826 г. Мы отнесли его къ 1831 г. на томъ основаніи, что въ «Русскомъ Архивѣ», 1866 г., № 11—12, напечатано письмо Ж. къ Дмитріеву, отъ 16 октября 1831 г., заключающее въ себѣ это стихотвореніе, служившее отвѣтомъ на «Посланіе»

Дмитріева, написанное по случаю полученія отъ Жуковскаго его стиховъ на взятіе Варшавы. Дмитріевъ писалъ:

Была пора: питомецъ русской славы
И я во слѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы.
Рекла и бысть—и Польши тронъ упалъ.
Пришла пора: увянулъ, сталъ безгласенъ,
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
Но прочь свое! мой вечеръ тихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня водушевилъ.
Взыграй же духъ! Жуковскій, дай мнѣ руку!
Пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патріотъ:
Хвала и честь Екатерины внуку!
Съ нимъ русскій лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ.

Въ отвѣтномъ на это «Посланіи» Жуковскаго вмѣсто нынѣшнихъ 4-й и 5-й строфъ было написано:

Въ досужный часъ, вѣнкомъ изъ розъ обвитый,
Касался имъ Эротъ своей стрѣлой,
И рѣзвыя внимали имъ Хариты,
Склоняся на руку главой.
Игривую шутливость пробуждала
Камена въ нихъ, согласная съ пѣвцомъ,
И баснями гостей его плѣняла
Передъ домашнимъ камелькомъ.

Судъ въ подземельѣ [стр. 91] перенесено нами изъ 1831 г., указаннаго Жуковскимъ, въ 1832-й, согласно помѣтѣ подъ стихотвореніемъ при первомъ его напечатаніи въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 г., № 3.

Роландъ оруженосецъ и Элевзинскій праздникъ [стр. 110, 138] напечатаны во 2-мъ томѣ «Новоселья» 1834 г., съ помѣтой, когда они написаны, почему первое стихотвореніе и перенесено въ 1832 годъ изъ 1833-го, подъ которымъ помѣстилъ его Жуковскій въ 5 изданіи.

Нормандскій обычай, Рыцарь Роллонъ, Старый рыцарь, Уллинъ и его дочь [стр. 118, 127, 130 и

131] напечатаны въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 г., № 1, 2 и 6, съ помѣтами, на основаніи которыхъ 2-е и 3-е стихотворенія перенесены нами въ 1832-й г. изъ 1833-го, указаннаго для нихъ 5 изданіемъ.

Князю Д. В. Голицыну, московскому генералъ-губернатору [стр. 147], напечатано было въ «Молвѣ» Н. И. Надеждина, 1833 г., № 45, и при жизни Жуковскаго перепечатываемо не было.

Д. В. Давыдову [стр. 151] напечатано въ первый разъ уже по смерти Жуковскаго въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., № 7, гдѣ указанъ и годъ, въ которомъ оно написано.

Всѣ прочія стихотворенія 1832—1834 г. [стр. 133, 135, 148—150] появились въ 4-мъ изданіи сочиненій Жуковскаго.

Бывали дни [стр. 152]. Это посвященіе къ «Ундинѣ», напечатанное при первомъ изданіи ея, было написано Жуковскимъ въ 1836 г., а въ 1838-мъ году, посылая гр. Ростопчиной книгу, приготовленную Пушкинымъ для своихъ новыхъ стиховъ, Жуковскій [какъ самъ выразился въ письмѣ] «началъ» ее этимъ стихотвореніемъ и просилъ графиню дополнить и докончить, на что она и отвѣчала посланіемъ къ Жуковскому [см. Современникъ, 1839 г., т. XV]. Въ книгѣ Пушкина кромѣ этого стихотворенія вписано было Жуковскимъ еще девять, которыя всѣ оставались ненапечатанными до 1867 года, когда Погодинъ помѣстилъ ихъ въ своемъ «Русскомъ» [№ 11—12], но въ такомъ видѣ, что нѣкоторые стихи вовсе нельзя понять. Поэтому мы и не внесли ихъ въ текстъ нашего изданія, въ надеждѣ достать оригиналъ, небрежно прочитанный Погодинымъ, и дать правильный текстъ хотя въ примѣчаніяхъ. Не получивъ однако розыскиваемаго, мы по необходимости беремъ Погодинскій текстъ. Замѣтимъ, что заглавія V, VI и IX стихотвореній даны самимъ Погодинымъ.

I. РОЗЫ.

Утро одно—и роза поблекла; напрасно, о дѣва,
Ищешь ея красоты; иглы однѣ ты найдешь.

II. ЛАВРЪ.

Вы, обуянные Вакхомъ, пѣвцы Афродитиныхъ оргій,
Бойтесь коснуться меня: дѣвственны вѣтви мои.
Дафной я былъ. Отъ объятій безумно-любящаго бога
Лавромъ дѣва спаслась. Чтите мою чистоту.

III. НАДГРОБІЕ ЮНОШѢ.

Плавалъ, какъ всѣ вы, и я по волнамъ неподвижныя жизни.
Имя мое Анонимъ. Скоро мой кончился путь.
Буря внезапу возстала; хотѣлъ я противиться бурѣ,
Юный, безсильный пловецъ; волны умчали меня.

IV. ГОЛОСЪ МЛАДЕНЦА ИЗЪ ГРОБА.

Матерь.... и матерь здѣсь одни въ близости
Были минуту мнѣ. Та помогла мнѣ.....
Тихо другая покрыла меня; ничего остальнаго —
Кто я, оттуда, куда—жизнь не повѣдала мнѣ.

V. МЛАДОСТЬ И СТАРОСТЬ.

О веселая младость! о печальная старость!
Та—поспѣшно отъ насъ! Эта—стремительно къ намъ!

VI. ФИДІЙ.

Фидій! иль самъ громовержецъ въ тебѣ нисходилъ отъ Олимпа,
Или взлеталъ на Олимпъ самъ ты его посѣтить.

VII. СУДЬБА.

Съ свѣтлой главою, на тяжкихъ ногахъ, Меонидъ,
Ходитъ судьба. Человѣкъ!..... смѣло иди.
Если, ее повстрѣчавъ, не потупишь* очей и спокойнымъ
Окомъ ей взглянешь въ лицо, самъ просвѣтлѣешь лицомъ;
Если жъ, испуганный ею, предъ нею падешь ты, наступитъ
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптанъ въ грязи.

---

* У Погодина явныя ошибки: «не погубишь», и въ послѣднемъ стихѣ «въ грязь».

VIII. ЗАВИСТНИКЪ.

Завистникъ ненавидитъ
Любимое богами.
Безумецъ, онъ въ раздорѣ
Съ любящими богами.
Изъ всѣхъ цвѣтовъ прекрасныхъ
Онъ пьетъ одну отраву.
О! какъ любить мнѣ сладко
Любимое богами!

IX. ПОКОЙНИКУ.

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ,
Руки свои опустивъ. — Голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ.
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ; и спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?

Въ печати стихотвореніе: «Бывали дни» явилось съ незначительными варіантами противъ текста, посланнаго гр. Ростопчиной, и напечатаннаго черезъ 30 лѣтъ Погодинымъ.

Ундина [стр. 154] переложена Жуковскимъ изъ прозаической повѣсти Ламоттъ-Фуке по желанію императрицы Александры Ѳеодоровны. Еще въ 1817 г. онъ началъ было перелагать эту повѣсть, но оставилъ и вновь принялся только въ 1833 г., во время пребыванія на Женевскомъ озерѣ. Тамъ были готовы три главы; за тѣмъ работа продолжалась въ 1835 г. въ Петербургѣ и окончена въ 1836 г. близъ Дерпта, на мызѣ Эллистферъ, гдѣ поэтъ жилъ у своей сестры Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Сдѣланныя Жуковскимъ добавки и исклю-

ченія противъ подлинника указаны въ сочиненіи г. Зейдлица. Отрывки изъ Ундины впервые появились въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г., № 9, и 1837 г., № 1. За тѣмъ Ундина была издана особой книгой, въ началѣ 1837 г., съ 20 прекрасными гравюрами, сдѣланными по просьбѣ и подъ наблюденіемъ самого поэта дерптскимъ художникомъ Майделемъ, на манеръ иллюстрацій Реча къ сочиненіямъ Гёте и Шиллера.

Въ нынѣшнемъ изданіи мы перепечатали и предисловіе Жуковскаго [стр. 152—153], не помѣщавшееся при послѣдующихъ перепечаткахъ Ундины.

Ночной смотръ [стр. 232] напечатанъ въ «Современникѣ» 1836 г., № 1 и въ «Памятникѣ Искусствъ», откуда перепечатанъ отдѣльной красивой брошюркой съ нѣмецкимъ подлинникомъ, съ тремя виньетками и одной картинкой, оттиснутой [какъ и 2 виньетки] голубой краской.

Воскресное утро въ деревнѣ [стр. 234] отнесено къ 1836 г. самимъ Жуковскимъ.

Stabat mater [стр. 235] напечатано въ «Современникѣ» на 1838 г., № 1, слѣд. написано не позднѣе конца 1837 г., почему и отнесено нами къ этому году. Ни въ одномъ изданіи при жизни Жуковскаго это стихотвореніе перепечатано не было.

А. П. Ермолову [стр. 237]. Стихи эти написаны Жуковскимъ на 1-й части 4-го изданія его сочиненій, подаренныхъ имъ А. П. Ермолову. Имъ предшествуютъ слѣдующія строки: «Его высокопревосходительству Алексѣю Петровичу Ермолову, отъ автора, на память глубокаго почтенія. Москва, 1837, декабря 10». Напечатаны въ первый разъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., № 1.

Камоэнсъ [стр. 237]. Въ 5 изданіи Жуковскій отнесъ это произведеніе къ 1838 г., тогда какъ въ 4-мъ оно болѣе правильно было отнесено имъ къ 1839 г. Находясь въ свитѣ государя наслѣдника, предпринимавшаго тогда путешествіе по Европѣ, Жуковскій въ декабрѣ 1838 г., въ Римѣ, началъ передѣлывать драматическую поэму Фр. Гальма [баронъ Мюнхъ-Беллингаузенъ], но продолженіе и окончаніе труда относится

уже къ 1839 г., въ которомъ поэма и была напечатана въ «Отечественныхъ Записках», № 12, а потомъ вошла въ дополнительный IX томъ 4-го изданія сочиненій Ж. Всѣ отступленія отъ подлинника указаны въ сочиненіи г. Зейдлица.

Въ Сардамскомъ домикѣ [стр. 271] это пятистишіе написано при посѣщеніи государемъ наслѣдникомъ домика Петра Великаго въ Сардамѣ, въ апрѣлѣ 1839 г. Напечатано въ первый разъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1867, № 11.

Поэту Ленепсу [стр. 271] напечатано въ первый разъ въ «Утренней Зарѣ» на 1840 г. и при жизни Жуковскаго перепечатано въ изданіи его сочиненій не было.

Сельское кладбище [стр. 273]. Въ 4-мъ изданіи отнесено къ 1839 году, а въ 5-мъ Жуковскій отнесъ его уже къ 1838 г., не смотря на то, что при стихотвореніи перепечаталъ и предисловіе къ нему изъ 4-го изданія, гдѣ прямо указано, что переводъ сдѣланъ въ маѣ 1839 г., въ бытность его въ Англіи, что согласно и съ указаніемъ путешествія государя наслѣдника, въ свитѣ котораго онъ состоялъ, ибо прибытіе въ Лондонъ относится къ 21 апрѣля [3 мая] 1839 г. Напечатана элегія была въ «Современникѣ» 1840 г., т. XVI, при чемъ приложены были и снимки съ рисунковъ кладбища, сдѣланныхъ поэтомъ.

Молитвой нашей [стр. 277] написано по случаю выздоровленія ея высочества великой кн. Ольги Николаевны и напечатано въ «Современникѣ» 1840 г., т. XVII.

Бородинская годовщина [стр. 279] напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 26 августа 1839 г. и оттуда отдѣльною брошюркою, а затѣмъ въ «Современникѣ» 1840 г., т. XVI. Какъ и когда было написано это стихотвореніе, разсказано самимъ Жуковскимъ въ письмѣ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ [стр. 285] написано въ февралѣ 1843 г. и напечатано въ слѣдующемъ году при отдѣльномъ изданіи «Наля и Дамаянти». Ея высочество весьма благосклонно приняла поднесенную ей

поэму и благодарила Жуковскаго собственноручнымъ письмомъ [см. Русскій Архивъ 1868 г., № 1]. Въ этомъ «посвященіи» Жуковскій вспоминаетъ берлинскіе маскерады и живыя картины 1821 г., въ которыхъ императрица Александра Ѳеодоровна, тогда еще великая княгиня, являлась въ сценахъ изъ поэмы «Лалла-Рукъ», индѣйской царевною, проносимою въ паланкинѣ. Замѣтимъ, что всѣ берлинскіе маскерады, живыя картины, каруселя и пр., были тогда изображены въ нѣсколькихъ гравированныхъ альбомахъ, вышедшихъ въ Берлинѣ и еще теперь встрѣчающихся въ продажѣ.

Наль и Дамаянти [стр. 289]. Самъ Жуковскій назвалъ эту поэму не переводомъ, но подражаніемъ Рюккерту, а въ біографіи поэта, написанной Зейдлицемъ, указаны и тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ Рюккертовомъ переводѣ, согласно начинавшему развиваться тогда въ Жуковскомъ мистическому направленію, усиленному частыми свиданіями и перепискою съ Гоголемъ. Тѣмъ не менѣе переложеніе вышло вполнѣ поэтическимъ, и въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ ему появившійся въ 1851—62 гг. переводъ этого же эпизода «Магабгараты», сдѣланный И. А. Коссовичемъ прямо съ санскритскаго.

Переводъ «Наля» былъ начатъ и оконченъ въ 1841 г., а напечатанъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1844 г. съ рисунками Майделя, иллюстрировавшаго «Ундину». Къ каждой изъ 30 пѣсней были нарисованы заглавныя буквы, ввидѣ виньетокъ, а передъ каждой изъ 10 главъ въ особыхъ рисункахъ, бо̀льшаго размѣра, представлено содержаніе главы; кромѣ того на особомъ листѣ приложено изображеніе Дамаянти.

1-е іюля 1842 г. [стр. 364]. Это стихотвореніе напечатано было въ «Москвитянинѣ» 1842 г., № 12.

Маттео Фальконе [стр. 371] напечатано въ «Современникѣ» 1843 г., т. 32; а время, когда оно написано, указано въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу [см. его: «О жизни и соч. Жуковскаго», стр. 128].

Капитанъ Боппъ [стр. 377]. Мы отнесли этотъ разсказъ къ 1843 г. на основаніи помѣты, помѣщенной при первомъ напечатаніи его въ альманахѣ гр. Соллогуба «Вчера и сегодня» на 1845 г. [т. 1-й], хотя г. Зейдлицъ, неизвѣстно почему, относитъ «Капитана Боппа» къ 1845 г.—Сборникъ гр. Соллогуба процензированъ въ январѣ 1845 г., слѣд. поэма находилась въ редакціи еще вконцѣ 1844 г. и мы полагаемъ, что именно она упоминается Ж. въ указанномъ письмѣ 1843 г. къ Плетневу. «Сверхъ перевода Гомера», пишетъ Жуковскій: «я еще написалъ двѣ повѣсти ямбами безъ риѳмъ.... посылаю одну изъ этихъ статей [Маттео Фальконе] для помѣщенія въ Современникѣ». Кромѣ того въ письмѣ къ Плетневу-же, въ январѣ 1845 г., Жуковскій, посылая новое произведеніе, написанное въ концѣ ноября 1844 г., пишетъ, что за двѣ недѣли отправилъ къ Соллогубу въ его альманахъ, имѣющій появиться въ январѣ 1845 г., повѣсть, и не называетъ ее новымъ произведеніемъ, а указываетъ, что она принадлежитъ къ существующему уже собранію повѣстей для юношества. Наконецъ, странно предполагать, чтобы новое произведеніе, назначавшееся для новаго альманаха было помѣчено авторомъ двумя годами назадъ.

Двѣ повѣсти [стр. 387] напечатаны въ № 1 «Москвитянина» на 1845 г., и поэтому написаны не позднѣе 1844 г., подъ которымъ и поставлены нами.

Выборъ креста [стр. 400] отнесено нами къ 1845 г. по указанію г. Зейдлица и по времени напечатанія въ «Современникѣ» [1846 года, № 1], но кажется, что именно объ этомъ стихотвореніи говорится въ письмѣ къ Плетневу, въ январѣ 1845 года: «12 декабря новаго стиля началъ я прилагаемую здѣсь піесу, которую кончилъ 14-го. Она была бы сжатѣе, если бы было мнѣ болѣе времени: je n'ai pas eut le temps d'être plus court». Если здѣсь дѣйствительно говорится о «Выборѣ креста» [а другихъ произведеній Жуковскаго, писанныхъ въ это время, намъ неизвѣстно], то стихотвореніе это надо отнести къ концу 1844 г. Во всякомъ случаѣ оно

непосредственно слѣдуетъ за «Двумя былями», какъ у насъ и напечатано.

Тюльпанное дерево, Котъ въ сапогахъ и Сказка о Иванѣ Царевичѣ [стр. 402, 412 и 419] напечатаны въ «Современникѣ» 1846 г., № 7 и 10, и 1845, № 9. Размѣщены нами согласно помѣтамъ, бывшимъ при нихъ при первомъ напечатаніи.

Стихи на гробѣ Полторацкой [стр. 455] напечатаны въ «Иллюстраціи» 1846 г., № 10, и за тѣмъ только въ посмертномъ изданіи.

Въ альбомъ Алябьевой [стр. 455] напечатаны въ «Москвитянинѣ» 1852 года, № 18, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Египетская тьма [стр. 456] напечатано въ «Московскомъ Сборникѣ» на 1847 годъ, и за отсутствіемъ точныхъ указаній о времени сочиненія помѣщено нами подъ 1846 г., т. е. тѣмъ, когда былъ цензурованъ «Московскій Сборникъ», и когда Жуковскій писалъ свои «религіозныя размышленія». На этомъ же основаніи мы отнесли сюда и два неоконченные отрывка, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г., № 9: Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ и Чаша слезъ [стр. 458 и 469], тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ ними напечатана была статья въ прозѣ, писанная 16 января 1846 г. Съ перваго стихотворенія у насъ есть списокъ, разнящійся съ текстомъ «Русскаго Архива» и повидимому болѣе точный, такъ какъ нѣкоторые стихи отличаются бо̀льшею правильностью и ясностью, напр. вначалѣ говорится, что Іаковъ «жилъ прежде въ Хананейской землѣ богатой; сыновья его пасли въ горахъ обильныя стада», и пр., тогда какъ въ Р. А. напечатано: «жилъ прежде въ Хананей странѣ; богаты сыновья его; пасли» и пр. Такъ какъ и въ Р. Архивѣ «Іосифъ» напечатанъ также со списка, а не съ подлинника, то мы предпочли имѣющійся у насъ. Всѣ разницы обоихъ списковъ относятся къ слѣдующимъ мѣстамъ: стр. 459 стихъ 1 и 8; стр. 460, ст. 4; стр. 461, ст. 5 снизу; стр. 463, ст. 4, 6 и 27; стр. 464, ст.

19 и 29; стр. 467, ст. 10—11 и стр. 469, ст. 13. Мы подробно указываемъ эти варіанты для того, чтобы лица, имѣющія подлинникъ Жуковскаго, обратили на нихъ особенное вниманіе, и сообщили настоящій текстъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ КО 2-му ТОМУ

Уже по отпечатаніи 2-го тома настоящаго изданія мы получили отъ разныхъ лицъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ и въ томъ числѣ П. И. Бартеневъ прислалъ цѣлую тетрадь стихотвореній, списанныхъ имъ съ рукописей Жуковскаго. Всѣмъ присланнымъ мы воспользовались при дальнѣйшемъ печатаніи, а къ напечатанному прежде приводимъ поправки:

1. Къ роднымъ при посылкѣ портрета [стр. 43] написано въ октябрѣ 1812 г., слѣд. не можетъ принадлежать ни къ 1827 г., данному посмертнымъ изданіемъ, ни къ 1816 г., указанному нами съ оговоркою, что мы нашли «менѣе ошибочнымъ» отнести это стихотвореніе на 11 лѣтъ ранѣе. Оказывается, что надо было отнести еще на 4 года ранѣе, противъ помѣты посмертнаго изданія.

2. Къ портрету великой княгини [стр. 46] по списку г. Бартенева читается:

Для насъ ее судьба на землю привела,
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радости она предъ нами стала,
И все прекрасное въ себѣ намъ отдала.
И намъ она мила, какъ счастья упованье!
Къ великому въ ней духъ растетъ и возрастетъ!
Она свою стезю съ достоинствомъ пройдетъ;
Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

3. Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [стр. 403], можетъ быть написано по случаю посѣщенія Демидовскаго дома трудящихся 19 марта 1833 года.

4. Къ *** [стр. 413], оставленное нами подъ годомъ напечатанія, написано въ февралѣ 1818 г. въ альбомъ жены С. Н. Глинки, у котораго Жуковскій крестилъ сына, вскорѣ умершаго.

5. Къ А. Л. Нарышкину [стр. 407]—въ тетради г. Бартенева приведено то же безъ года, но сопровождается слѣдующимъ дополненіемъ, никогда не бывшимъ въ печати:

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда безъ смысла къ Монплезиру
Я риѳмою наставилъ лиру,
Тогда сіялъ прекрасный день
На небѣ голубомъ и знойномъ,
И мысль мою плѣнила тѣнь
На взморьѣ свѣтломъ и спокойномъ.
Но всѣмъ извѣстно ужъ давно,
Что смыслъ и риѳма не одно;
И этому примѣромъ снова
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
Разсудокъ мокрый доказалъ,
Что Монплезиръ пріютъ прекрасный,
Но только въ день сухой и ясный,
Что отъ дворца онъ далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привидѣньями, чертями
Воображенье посылать,
Но что на прочія посылки —
Чтобъ утромъ кофе для пѣвца
Принесть изъ царскаго дворца,
Чтобъ попросить ножа иль вилки,
Чтобъ просто сбѣгать за водой —
Необходимъ посолъ иной;
Что на сіи препорученья
Небесный геній слишкомъ дикъ,
И что послѣдній истопникъ
Проворнѣе воображенья.
И такъ, сказавъ мое прости
Плѣнительному Монплезиру,
И давъ ему для риѳмы лиру,

Спѣшу скорѣе перейти
Поближе къ царскому жилищу.
И здѣсь, какъ тамъ, найдетъ поэтъ
Уму мечтательную пищу,
За то здѣсь ужинъ и обѣдъ
Вѣрнѣй—вѣдь не одной мечтою,
А дѣломъ брать я ихъ привыкъ;
Къ тому же здѣсь хотя за мною
Не уморится истопникъ.

---

6. Кромѣ того въ тетради есть еще нѣсколько неизданныхъ стихотвореній, относящихся по времени къ напечатаннымъ во 2-мъ томѣ, которыя мы и выписываемъ:

ИЗЪ АЛЬБОМА А. П. ЕЛАГИНОЙ.

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы потока,
Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близкимъ друзьямъ.
Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безпечною жизнію жившихъ;
Мы, смѣня ихъ, имъ вслѣдъ смиренно ко счастью идемъ.
Съ нами любовь обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ПЛАТОКЪ. ГР. САМОЙЛОВОЙ.

[ПАВЛОВСКЪ. 1819 ГОДА. ІЮНЯ 29].

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ нѣтъ
Что я, вашъ Павловскій поэтъ,
На взморьѣ съ вами не катался,
А скромно въ Колпинѣ спасался
Отъ искушенія той прелести живой,
Которою непобѣдимо
Плѣнилъ бы душу мнѣ вечернею порой
И вмѣстѣ съ вами зримой
Подъ очарованной луной
Безмолвный берегъ Монплезира.
Воскреснула бъ моя покинутая лира —
Но что жъ бы сдѣлалось съ душой?
Не знаю, да и радъ, признаться, что не знаю!

Здѣсь безопасно я все то воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
Какъ полная луна въ величественный часъ
Всемірнаго успокоенья
Надъ спящею морской равниною взошла
И въ тихомъ блескѣ потекла
Среди священнаго небесъ уединенья;
Съ какою прелестью по дремлющимъ брегамъ
Со тьмою свѣтъ ея мѣшался,
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на землю пробирался
И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ,
Какъ вы на камняхъ, надъ водою
Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
Волны, дробимыя подъ вашею ногою,
И какъ толпы крылатыхъ думъ
Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою.
Все это вижу я, и видѣть не боюсь,
И даже въ шлюпку къ вамъ сажусь
Неустрашимою мечтою;
И мой безпечно взоръ летаетъ по волнамъ
Любуясь какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
Какъ прядаютъ лучи по зыбкимъ ихъ верхамъ,
Какъ звучно веслами гребцы ихъ расшибаютъ,
Какъ брызги легкіе взлетаютъ жемчугомъ,
И въ воздухѣ блеснувъ, въ паденьи угасаютъ.
О, мой пріютный уголокъ.
Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился;
Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный рокъ
Неизбѣжимо бъ совершился:
Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный вамъ платокъ,
Забывъ себя, я бросился бъ въ пучину
И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вамъ пѣвецъ
На днѣ морскомъ пугалъ балладами Ундину,
И сонный дядя Студенецъ,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зѣвалъ бы, слушая Старушку.
Платокъ спасенный мной въ подводной глубинѣ
Надводныхъ прелестей не замѣнилъ бы мнѣ.
Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любоваться,
Но все бы о землѣ грустилъ изподтишка;
Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, признаться,
Милѣе вашего платка.

Но только ль? Можетъ быть, подводные народы
[Которые въ своей студёной глубинѣ
Не зная перемѣнъ раскошныя природы,
Въ однообразіи, во скукѣ и во мглѣ
Туманные проводятъ годы]
Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,
Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кружокъ
И стали бъ моему сокровищу дивиться,
И вѣрно бъ вздумали сокровище отнять.
А я? Чтобъ хитростью отъ силы защититься,
Чтобъ шуткой чудаковъ, чешуйчатыхъ занять,
Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ жмурки,
Да самому себѣ глаза бъ и завязалъ!
Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
За-то бы всѣ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Сплылось бы всё ко мнѣ: изъ земныя конурки
Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на клешняхъ;
Явился бы и китъ съ огромными усами,
И нильскій крокодилъ въ узорныхъ чешуяхъ,
И выдра, и мокой сверкающій зубами,
И каракатицы, и устрицы съ сельдями,
Короче—океанъ вверхъ дномъ!
И начали бъ они кругомъ меня рѣзвиться
И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
А я [чтобы съ моимъ сокровищемъ платкомъ
На мигъ одинъ не разлучиться,
Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать
Ни каракатицѣ, ни раку, ни мокою]
Для вида только бы на нихъ махалъ рукою,
И не ловилъ бы ихъ, а только что пугалъ.
И такъ теперь легко дойти до заключенья:
Я въ жмурки бы игралъ
До свѣтопреставленья;
И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ воскресенья,
Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ бы: поймалъ!
Ужасный жребій сей поэта миновалъ!
Платокъ вашъ странствуетъ по царству Аквилона.
Но знайте, для него не страшенъ Аквилонъ;
И сухъ и невредимъ во влагѣ будетъ онъ.
Самимъ извѣстно вамъ, поэта Аріона
Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,
Хотя ярилася на жизнь пловца пучина;

И нынѣ внукъ того чудеснаго дельфина
Лелѣетъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!
Пусть буря бездны колыхаетъ,
Пусть рушитъ корабли и рветъ ихъ паруса,
Вокругъ него ея свирѣпость утихаетъ
И на него изъ тучъ сіяютъ небеса
Благотворящей теплотою;
Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за собою
И скоро донесутъ покорные валы
Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
Передъ могучею десницей Геркулеса.
Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
И слушайте жъ теперь, къ чему назначилъ рокъ
Непостоянный вашъ платокъ.
Благочестивая красавица принцеса,
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его увидитъ, имъ плѣнится,
И ношу милую поднесть прекрасной въ даръ
Услужливый дельфинъ въ минуту согласится.
Но здѣсь неясное предъ нами объяснится.
Натуралистъ Бомаръ
Въ ученомъ словарѣ ученыхъ увѣряетъ,
Что никода дельфиновъ не бываетъ,
У Петергофскихъ береговъ,
И что поэтому потерянныхъ платковъ
Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дельфина.
И въ самомъ дѣлѣ это такъ.
Но знайте, нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ — башмакъ,
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина
[pour la rime]
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.
Но что же? Оттого дельфинъ совсѣмъ не хуже,
Что счастіе имѣлъ онъ башмакомъ служить
Ея сіятельству, и что угодно было
Такъ жестоко играть ей жизнью башмака.
Предназначеніе судьбы его хранило!
Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего платка.
Воротимся жъ къ платку. Вы слышали, принцеса
Красавица, у береговъ Гадеса
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его получитъ отъ дельфина.

Красавицу съ платкомъ умчитъ въ Алжиръ корсаръ;
Продастъ ее пашѣ; паша назначитъ въ даръ
Для императорова сына.
Сынъ императоровъ не варваръ, а герой,
Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана,
Принцесса же умомъ другая Роксолана
И точь-въ-точь милая Матильда красотой.
Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится:
Принцессой деевъ сынъ плѣнится;
Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему платокъ;
Руки жъ отдать ему она не согласится,
Пока не будетъ имъ отвергнутъ Лжепророкъ,
Пока онъ не крестится,
Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣпей
И не предстанетъ къ ней.
Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить словъ:
Онъ вмигъ на все готовъ —
Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
Съ несчастныхъ христіанъ, и крикнулъ кличъ военный;
Платокъ красавицы, ко древу пригвожденный,
Сталъ гордымъ знаменемъ, предшествующимъ въ бой;
И Африка зажглась священною войной;
Египетъ, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны Востока —
Все завоевано крестившимся вождемъ
И пала предъ его карающимъ мечемъ
Имперія Пророка.
Свершивъ со славою любви святой завѣтъ,
Низринувъ алтари безумія во пламя
И Богу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
Герой спѣшитъ принесть торжественное знамя,
То есть платокъ, къ ногамъ красавицы своей.
Не трудно угадать развязку:
Перевѣнчаются, велятъ созвать гостей,
Подымутъ пляску,
И счастливой четѣ
Воскликнутъ многи лѣта!
А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ высотѣ,
Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
Первостепенная изъ всѣхъ другихъ кометъ;
Ея вліяніе преобразуетъ свѣтъ,
Настанутъ тамъ другія
Благословенны времена.

И будетъ на землѣ на вѣкъ воцарена
Премудрость, а сказать по гречески: Софія.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ, ИХЪ СІЯТЕЛЬСТВАМЪ ГРАФИНѢ САМОЙЛОВОЙ, ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНѢ КОЗЛОВСКОЙ И КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ, ОТЪ НѢКОТОРАГО ЖАЛКАГО СТИХОТВОРЦА

ПРОШЕНІЕ.

Больной, покинутый поэтъ
Напомнить о себѣ дерзаетъ;
Шесть дней, похожихъ на шесть лѣтъ
Болѣзнь упрямая мѣшаетъ
Ему за царскимъ быть столомъ.
Онъ лакомка, какъ всѣ поэты,
Но эскулаповымъ жрецомъ
Ему запрещены конфекты,
За-то позволены плоды.
Увы, съ прошедшей середы
Въ-глаза не видывалъ клубники,
И только запахъ земляники
Дразнилъ его унылый носъ.
А апельсинъ и абрикосъ?
Онъ ихъ теперь и не узнаетъ!
И такъ смиренно умоляетъ
Изъ душной госпитали онъ
Варвару Павловну, княжонъ,
Графинь, здоровья имъ желая,
Вздохнуть объ участи его;
Да и прислать того-сего
Изъ царскаго земнаго рая:
Десятокъ вишень въ башмакѣ,
Клубники въ носовомъ платкѣ,
Малины въ лайковой перчаткѣ,
И просто на тарелкѣ сливъ.
Такую милость получивъ,
Укажетъ двери лихорадкѣ

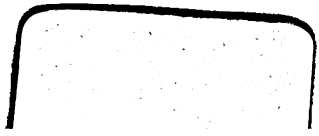
И мигомъ вылечится онъ.
Пускай искусенъ нашъ Крейтонъ,
Хвала и честь его латыни,
Его достойно славитъ свѣтъ,
Но для поэта факультетъ
Теперь двѣ милыя графини,
Двѣ добродушныя княжны
Съ Варварой Павловной; властны
Онѣ одной своей подачкой
На зло аптекамъ побѣдить
Простуду съ желтою горячкой
И даже мертвыхъ воскресить.

9-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Судя по двумъ среднимъ стихотвореніямъ, можно предположить, что одновременно съ ними, т. е. въ 1819 г., написаны также и напечатанные во 2 томѣ на стр. 397, 404 и 411, т. е. Посланіе къ В. П. Ушаковой, Чижикъ, Къ графинѣ Шуваловой, Амуръ и Мудрость и Письмо къ Нарышкину, въ размѣщеніи которыхъ за недостаткомъ какихъ либо другихъ данныхъ мы руководствовались временемъ ихъ напечатанія.

790077